

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

Этнодемографические процессы на Севере Евразии

Сборник научных трудов
Выпуск 2

*Материалы к Всероссийской научной конференции
по исторической демографии
«Этнодемографические процессы на Севере Евразии
(XI–XX вв.)» (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.)*

Сыктывкар, 2005

УДК 947 (470.13)

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. (ISBN 5-89606-242-7).

Второй выпуск серии сборников трудов, посвященных этническим и этнодемографическим процессам, происходившим в различные исторические эпохи на Севере Евразии, издан к Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.); большая часть публикаций представляет собой материалы, представленные на эту конференцию учеными Архангельска, Владивостока, Екатеринбурга, Ижевска, Москвы, Перми, Сыктывкара, Ульяновска, Ухты, Ханты-Мансийска.

Сборник подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Редакционная коллегия серии:

к.и.н. А.Ф.Сметанин (главный редактор), д.и.н. И.Л.Жеребцов (зам. главного редактора), к.и.н. И.О.Васкул (отв. секретарь), член-корр. РАН А.В.Головнев, д.и.н. В.Б.Жиромская, д.и.н. Г.Е.Корнилов, к.э.н. Е.Н.Рожкин, д.и.н. В.А.Семенов, д.и.н. А.С.Сенявский, д.э.н. В.В.Фаузер, д.филол.н. Е.А.Цыпанов, д.и.н. Ю.П.Шабаев

Ответственный редактор выпуска и составитель
д.и.н. И.Л.Жеребцов

Рецензент
д.и.н., проф. В.И.Чупров

ISBN 5-89606-242-7

- © Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН, 2005
- © И.Л.Жеребцов, состав., 2005
- © Авторский коллектив, 2005

И.Л.Жеребцов, Е.Н.Рожкин*

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
НА ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ
(КОНЕЦ XV – XVI вв.)**

С закреплением Коми края в составе Русского государства в конце XV в. территория расселения коми народа перестала быть ареной разорительной для населения борьбы между княжествами (феодальная война середины XV в., сказавшаяся и на жителях европейского Северо-Востока и сопровождавшаяся разрушениями населенных пунктов, убийствами и уводом в плен их обитателей [13; 19, с. 61], несомненно, тормозила процесс русского земледельческого освоения региона), оказалась более надежно защищена от нападений соседних северо-восточных племен. Расширились и возможности русской земледельческой колонизации европейского Северо-Востока. С конца XV в. в Восточное Поморье, т.е. на территорию Коми края и в соседние районы, направлялся основной поток переселявшихся из различных регионов страны русских крестьян.

Переселения вызывались социально-экономическими изменениями, происходившими в Русском государстве. Во-первых, это рост крупного землевладения, сопровождавшийся усилением крепостничества, когда, по словам П.А.Колесникова, вместе с укреплением феодального способа производства и ростом крепостнических отношений возрастало бегство крестьян из центральных районов страны на Север, свободный от феодалов [14, с. 79]. Кроме того, на восток

***Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зам. директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории, член Президиума Коми НЦ УрО РАН, председатель Ученого совета Национального музея Республики Коми. Автор более 300 работ, среди которых монографии «Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в.» (Екатеринбург, 1996), «Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население» (Сыктывкар, 1998), «Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник» (М.: Наука, 2001) и др. **Рожкин Евгений Николаевич** (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, зам. министра культуры и национальной политики Республики Коми, руководитель департамента национальной политики. Область научных интересов – этнодемографические процессы на Севере России. Опубликовал более 30 работ, среди которых книги ««Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция» (Сыктывкар, 2001, в соавт.), «Стоявшие у истоков» (Сыктывкар, 2005, в соавт.), ряд брошюр и др.

(на Вычегду, Лузу, в бассейн Мезени, на Печору) стали переселяться жители ранее освоенного Подвинья, где начала ощущаться нехватка пахотных земель. Кроме того, в XVI в. проявилось расслоение северного крестьянства (особенно явственно обозначившееся в XVII столетии): часть жителей нищала, лишалась земли и угодий, переходивших к более зажиточным односельчанам, и вынуждена была покидать родные места, чтобы искать счастья в других районах, и, в частности, в соседнем Коми крае [15, с. 233, 237; 22, с. 57,70].

Конечно, этот процесс происходил в непростых условиях – как с точки зрения экономического, так и с точки зрения этносоциального развития коми. В это время началось формирование первых этнографических групп коми, происходившее в условиях активизировавшихся миграций и, в частности, усилившегося притока русских переселенцев. В XV в. пермяне заселяли Вычегду до устья Выми, Вымь, Вашку, Сысолу, Лузу и Вишеру. Верхняя Мезень, Летка и Вычегда (начиная с Усть-Сысольского района и вверх по течению) не были заселены, но, вероятно, частично использовались в качестве промысловых угодий. В этот период у коми завершался процесс формирования территориально-соседских общин.

Распад родоплеменных отношений имел здесь своеобразные черты. Л.П.Лашук отметил, что в Коми крае в ходе указанного процесса первоначально сложились территориально-племенные объединения, являвшиеся промежуточными звеньями между племенами отмиравшего родового строя и будущими соседскими общинами. Они представляли собой тип этнической общности, который характеризовался собственным именем и диалектом, общностью территории, хозяйственно-экономических связей и культурно-бытового уклада. Друг от друга общности отличались по культурно-бытовым особенностям, хозяйству и диалектным отличиям языка [17]. Мнение Л.П.Лашука было поддержано другими исследователями [7, с. 35].

На вышеперечисленных землях существовало восемь территориально-племенных объединений. Пермяне вымские жили на р. Вымь, пермяне нижневычегодские – на р. Вычегда (от устья Выми до низовьев Вычегды), сысольские зыряне (или сырьяне) – на средней и нижней Сыsole, сирьяне ужговские – на верхней Сыsole и верхней Каме (позднее, в конце XVI в., территория по верхней Каме обособилась от Сысолы, и там сложилась своеобразная группа зюздинских коми-пермяков, очень близкая по языку и культуре современному коми населению верхней Сысолы). На р. Луза жили пермяне лузские (Лузская Пермца), на р. Вилядь (приток Вычегды) – пермяне виле-

годские (Вилегодская Пермца), на р. Вашка (Удора) – пермяне удорские, на реках Пинега и, возможно, Немьюга (приток р. Кулой) – пермяне пинежские [7; 17].

В XV–XVI вв. в немалой степени под социально-экономическим влиянием феодальной Руси в Коми крае шла модернизация. Производящие отрасли хозяйства (земледелие, животноводство) занимали все большее место в экономике региона, значение присваивающих (охота, рыболовство) постепенно несколько ослабевало, и это в условиях менявшегося к худшему климата [1; 2] имело весьма неожиданные последствия (см. ниже). Развивались и упрочивались территориально-соседские связи, произошел окончательный переход от родового строя к раннеклассовому обществу. К концу XVI в. на смену территориально-племенным объединениям окончательно пришли территориальные, «земляческие» союзы различной величины. Одни объединяли несколько близлежащих селений в рамках одного погоста или волостки, другие включали в себя целую группу таких погостов и волосток и именовались землями или волостями; территории земель-волостей в основном совпадали с территориями предшествовавших территориально-племенных объединений. Это было начальным этапом формирования народности коми [7; 17].

Названные выше территориально-племенные объединения стали основой для формирования этнографических групп коми, отличающихся друг от друга своеобразными чертами некоторых элементов традиционной культуры (орнамента, хозяйственных занятий, одежды и др.). К числу первых возникших этнографических групп принадлежат вымичи, нижневыегодцы, прилузские коми. Существенную роль в их формировании сыграли этнокультурные контакты между коми и другими народами.

У прилузцев (пермяки, затем лузсаяс) наряду с контактами с русскими переселенцами прослеживаются связи с удмуртами и марийцами. В лузско-летском диалекте обнаруживаются марийские заимствования. Определенная близость с марийцами выявляется в отдельных элементах материальной культуры – в женских головных уборах, в особенностях украшения одежды. Л.Н.Жеребцов отмечает в качестве хозяйственно-культурной специфики прилузцев более развитое по сравнению с другими группами коми земледелие, наличие льноводства, свиноводства, некоторых видов промыслов, своеобразных жилых и хозяйственных построек, особых форм одежды, орнамента и др. Среди прилузских коми распространен вятско-камский сублапоноидный антропологический тип [8; 10; 17].

Нижневычегодская (эжватас) и вымская (емватас) группы довольно близки между собой. Как отмечают исследователи, их этнографическая специфика складывалась в результате взаимодействия двух факторов: во-первых, наличия устойчивого постоянного ядра и во-вторых, прилива смешанных (русско-пермские, вепско-пермские и другие сочетания) и однонациональных (русских) пришельцев. Результатом этого явились особые диалекты, большое количество различных заимствований в материальной и духовной культуре (славянские пахотные орудия, северно-великорусская планировка и типы жилища, русские элементы в свадебной обрядности и т.п.), значительная европеоидность этих коми (здесь распространен восточно-балтийский антропологический тип).

Вероятно, нижневычегодские коми включили в себя наибольший по сравнению с другими группами русский компонент, поскольку на нижнюю Вычегду приходила основная масса русских переселенцев. В диалекте нижневычегодцев присутствуют значительные вепские и русские заимствования; вероятно, что под влиянием западно-финских и русского языков произошел переход нижневычегодцев с эл-ового говора в вз-овый [7; 8; 17; 26].

Стоит отметить, что значительная часть нижневычегодских коми в XV–XVI вв. проживала ниже Межога, т.е. западнее современной этнической границы между коми и русскими. Но доля последних в населении Нижней Вычегды, вероятно, постоянно росла, в том числе и за счет притока сюда переселенцев с Двины и других районов Русского Севера. Хотя еще в XVII – начале XVIII в. коми компонент имелся практически во всех вычегодских волостях Яренского уезда, расположенных вне границ современной Республики Коми [5], но большинство местного населения составили русские. Об этом говорит, в частности, существенно большая распространенность в этом районе русских фамилий по сравнению с коми. Показателен и такой факт: в 1646 г. в д. Зайва Ошлапецкой волости жил И.Зыренин [4, с. 62]. Сам он, как следует из его прозвища, был коми-зырянин. Но ясно, что он получил его от местного русского населения и что возникновение такого прозвища не может не указывать на относительную малочисленность коми в данной местности, в противном случае принадлежность к коми этносу не была бы отличительной чертой, по которой давалось прозвище.

Учитывая все сказанное, следует согласиться с предположением Л.Н.Жеребцова относительно того, что коми население Вычегды ниже Межога к рубежу XVI–XVII вв. «исчезает как этническая группа» [7, с. 84], т.е. как общность людей с присущими ей своеобразными

чертами культурно-бытового и хозяйственного укладов жизни и единой территорией расселения. Но, тем не менее, можно говорить о наличии отдельных более или менее многочисленных представителей народа коми (причем различных его локальных групп – как нижневычегодской, так и удорской и т.д. [5, с. 35–41]), живших на Вычегде западнее современной коми-русской этнической границы и рассеянных среди численно превосходившего русского населения.

Формирование прилузской, нижневычегодской и вымской этнографических групп в основном завершилось в XV–XVI вв. Тогда же сложилась небольшая локальная группа вишерских коми (висерса), видимо, близкородственных вымским коми (не случайно в грамоте 1490 г. отмечалось, что Вишера – «Вымской же земли место»), но позднее вошедшая в состав верхневычегодских коми [3; 7; 8].

Среди первых этнографических групп коми Л.Н.Жеребцов называет также сысольцев (сыктылсаяс), сложившихся на основе двух территориально-племенных объединений: сысольских зырян и ужговских сирян. Однако следует иметь в виду, что в XV–XVI вв. между этими объединениями, вероятно, еще оставались значительные различия, обусловленные, в частности, территориальной отдаленностью друг от друга (довольно значительное пространство между средне-сысольскими и верхнесысольскими селениями оставалось незаселенным и стало постепенно осваиваться только в XVII в.) и разной административной принадлежностью (средняя и нижняя Сысола входила в Сысольскую землю, а верхняя Сысола вместе с Верхокамьем составляла Ужгинскую волость). Возможно, к XV–XVI вв. нужно относить только начальный период формирования этнографической группы сысольцев, а завершился этот процесс уже в XVII или даже XVIII в. Не случайно до настоящего времени сохранились отдельные средне-сысольский и верхнесысольский диалекты коми языка (верхнесысольский диалект имеет сходные черты с зюздинским и коми-пермяцким).

Сысольская этнографическая группа в материальной культуре обнаруживает устойчивые связи с коми-пермяками (живущими на р. Кама в ее верхнем течении) и зюздинцами. По антропологическим признакам сысольцы относятся к вятско-камскому сублапаноидному типу, так же как коми-пермяки и зюздинцы [7; 8; 9; 17; 27]. На своем диалекте говорят и жители низовьев Сысолы. Заселение устья р. Сысола началось, вероятно, в первой половине XVI в. О наличии некоторого количества русских среди первопоселенцев этого района могут свидетельствовать названия двух починков – Зеленец и Другой Зеленец, упомянутых в писцовой книге 1586 г. [11; 12, с. 483]. Эти

названия происходят от русского географического термина «зеле-нец», т.е. «островок, где нет ни пашни, ни косовицы».

На р. Вашка в XV–XVI вв. формировалась этнографическая группа удорских коми (удораса). Она сложилась в результате слияния переселившихся сюда еще в XIII в. нижневычегодских пермян (и, возможно, выходцев из более западных районов расселения древних коми, в частности, с Пинеги) с представителями прибалтийско-финских народов (вепсов, карел и, возможно, еще каких-то родственных им) и включения русского компонента. Поэтому удорцы отличаются рядом специфических черт. Исследователи указывают на распространение только в этом районе Коми края яркого европеоидного беломорского антропологического типа и на наличие карело-вепских заимствований в удорском диалекте [6; 27]. Формирование удорской группы потребовало более долгого, чем у прилузцев, нижневычегодцев и вымичей, времени в связи с освоением верхней Мезени, где селения появились в середине XVI в. Среди первых жителей главного из них, Глотовой слободки (совр. село Глотова), известной с 1554 г., были коми с Выми и русские; по мнению этнографа Л.П.Лашука, название свое слободка получила по фамилии своего основателя – русского крестьянина Глотова. Наличие русского компонента в составе первопоселенцев стало одним из элементов, обусловивших культурное своеобразие глотовской группы коми, позднее слившейся с удорцами [6; 17]. Средняя Мезень (выше устья Вашки и до современных границ Республики Коми) и нижняя Вашка (севернее нынешнего рубежа республики) в конце XV–XVI вв. были заселены русскими, с которыми постепенно смешались коми обитатели нижневашкинских селений. В этот же период русские стали большинством населения на соседней Пинеге.

В Печорском крае оседлого населения долгое время не было. Лишь на рубеже XV–XVI вв. в низовьях Печоры появились русские и коми. В 1499 г. «повелев князь великий Иван воеводам своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику» с войском идти на Печору. В низовьях Печоры, близ современного г. Нарьян-Мар, «на Пусту» был построен укрепленный городок Пустозерск, ставший опорным пунктом Русского государства на крайнем Северо-Востоке Европы. Среди его строителей и первых обитателей были русские и коми (вычегжане, вымичи, сысоличичи) [3, с. 264; 21, с. 51, 98.]. Так в низовьях Печоры возникла значительная группа пустозерских коми, изначально жившая вместе с русскими.

Численность пустозерцев быстро выросла. В 1575 г. там насчитывалось «русских и пермяцких 144 дворы, а людей в них русаков и

пермяков 282 чел.» (имелись в виду только взрослые мужчины). Поселившиеся буквально на краю света выходцы из Пскова, Вологды и других мест обживали местность, заводили хозяйство: «А се угодыя Пустозерские волости жилцов, русаков и пермяков, всей волости, реки и речки и тони и озера... да их же угодыя на морском берегу, ...а ловят... красную рыбу семгу», «ловят белую рыбу про свою нужду». Прирост происходил главным образом, видимо, именно за счет притока русских переселенцев. К сожалению, документы XVI в. (как, впрочем, и более поздние) далеко не полностью отражают количество пришлых людей, но о географии мест выхода этих мигрантов они дают определенное представление. Среди жителей Пустозерска в 1575 г. было девять выходцев с Русского Севера и из других мест: Якуш Елисеев Вологженин, Иванко Псковитин, Федько Ер Кулюянин (с р. Кулы), Харка Немнюжанин (с р. Немьюги), Игнаш Калинин Волочанин, «новокрещены нагайские» Михалко Тулунтаев и Перша Казибердеев, Митька Югритин (выходец из Югры) с сыном и Тиханко Юрьев Литвин (переселенец из Литвы) [24, с. 463-467, 480].

В 1542 г. появилось русское поселение на р. Печора – Усть-Цильма, основанное новгородцами Иваном Дмитриевичем Ласткой и Власком. В 1544 г., сообщает Вычегодско-Вымская летопись, «пожаловал князь великий Иван новугородца Ластку да Власку Печорскими тонями и речками да слободкою на устье на Цильме, а копити тое слободку на князя великого безпенно и беспошлинно» [3, с. 264-265]. К основателям слободки быстро присоединились выходцы с Мезени, Пинеги, Северной Двины и даже из Карелии: «В келье Иванко Корела», сообщила об одном из обитателей слободки платежная книга 1575 г. В 1575 г. здесь имелось 16 крестьянских двора и четыре двора церковнослужителей [24]. Со временем в Усть-Цильме сложилась своеобразнейшая группа севернорусского населения («усть-цилёмы»), имеющая характерные особенности культуры и быта [16].

Между 1567 и 1576 гг. появилось первое из ныне существующих коми селений в Печорском крае – Ижемская слободка (совр. село Ижма). Там поселились коми, к которым позднее присоединились русские из Усть-Цильмы (Чупровы), из Устюга (Иван Гаврилов сын Филипповых) и др. [16; 23]. Так начала складываться наиболее своеобразная из групп коми – ижемская (изъватас), формирование которой завершилось в XVIII в.

В результате миграций усилились связи между коми и русскими, активизировался взаимообмен опытом ведения хозяйства. Исследователи отмечают, что «русские заимствования отмечаются во всех

областях хозяйства и культуры коми». Л.Н.Жеребцов писал: «Встреча с русскими земледельцами значительно продвинула вперед земледельческое хозяйство коми: появилась новая техника (русская соха...), улучшившая условия обработки земли, стали использовать удобрения..., изменилась система земледелия..., усовершенствовалась обработка зерна... Расширился ассортимент огородных и полевых культур: появились капуста..., огурцы..., свекла..., чеснок..., лук..., бобы..., морковь... и др.». Этот же ученый указывал на русские заимствования, способствовавшие прогрессу скотоводства, а также на заимствования в области ремесла, охоты и рыбной ловли, в народном жилище и хозяйственных постройках, одежде, утвари и посуде, пище, в быте и духовной культуре [7].

Значительную роль в активном и бесконфликтном расселении русских крестьян в Коми крае сыграл субъективный фактор. Историк Л.В.Милов указывает на своеобразие менталитета российского крестьянства (связывая его формирование, в частности, с воздействием природно-климатических факторов) и на то, что этот менталитет способствовал максимальной контактности с представителями иных конфессий, а это имело громадное значение в практике миграций и мирного проникновения русского населения на новые территории [18, с. 569–570.]. Эти слова в полной мере можно отнести и к переселениям русских в Коми край, причем, как представляется авторам, уместно, во-первых, говорить о контактности не только с представителями иных конфессий, но и иных этносов, а во-вторых, понимать под российским крестьянством с его менталитетом не исключительно русское, но и крестьянство иных народов, формировавшихся в сходных природно-климатических условиях, и в частности, коми, особенно после того, как они в конце XIV–XV вв. стали православными.

Можно предположить, что сам менталитет местного населения в известной мере способствовал развитию миграционных процессов в регионе. В несколько гиперболизированном виде эта идея высказывалась рядом исследователей второй половины XIX – первой четверти XX в. П.П.Чубинский утверждал: «Пермяки охотно сменяют места поселений. Некоторые пермяки сменяют места поселения по два и по три раза в продолжение жизни, другие же из-за страсти к переходам сменяют их до 8 и 10» [28, с. 57]. О «расходчивости, расплывчатости, привычке уходить при первом неудобстве», от которой «происходили полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту», писал в «Истории России» С.М.Соловьев [25, с. 648]. Сходным образом высказывался о жителях Русского Севера

С.Ф.Платонов [20, с. 21]. Разумеется, объяснять передвижения населения только склонностью последнего к «полуоседлой жизни» и другими субъективными факторами было бы ошибочно.

Однако нельзя не учитывать, что население европейского Северо-Востока было тесно связано с промысловым хозяйством, и особенно с охотой, которая требовала длительного пребывания охотников вне родного дома, в пути, периодических временных переселений в отдаленные места охоты. В этих условиях постепенно вырабатывалось понимание необходимости миграций, своего рода привычка к переселениям (сначала временным, а затем – если возможности временных миграций себя исчерпывали – то и к постоянным). Таким образом, само отношение местного населения к переселениям (причем, очевидно, как к собственным, так и к миграциям представителей других этносов и, в частности, к их переселениям на этническую территорию коми или в соседние районы совместного освоения) как к чему-то обыденному, само собой разумеющемуся, оказывало определенное влияние на развитие миграционных процессов.

Приток русских переселенцев мог продолжаться и в последующее время (тем более что оставались практически незаселенными берега Печоры и ее притоков, верхняя Вычегда, Летка, верховья Лузы...), но ситуация изменилась. После вхождения во второй половине XVI в. в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств, укрепления там власти московских государей появилась возможность для освоения Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки русскими. А после того, как рухнуло под ударами «государевых ратей» Сибирское ханство, перед русскими крестьянами открылись просторы Сибири и Приуралья. Эти более богатые по сравнению с Коми краем земли привлекли внимание множества людей.

Кроме того, во второй половине XVI в. довольно ярко проявился малый ледниковый период, во время которого возросло число экстремальных явлений природы. Скудость северных почв стала еще заметнее, и территория Коми края оказалась далеко не столь привлекательной для русских земледельцев, как ранее, когда более теплый климат в определенной мере компенсировал этот недостаток.

Сотни и тысячи переселенцев с Русского Севера, минувя Коми край, устремились за Урал, в Вятско-Камский регион и Поволжье. Конечно, отдельные переселенцы с Двины и других районов Русского Севера, из Карелии и иных регионов и в дальнейшем продолжали селиться в Коми крае и, в частности, в тех районах, через которые проходили пути в Сибирь и Вятско-Камский регион (нижняя Вычегда, Вымь, Луза и некоторые другие). Но в целом можно заключить, что

к концу XVI столетия этап интенсивных русских аграрных миграций в Коми край завершился.

Литература и источники

1. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
2. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
3. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 241-271.
4. Документы по истории народа коми. Сыктывкар, 1985.
5. Жеребцов И.Л. Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и Немьюги во второй половине XVI – начале XVIII века // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989.
6. Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX века. М., 1972.
7. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
8. Жеребцов Л.Н. Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 96-111.
9. Жилина Т.И. Верхнесольский диалект коми языка. М., 1978.
10. Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
11. Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
12. Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земель конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1.
13. История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.
14. Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 353-374.
15. Колесников П.А. Северная деревня в XV – I половине XIX в. Вологда, 1976.
16. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.
17. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
18. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
19. Немирович-Данченко В.И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб., 1877.
20. Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера // Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923.
21. Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37.
22. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.

23. РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 366.
24. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.–Л., 1950.
25. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II.
26. Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978.
27. Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография, 1946. № 2.
28. Чубинский П.П. О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе. СПб., 1870.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

С.А.Прокопенко*

ОБЫЧНАЯ И КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVI–XVII ВЕКАХ

Кризис модернистских представлений о содержании понятия прогресса отозвался в 1960–1980 гг. в западной исторической науке дискуссией о проблеме декаданса. Один из лидеров школы «Анналов» П.Шоню, анализируя вопрос о критериях развития, не без оснований обратился к старой формуле: человек как норма всех вещей [1]. Конкретизируя ответ на вопрос о формах и направлениях обратимого развития, Шоню писал: «Я не колеблюсь отведу, что нет объективного декаданса, кроме демографического». Он выражается в уменьшении количества людей, разрушении равновесия пирамиды возрастов, что угрожает накопленному культурному наследию [2].

В сообществе демографов показатель смертности давно выступает в качестве базовой переменной. Вплоть до утверждений о гегемонии смертности в доиндустриальном мире. Различают «обычную (нормальную) смертность» и «катастрофическую смертность». Основная сложность в определении первой заключается в ее временной и пространственной изменчивости. Так, среди крестьян английского Винчестера в 1297–1347 гг. норма смертности равнялась 52 промиллям, а в маленькой деревушке Хэйлессуэн она составляла в 1300–1348 гг. 24,8 и 20,4 промилли в 1350–1400 гг. [3]. Для традиционного общества очень остро встает дополнительная проблема – дефицит источников. По понятным причинам, если катастрофическая (особенно эпидемическая) смертность отражена в многочисленных документах, обычной смертности современники уделяли много меньше внимания.

Сохранность главного источника по изучению смертности – приходских книг усопших – выглядит по Европе следующим образом. Как правило, они появлялись позже на одно-два столетия, чем книги крещений или брачные. В ряде стран им предшествовали органически книги завещаний, а функционально и нотариальные акты. Впрочем,

*Прокопенко Сергей Алексеевич (Ульяновск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета. Специализируется в области исторической демографии Испании раннего нового времени в западно-европейском контексте. Автор серии научных работ, среди которых монография «Население Испании в XVI–XVII вв.» (М., 2002.)

последние активно используют в основном для выяснения демографического поведения [4].

Самые ранние и лучше всего сохранившиеся книги умерших находятся в Англии. Здесь Генрих VIII в 1538 г. вменил англиканской церкви регистрировать крещения, браки и смерть. Однако это требование не касалось диссентариев. Да и общее число приходских актов, сохранившихся по XVI в., достигает только несколько тысяч единиц [5]. В католическом мире обязательная регистрация была провозглашена на XXIV сессии Тридентского Собора в 1563 г. «Римский ритуал» 1614 г. детализировал и унифицировал правила регистрации. Лучшие образцы этого типа источника сохранились на территории современной Италии и Испании. Применительно к «Италии» можно говорить о достаточно широкой практике регистрации смерти с середины XVI в., а уже по XVII в. есть прекрасные приходские серии и качественная перепись населения за 1617 г., проведенная по «римскому ритуалу». В ряде диоцезов Кастильской короны книги усопших появились во второй четверти XVI в., но массовой эта процедура стала только с начала XVII столетия. Важным подспорьем служат семь общекастильских и региональных цензов, проведенных в XVI в., и еще пять цензов – в XVII в. В приходах Арагонской короны самая ранняя обязательная регистрация смерти (с 1550 гг.) зафиксирована в Каталонии.

Во Франции по XVI столетию сохранились разрозненные переписи и несколько серий приходских регистров (прежде всего в Бретани и некоторых городах). По XVII в. документация улучшается только с 1636 г. и особенно после Сен-Жерменского эдикта 1667 г. Но вне регистрации оставались гугеноты, которые составляли до 7% населения страны. Крупнейшим недостатком книг усопших в католических странах до XIX в. являются значительные лакуны детей, умерших до первого причастия (т.е. до 7 лет). Существенную проблему для научной обработки представляет поздняя практика фиксации возраста умерших. Например, во Франции этим стали систематически заниматься в середине XVIII в., а в Каталонии – лишь с 1770 г. В протестантской Германии до XVIII в. историк вынужден довольствоваться только сеньориальными и генеалогическими источниками. Хотя после Тридцатилетней войны в ряде государств центральной Германии провели цензы по подушному принципу, это не меняет сути дела. В Швеции протестантская церковь вела спорадически регистры с 1608 г., но только в 1686 г. вышел указ об обязательной гражданской регистрации рождений, смерти, аборт и браков. В

Финляндии такая практика устанавливается с 1628 г., в Дании – с 1646 г., в Норвегии – с 1685 г. [6].

«Обычная смертность» – величина конкретно-историческая и конвенционная. Строго говоря, в случае отсутствия точных данных о численности населения она определяется простым сопоставлением длинных параллельных серий крестин и смертности. Но можно ограничиться анализом только кривых смертности. Там, где отсутствуют длинные серии, используют метод, предложенный итальянскими историками М.Ливи Бачем и Л. дел Платом. На основе эмпирических измерений по Апеннинскому полуострову XVII–XIX вв. (18 городов и областей) ими был выявлен циклический характер движения смертности, обусловленный периодическим появлением эпидемий. Нормальная смертность рассчитывается усреднением данных 11-летнего цикла смертности с отбрасыванием двух минимальных и двух максимальных значений. Даже среди оставшихся семи лет остаются еще так называемые «небольшие кризисы», которые приводили к превышению смертности в полтора раза, и «большие кризисы», превышающие показатели в четыре раза. В результате всех преобразований и обобщений они предложили считать условным порогом между обычной и катастрофической смертностью превышение первой на пятьдесят процентов. Отмечу: расчет гипотетических моделей показал, что рост смертности во всех возрастных и социальных группах на 50% уже не может уравновесить способность восстановить численность за счет поколения, появившегося за годы кризиса. Рост смертности в четыре раза уже не может компенсировать репродуктивную способность поколений, возраст которых на момент кризиса был меньше 15 лет [7].

Много и плодотворно занимался этой темой на материалах английской аристократии позднего средневековья и раннего нового времени Т.Холлингсвот. Особое внимание историк уделил технике анализа смертности по разным возрастным когортам и полу. Интересно, что он вычислил и источниковую погрешность на примере выборки в 4000 человек. Стандартная ошибка для XVIII в. при распределении умерших по когортам и полу в случае так называемой непродекларированности возраста смерти на 25-летнем отрезке составила 1,25 года [8]. Об остроте методологических споров в этой области свидетельствует вывод известного французского демографа Э. ле Бра о необходимости строить только простые причинно-следственные модели с небольшим количеством параметров, ибо в симуляционных моделях при увеличении числа переменных возрастает величина ошибки [9].

Для раннего нового времени показатель обычной смертности был самым низким в Англии – от 22 до 29 промилле. В Испании норма составляла 35-40 умерших на тысячу населения, в Нидерландах – 30-40 промилле. Причем в XVII столетии индекс смертности несколько вырос. Следует только помнить об условности этих усредненных показателей даже в национальных границах.

Норма смертности была выше в зонах высокого демографического давления [10]. Речь идет, главным образом, об областях средиземноморской Европы. В результате средняя ожидаемая продолжительность жизни на юге вплоть до XIX в. колебалась между 25–28 годами, тогда как на севере она обычно составляла более 30 лет, а порой поднималась до 40. Тон в этой оппозиции задавало городское население. Однако большая урбанизация европейского средиземноморья позволяет строить типологию не на основе критерия урбанизации, а по региональной линии. Хотя не стоит забывать о высокой смертности в Нидерландах (зона высокого давления) и специфике крупных городов. Поэтому, например, в Женеве XVII в. ожидаемая продолжительность жизни не превышала 20 лет [11].

Более всего региональные контрасты видны у детей. Для когорты 1–5 лет в зонах высокого давления смертность обычно превышала 200 промилле, а в зонах с малой плотностью населения – не более 100. В когорте младенцев (0–1 год) контрасты были велики, но не столь разительны: более 250 промилле в первом случае и 150–225 – во втором [12]. В результате, например, в континентальной Испании на долю детей до 7 лет приходилась почти половина всех смертей [13]. Потому крупный американский специалист в области техники демографических вычислений Р.Д. Ли даже предложил считать критерием зональной типологии показатели только детской смертности (правда, лишь для связки смертность-климат) [14]. В этом предложении есть известный смысл, так как из-за более высокой плодovitости на юге и меньшей продолжительности жизни удельный вес детских и подростковых когорт был выше, чем на севере. Поэтому данные возраста задавали тон демографическим параметрам «ожной модели».

Причины расхождений показателей смертности имеют свои особенности в разных когортах. Для младенцев высокая смертность на юге была результатом расстройств пищеварительного тракта. Об этом свидетельствуют ярко выраженные летние пики смертности на юге при идентичности зимних (кроме северной и центральной Германии) и весенних кривых смертности для обеих зон. Для когорты 1–5 лет на первый план выступает, видимо, фактор питания. Нега-

тивную роль играло сокращение периода лактации (косвенным свидетельством чего являлась более частая плодовитость) и преждевременный перевод младенцев на обычную малокалорийную диету. Значение имел и социально-экономический фактор. Хотя дискуссии по этому вопросу продолжаются, современные наблюдения за развивающимися странами показали, что снижение уровня питания ниже определенной точки может значительно уменьшить сопротивление организма инфекциям экзогенного характера [15]. Вопрос о влиянии практики надзора за детьми на смертность из-за отсутствия работ, сопоставимых с исследованием Р.Зидера по позднему новому времени [16], остается открытым.

Специфическая черта демографического режима Старого порядка – сравнительно высокая материнская смертность. Каких-либо региональных вариаций этого показателя не выявлено. Достоверные обследования по первой половине XVIII в. дают для Англии, Швеции и Франции 11–12 смертей на каждую тысячу женщин детородного периода [17]. Разрозненные данные по XVI–XVII вв. говорят о том, что, например, в Англии материнская смертность в 1550–1599 гг. составляла 9,3 промилле, а в 1650–1699 гг. на фоне ухудшения общей демографической ситуации – уже 15,7. Риск материнской смертности имел прямую зависимость от её возраста и числа уже рожденных ею (в последнем случае это справедливо только для когорты до 45 лет). Он примерно удваивался в возрасте 25–40 лет. Рожали же, главным образом, в возрасте 25–34 лет, где материнская смертность и была самой высокой (20% от общей) [18].

Терминологический аппарат категории «катастрофическая смертность» менее устойчив. Так, французы и бельгийцы часто используют термины «кризисная смертность», который напрямую связывают с экономическим фактором, а также «кризис смертности». На практике сейчас широко используется понятие катастрофической смертности, разработанное М. Ливи Бачем и Л. дел Платом. Эти историки определяют ее как «кратковременное нарушение нормального режима смертности, которое сокращает численный состав поколений таким образом, что не обеспечивает возможность репродукции обычными способами» [19]. Критерии катастрофической смертности следующие: охват кризисом значительной части населения и деформация структуры населения.

В 1970 гг. было предложено несколько способов измерения интенсивности кризиса смертности. Определенной популярностью пользуется методика американца М.У.Флинна [20], известного также как специалиста в области типологии европейских демографических

систем. На Монреальском коллоквиуме 1975 г. англичанин Т.Холлингсвот и француз Ж.Дюпакье предложили свои методы измерения. На мой взгляд, наибольший интерес представляют наработки английского историка. Интенсивность кризиса (I) рассчитывается им по формуле:

$$I = \frac{2\sqrt{t-1}}{1-q} \cdot n$$

где q – разница между обычной смертностью и в период кризиса,
n – численность населения,
t – время (как правило, в днях).

Кризисы смертности являются структурным элементом доиндустриального демографического режима. Синдромы кризисов смертности, их хронология, размеры и историческое значение в настоящее время хорошо изучены. Но, как отмечается в последнем, на сегодняшний день, обобщающем труде по исторической демографии, остаются вопросы: каковы связи катастрофической смертности с климатом, роль пищевых ресурсов, плотности населения, экономических и социальных условий, причины эпидемий? Каковы в точности отношения между питанием, заболеваемостью и смертностью? Каково влияние биологических факторов на масштаб катастроф [21]?

Три всадника с известной гравюры А.Дюрера «Апокалипсис» (1498) точно отражают основные типы катастрофической смертности того времени: голод, войну и чуму. В дискуссии, начатой в 1946 г., Ж.Мевре о причинно-следственной связи между экономическим, военно-политическим и эпидемиологическим факторами, два десятилетия господствовала точка зрения о примате продовольственных кризисов [22]. Последние объяснили, главным образом, дисфункцией сеньориального способа производства. Индикатором продовольственных кризисов служила конъюнктура зерновых цен. По ним уже ориентировались демографы в своих выборочных обследованиях приходских регистров. В пользу такого мальтузианского подхода можно привести многочисленные примеры. Достаточно вспомнить блестящий анализ американского историка Р. Дарнтона французских народных сказок. Тот вскрыл ситуацию перманентного голода, когда для крестьян сытость являлась синонимом счастья [23].

В 1960 гг. при объяснении продовольственных кризисов возобладала теория «малого оледенения» Ле Руа Ладюри. Особой популярностью она пользовалась у скандинавов применительно не только к XVII в., но и к кризису XIV столетия. Одновременно рос интерес к военно-политическому фактору. В раннее новое время, несмотря на

практическое сокращение вторжений с востока, в Европе резко возросло число прямых военных потерь. За два столетия эта величина составила 2,5-3 миллиона человек, включая четверть боевых потерь. Масштаб бедствий объяснялся процессами возникновения абсолютистских государств с развитыми налоговыми системами, что позволило перейти к созданию крупных регулярных армий. Однако много важнее были последствия войн, которые разрушали социально-экономическую инфраструктуру, открывая дорогу голоду и эпидемиям. Особо пострадала от войн Центральная и северо-западная Европа. Так, в ходе Тридцатилетней войны ряд германских государств (Вюртемберг, Гессен и др.) потеряли до двух третей населения [24]. Сегодня сошлись на том, что кризисы смертности имеют как экзогенный, так и эндогенный характер. Установить все параметры этих сложных комплексов и тип взаимодействия переменных можно только путем конкретно-исторического анализа.

Самой популярной темой последней трети XX в. стала история болезней. Интерес к эпидемиологической смертности можно объяснить, с одной стороны, пограничным характером проблематики, дававшей пищу модным ментальным исследованиям, а с другой стороны – ее комплексным и кумулятивным влиянием на динамику народонаселения. Ведь эпидемии, которые в XVIII в. называли «коллективными», а в XIX в. – «народными болезнями» через прямые потери и деформации половозрастных когорт непосредственно влияли на рождаемость и брачность.

Плодотворной методологической новацией стало введение в научный оборот понятия «патогенный комплекс», который включал в себя человека, патогенного агента и его переносчиков. Это позволило соединить биологический и социальный аспекты исследования объекта. На эпидемиологическую ситуацию влияет биоселекция, определяющая «выбор» микробом хозяина-носителя. Она же воздействует на экологическую нишу и равновесие в мире микроорганизмов. Должны учитываться также морфология почвы, топография, растительный покров, температурный режим, солнечная радиация, уровень и характер гидрометрии.

Из социальных факторов важную роль играют плотность населения, его мобильность, зона расселения, тип жилища, одежда. Например, легкий костюм открывал дверь жалящим насекомым, но был негостеприимным по отношению к эктопаразитам, хорошо переносившим жару и пот плотной, теплой одежды. Так, ношение шуб в средневековье в определенной мере благоприятствовало распространению блох, а значит и чумы. Тонкое наблюдение, касаю-

щееся влияния религиозных представлений, сделал У. Макнейл. Кочевники Манчжурии (эндемический район обитания чумной палочки) с определенной эффективностью предохранялись от страшной болезни, считая, что их предки могли реинкарнироваться в тарбаганов (местные сурки). Потому монголы уважали их, избегали ловить этих животных – носителей бацилл. В результате после XIV в. чума не появлялась здесь до 1911 г., пока китайцы, проигнорировав эти представления, развязали охоту на «сурков» ради меха [25].

На сегодняшний день признан факт уникально высокой вирулентности, сложившейся в Европе раннего нового времени. Специфика биопатологической ситуации проявилась, во-первых, в возвращении на европейскую арену чумы как главного актера исторической драмы, во-вторых, в появлении ранее неизвестных опасных болезней, а в-третьих, в новом размахе привычных инфекций. Хотя последнее обстоятельство было вытеснено на периферию сознания современников двумя первыми бедами. Не удивительно потому то, что, по меньшей мере, три четверти смертей при Старом режиме вызывались инфекционными болезнями [26].

Ныне большинство авторитетных специалистов (Ж.Дюпакье, Р.Ли, Э.Ригли и Р.Шеффилд, испанец В. Перес Моредо, итальянец М. Ливи Бачи) пришли к выводу, что во многих случаях эпидемии были причиной, а не следствием колебаний производства и цен. То есть большинство эпидемий имели экзогенный характер по отношению к демографической системе и к экономике [27]. Исключение делается для тифа, гриппа, туберкулеза, холеры, разнообразных диарей и респираторных заболеваний. За ними признается прямая связь с уровнем жизни. Всё же не будет ошибкой считать, что катастрофическая смертность в меньшей мере, чем обычная определялась социально-экономическими переменными.

Для всех трех довольно разных проявлений повышенной вирулентности есть общий знаменатель – так называемый минимум Маундера – снижение солнечной активности и ультрафиолетового излучения губительного для бактерий [28]. Однако этот общий фактор отнюдь не кажется главным во всех случаях. Новые болезни (тиф, сифилис, до сих пор не идентифицированный «английский пот») были не чем иным, как впервые зарегистрированными в истории мутациями в мире микробов. Объяснение этому феномену одно: начавшаяся первая фаза глобализации мира и как следствие – растущие миграции. Сифилис представляет собой, судя по всему, новый чрезвычайно вирулентный американо-евразийский штамм сифилиса [29]. Тиф дает уже пример смены микробом «хозяина» – вши, парази-

тирующей на человеке. Болезнь распространилась по всей Европе, благодаря германским солдатам армии Карла V после осады Неаполя в 1528 г. В связи с тем, что тиф почти не затронул венгров и турок (иммунитет?), возникла гипотеза об относительной древности и восточном происхождении данной патологии [30]. Как ни удивительно при том внимании, которое всегда уделялось чуме, у нас есть специфическое объяснение ее сужения до локальных масштабов в Европе с последней трети XVII в. (пресловутое вытеснение серой крысой черной крысы – «хозяина» блохи *Xenopsylla cheopis* и совершенствование карантинной службы). Однако нет понимая причины резкой активизации чумы с середины XV в. По второй половине XV в. существует 1021 упоминаний о чуме в Европе, по периоду 1501–1550 гг. – 1434, по 1551–1600 гг. – 1755, 1601–1650 гг. – 173 упоминаний. Этот частотный критерий подкрепляется оценкой масштабов эпидемий [31].

В настоящее время пытаются детально выявить клиническую историю каждой болезни в тех конкретно-исторических обстоятельствах, чтобы точнее определить влияние потерь на последующее восстановление. Например, тиф и сифилис давали примерно одинаковую латентность – около 20%, но течение последней болезни растягивалось на много больший период и било прежде всего по взрослому населению. Иначе говоря, сифилис влиял на демографию в средне- и долгосрочной перспективе. От тифа страдали детские когорты (0–1; 1–5; 5–9 лет) и престарелые (от 70 лет и старше). Оспа (смертность 10–17%) была прежде всего по детям. Эти потери достаточно быстро покрывались репродуктивным населением, устойчивым к болезни, но эффект затухающего эха от выбитых когорт проявлялся позднее. Восприимчивость именно детей к оспе задавала примерно семилетний цикл возвращения эпидемии, когда нарождались новые поколения, не имеющие иммунитета.

Новый уровень палеомедицины задала модельная работа коллектива французских исследователей об эпидемии чумы в Провансе в 1720–1722 гг. [32]. Это исследование, охватившее семь коммун (включая Марсель), выполнено под руководством Ж.-Н. Бирабо. Оно построено на перекрестной проверке приходских актов (14 тыс.) и эксгумации вероятных жертв эпидемии, с последующим биоанализом их останков. В состав научной группы, кроме историков, вошли археолог и микробиолог. Для нейтрализации эффекта миграций использовали метод Ж. Буржуа-Пише: ежемесячное составление списков умерших в интервале февраль 1702 – 31.12.1725 гг. Также в особые списки выделили все жертвы чумы изученных коммун. При пос-

троении пирамиды возрастов использована перепись 1702 г. Сходство результатов, полученных путем археологических раскопок и анализа приходских книг, позволяет использовать методику в дописьменные периоды и периоды с небольшим числом сохранившихся письменных источников.

Из конкретных результатов данного исследования отмечу вывод о стремительном характере пандемии (за 16 месяцев чумы половина смертей пришлась на первые два месяца, а на первые три – $\frac{2}{3}$). Если говорить о гендерно-возрастной избирательности, то женская смертность преобладала над мужской, а в целом была выше у подростков и взрослого населения. Большие потери женского населения можно объяснить практикой активного участия женщин в обряде похорон и гендерными стереотипами поведения. Важнейшую роль в соседско-родственных контактах принадлежала именно им. От 47,7% до 71,5% умерших оказались родственниками. Ход одной из крупнейших эпидемий чумы – так называемой «кастильской» 1596–1602 гг. – подтверждает эти закономерности [33]. Ясно, что чрезмерные потери женщин в детородном возрасте существенно подрывали возможности быстрого восстановления населения за счет новых браков и роста рождаемости.

Эти беглые заметки позволяют понять сложносоставной характер категории «смертность». Одинаковые показатели даже одного параметра демографических моделей могут означать очень разные исходные условия. Поэтому так опасны априорные генерализации при конструировании и сопоставлении демографических моделей, особенно разностадийных обществ.

Литература и источники

1. См.: Chaunu P. L'historien dans tous ses etats. Paris, 1984. P. 35.
2. Chaunu P. Histoire et decadence. Paris, 1981. P. 119.
3. Histoire des populations de l'Europe / Sous la dir. de J.-P. Bardet et J. Dupaquier. Vol. 1. Paris, 1997. P. 196.
4. См.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992; Chaunu P. La Mort a Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siecles. Paris, 1978; Vovelle M. La Mort et l'Occident de 1300 a nos jours. 2 ed. Paris, 2000.
5. Wrigley E.A., Schofield R.S. with contr. by R. Lee & J. Oeppen. The Population history of England 1541-1871. Cambr. (Mass.), 1981. P. 2-15.
6. См.: Reher D.-S., Lobo A. V. con la colabor. de J. V. Garcia Sestafe. Fuentes de informacion demografica en Espana. Madrid, 1995. P. 83.
7. Plata L., del et Livi Bacci M. Chronologie, intensite et diffusion des crises de mortalite en Italie: 1600-1850 // Population. Numero special. La mesure des

phenomenes demographiques. Hommage a L. Henry, IX 1977, Vol. 32, № 506. P. 401-410.

8. См. (особенно приложение): Hollingswoth T. H. Mortality in the british peerage families since 1600 // Old and new methods in historical demography/ Eds. D.- S. Reher, R. Schofield. Oxford, 1993. P. 323-349.

9. Bras, Herve le. Simulation of change to validate demographic analysis // Old and new methods. P. 278.

10. Особый и не вполне понятный случай представляет пример Восточной Европы – региона с малой плотностью населения, но высокой смертностью.

11. Histoire des populations de l'Europe. Vol. 1. P. 290, 376, 425.

12. Perez Moreda V. y Reher D.-S. Mecanismos demograficos y oscilaciones a largo plazo de la poblacion europea (1200-1850) // Revista de Historia Economica, 1986. № 3. P. 476-477.

13. Perez Moreda V. Op. cit., 1980. P. 146.

14. Wrigley E.A., Schofield R.S. with contr. by R. Lee & J. Oeppen. Op. cit. Cap. 9.

15. Perez Moreda V. y Reher D.-S. Op. cit. P. 480-481.

16. См.: Зидер. П. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М., 1997.

17. Schofield R.S. Did the mother really die? Three centuries of maternal mortality // The World we have gained: Histories of population and social structure / Eds. Bonfield L., Smith R.S., Wrightson K. Oxford-NY, 1986. P. 231-260.

18. Histoire des populations de l'Europe. Vol. 1. P. 294.

19. Plata L., del et Livi Bacci M. Op. cit. P. 405.

20. Flinn M.W. The stabilization of mortality in pre-industrial Western Europe / The Journal of European Economic History, 1974. № 2. P. 285-318; Idem. The European demographic system, 1500-1820. Brighton, 1981. P. 47-64.

21. Histoire des populations de l'Europe. Vol. 1. P. 288.

22. См.: Bengtson T., Saito O., Reher D.-S., Campbell C. Population and the economy // Debates and controversias in economic history. A. Proceedings XIIth International Economic History Congress. Madrid, 1998. P. 80-81.

23. Дарнтон П. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 33-48.

24. Histoire des populations de l'Europe. Vol. 1. P. 243-245. Б.Ц. Урланис по нарративным свидетельствам называет число потерь только за XVII в. в 2 млн. чел., в том числе боевых – 800 тыс. См.: Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 44-46.

25. Цит. по: Histoire des populations de l'Europe. Vol. 1. P. 287.

26. Livi Bacci M. La Popolazione europea // Carlos V. Vol. IV. Poblacion, economia y sociedad/ Coord. J. L. Castellano Castellano, F. Sanchez-Montes Gonzalez. Madrid, 2001. P. 393.

27. Livi Bacci M. Introduziona // Actas del II Congreso de ADE. Vol. 2. Modelos regionales de la transicion demografica en Espana y Portugal / Coord. por M. Livi Bacci. Alicante, 1991. P. 10.

28. Histoire des populations de l'Europe. Vol. 1. P. 252, 255.

29. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. I. М., 1986. С. 96-97.
30. Livi Bacci M. La Popolazione europea. P. 397.
31. См.: Biraben J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays mediterraneens. 2 vols. Paris-La Haye, 1975-76.
32. Signoli M., Seguy I., Biraben J.-N., Dutour O. Paleodemographie et demographie historique en contexte epidemique: La Peste en Provence au XVIIIe siecle // Population, 2002, Vol. 57, № 6. P. 830-836.
33. Прокопенко С.А. Население Испании в XVI–XVII вв. М., 2002. С. 80.

М.А.Мацук*

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ И В ПРИУРАЛЬЕ (XVII ВЕК)**

В XVII столетии в уездах Поморья, т.е. европейского Севера и Приуралья, происходили достаточно серьезные демографические изменения. Старожильческие районы, в которых было еще достаточно места для освоения, пустели. В то же время усиленно осваивались новые районы обитания, иногда находившиеся в непосредственной близости от пустевших волостей. Население беднело, вымирало от голода, что в свою очередь вызывало уменьшение воспроизводства людей.

Естественно, что эти и другие демографические и социальные сдвиги интересовали ученых. Исследователи не только констатировали события, но и пытались выяснить причины указанных изменений. В работах М.М.Богословского, Я.Е.Водарского, А.А.Преображенского, П.А.Колесникова, М.А.Мацука, И.Л.Жеребцова [1] и других исследователей указываются такие причины подобных явлений, как слабое развитие сельскохозяйственного производства на Севере, что при периодически бывавших неурожаях приводило к голоду. И, кроме того, среди причин демографических изменений фигурирует фискальная политика правительства в отношении населения изучаемой территории.

Характерно, что эти причины (неурожай, голод, государственные налоги и повинности) фигурировали и в челобитных поморских тяглецов. В то же время пока не проведен комплексный анализ влияния государственной политики на демографические изменения на евро-

***Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Область научных интересов – история России XVII в. (в основном, финансово-экономический аспект), история дореволюционного Коми края XIV – начала XX вв., история Русской Православной церкви в XV–XX вв. Автор свыше 150 научных работ, среди которых монографии «Крестьяне Коми края в конце XVI–XVII в. Феодальная эксплуатация» (М., 1990), «Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке» (Сыктывкар, 1998), «Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Очерки истории коми крестьянства конца XVI–XVII вв.» (Сыктывкар, 1993), и др.

пейском Севере и в Приуралье в XVII столетии. Фискальная политика правительства в то время была непоследовательной, зачастую непродуманной с точки зрения ожидаемого долговременного результата. Она достаточно четко разделялась на политику использования сил и средств населения для решения определенных правительственных проектов и на политику поддержания и восстановления платежеспособности населения, нарушенной в результате проведения первого направления [2].

Наиболее явный аспект фискальной политики правительства – налогово-повинностный комплекс. В XVII в. тяглецы вносили в казну деньги в счет следующих налогов: четвертных; за стрелецкие хлебные запасы; полоняничных (с 1650 г.); ратным людям на жалование (чрезвычайный налог, собиравшийся по мере надобности); стрелецких (с 1679/80 г.). Они также платили натурой или деньгами в счет отбывания следующих повинностей общегосударственного значения: ямской гоньбы; сибирских хлебных запасов (для тяглецов Чердынского, Соликамского, Кайгородского, Вятских, Яренского, Соливычегодского и Великоустюжского уездов); поставки в войска даточных людей. Кроме того, имелся ряд повинностей и сборов «местного» характера.

В основном налоги в изучаемое время (до 1680 г.) накладывались в соответствии с результатами оценки платежеспособности населения писцами, описывавшими уезды. В расчет принимались и распаханность земельных участков, и качество земли, и развитие торговли и промыслов, и даже наличие в конкретном уезде богатых людей. При всей субъективности оценок писцов можно сказать, что данная система была наиболее щадящей и справедливой для налогоплательщиков. Изменение единицы оклада (была соха, стал двор) налогоплательщиков преследовало цели увеличить поступление денег в казну, унифицировать налогообложение почти всех (за исключением ясачных и некоторых других) категорий тяглецов и упростить учет платежных единиц государства. Данная реформа не сразу была принята населением, которое для мирской раскладки налогов и повинностей до конца XVII столетия пользовалось принципами старого сошного письма.

Описания территорий, как и последующие переписи населения, проводились нечасто. Между ними могло пройти от 15 и более лет. В то же время зафиксированный писцами и переписчиками результат служил основой для расчета суммы налогов и повинностей населения уезда. То есть, с определенной территории в течение 15 и более лет, до проведения очередной переписи (описания) взималась центра-

лизованная рента в соответствии с сошным окладом (дворовым числом) данной территории. Причем изменения в сошном окладе (дворовом числе) уезда производились в период между валовыми описаниями по просьбам населения, доведенного до отчаяния, обычно после пожаров, голодных лет, эпидемий и т.д. С конца 20-х – 30-х гг. XVII в. в изучаемом районе сошный оклад был неизменен. Поэтому распределялось тяжелое бремя централизованной ренты неодинаково. Даже в одном уезде в различных волостях крестьяне могли нести разную тяжесть государственных налогов и повинностей. Покажем это на примере Яренского уезда. Здесь по мере увеличения оклада сохи деньгами за стрелецкие хлебные запасы росла диспропорция в затратах крестьянского двора разных районов уезда на уплату этого налога. Так, в 1644 г. при окладе сохи, равном 168 руб., затраты крестьянского двора в среднем по Сысольской земле и Ужгинской волости соответственно равнялись 26,2 и 22,8 коп., тогда как в Глотовой слободе выходило 12,5, а в Вишерской волости – 7,6 коп. В 1655 г. при окладе сохи, равном 228 руб. в среднем в указанных районах с двора платили соответственно 40,4; 28,2; 21,8 и 9,7 коп. В 1674 г. при окладе в 700 рублей с сохи в этих районах только в счет уплаты денег за стрелецкие хлебные запасы собирали соответственно в среднем с двора по 133,9; 86,6; 81,2 и 29,9 копеек. Такое положение возникло из-за разной степени сельскохозяйственного освоения указанных волостей на момент последнего описания уезда (1628/29 г.) и неизменности числа сох в уезде и волостях, зафиксированного писцами в то время [3].

Подобное положение наблюдалось и в других поморских и приуральских уездах. Например, в конце 1670-х гг. в Чердынском уезде по окладу должно было собираться 3711 руб. [4], а в соседнем Соликамском уезде – 2012 руб. [5] денег за стрелецкие хлебные запасы. По переписным книгам 1678 г. в Чердынском уезде насчитывалось 3205 дворов и 108 «избенок всяких чинов людей». А в Соликамском уезде переписчики зафиксировали 4084 двора и 401 избенку соответственно (без дворов, находившихся в вотчинах именитых людей Строгановых) [6]. Вычислим среднюю сумму затрат одного тяглого двора (без избенок) на уплату денег за стрелецкие хлебные запасы. Получается, что в Чердынском уезде на один двор в среднем приходилось по 1 р. 16 коп., а в Соликамском – по 49 коп. Поскольку в общем числе дворов в обоих уездах имелись дворы церковных причетников, освобожденных от платежа централизованной ренты, то мы вправе считать, что на один средний крестьянский двор падали более значительные платежи.

Однако в Соликамском уезде имелся один фактор, который, наоборот, уменьшал тяжесть налогового бремени крестьян. Мы имеем в виду наличие здесь богатых солепромышленников (помимо Строгановых), которые были включены в мирскую раскладку и платили со своих «промыслов» немалое число денег в счет общеуездной уплаты государственных налогов. Таким образом, мы можем говорить о еще большем разрыве в платежах между чердынскими и соликамскими крестьянами. А ведь речь идет только об одном, хотя и крупнейшем налоге. К нему надо прибавить затраты на уплату четвертного налога и полоняничных денег. В этом случае неравномерность распределения тяжести налогового бремени станет еще очевиднее.

Так же обстояло дело и с выполнением государственных повинностей. Сибирские хлебные запасы или деньги за них собирались в соответствии с сошным письмом. И тут только в силу стабильного сошного оклада, не учитывавшего реальных демографических и социальных изменений, наблюдались те же диспропорции, которые были нами продемонстрированы для налога «деньги за стрелецкие хлебные запасы» на примере волостей Яренского уезда и на примере Чердынского и Соликамского уездов. При выполнении ямской гоньбы волости, через который проходил «тракт», испытывали несравненно большую тяжесть, чем лежащие вдалеке от большой дороги, хотя и те и другие находились в одном уезде. Так, в Яренском уезде крестьяне Удорской волости и Глотовой Слободки, находившихся в стороне от большой дороги в Сибирь, обязаны были (соответственно с 1650 и 1656 годов) вносить помощь вычегжанам, вымичам и сысоличам на ямскую гоньбу в размере 20 руб. с малой местной сошки в год [7].

В то же время затраты крестьян Вычегодской и Вымской земель-волостей, лежавших на этой проезжей большой дороге, на указанную повинность в 1658 г. составили 31,5 руб., в 1662 г. – 112 руб., в 1667 г. – 68 руб., в 1672 г. – 43 руб., в 1684 г. – 65 руб. и в 1686 г. – 155 руб. с малой сошки [8]. Не менее интересное положение было и в Чердынском и Соликамском уездах. Так, в 1660 г., по свидетельству тяглецов, у них выходило по 1500 и больше рублей на соху. То есть чердынцы должны были в это время затратить на ямскую гоньбу около 8000 руб., а соликамцы – 4312 руб. 50 коп. [9]. В этом же году тяглецы Кайгородского уезда внесли на выполнение этой повинности 2500 руб. [10]. В этом году в Кайгородском уезде было 717 дворов, в Чердынском – 1693 двора, в Соликамском уезде – 1706 дворов [11]. Таким образом,

кайгородцы платили по 3 руб. 48 коп., чердынцы – по 4 руб. 73 коп. и соликамцы – по 2 руб. 53 коп. с двора.

Данное положение наблюдалось практически во всех поморских уездах. Поэтому нежелание правительства при сохранении пососной системы обложения регулярно проводить писцовые описания уездов с целью корректировки их (уездных) сошных окладов представляется нам одним из наиболее деструктивных факторов, явно отрицательно влиявших на тяглоспособность, экономическую стабильность и демографическую устойчивость населения поморских уездов.

Дело в том, что правительство вышеуказанным действием как бы выталкивало население из старожильческих, освоенных и обжитых районов. В то же время, при поселении в новом месте пришелец получал определенную налоговую льготу. Особенно это касалось населения вновь образованных населенных пунктов. Тамошние жители несколько лет не платили налоги и фактически выпадали даже из мирской раскладки. Эта сторона фискальной политики правительства России XVII столетия известна давно, но рассматривалась она всегда с положительной стороны, как способствовавшая усиленной колонизации ранее необжитых земель. В то же время не обращалось внимание на отрицательную сторону этой политики. А ведь старожильческие волости и уезды пустели и население в них, подвергаясь повышенному гнету централизованной ренты, беднело, нищало и деградировало. Так, население Чердынского и Солокамского уезда на протяжении XVII столетия характеризуется следующими показателями количества дворов: Чердынский уезд: 1612/13 г. – 1860 дворов; 1613/14 г. – 1508 дворов; 1626/27 г. – 2652 двора; 1647/48 г. – 1693 двора; 1679/80 г. – 3073 двора. Соликамский уезд (без вотчины Строгановых): 1612/13 г. – 352 двора; 1613/14 г. – 352 двора; 1626/27 г. – 706 дворов; 1647/48 г. – 1706 дворов; 1679/80 г. – 3485 дворов тяглых людей [12].

В Кевроло-Мезенском уезде заселялись Мезенские волости и пустели Кеврольские. Особенно сильно в изучаемое время запустели Веркольская и Лавельская волости [13]. В Пустозерском уезде в 1650–1670-х гг. наблюдался быстрый рост населения Ижемской и Усть-Цилемской слободок и резкое уменьшение числа жителей Пустозерского острога и близлежащих поселений («жир») [14]. В Кайгородском уезде в наиболее выгодном положении находились крестьяне отхожей Зюздинской волости, где население, в отличие от других волостей уезда, постоянно росло [15]. В Яренском уезде, начиная с конца 1630-х гг., стремительно растет население Верхневычегодских во-

лостей, составленных из вновь основанных населенных пунктов и волости Вишера [16].

На демографическую ситуацию в поморских уездах активно влиял и такой аспект фискальной политики правительства России, как массовое привлечение людей для решения определенных задач и в сфере освоения территории страны, и в сфере укрепления обороноспособности России. Данная политика хорошо известна. Мы напомним об этом аспекте фискальной политики в плане влияния на социально-демографическую ситуацию в изучаемом районе.

После присоединения Сибири правительство посылает на житье и службу во вновь присоединенную территорию крестьян и посадских людей из уездов Восточного Поморья и Приуралья. В 1587 г. в рамках набора служилых казаков в новый «городок Тобольск» из одного лишь Яренского уезда было послано 50 человек с женами и с детьми [17]. В 1593 г. «повеле князь великий Феодор послати пермяки, вычегжаны и вымичи на Пельнь и на Березов городки строить. Того же лета велено отпустить от Вымскова уезду в Сибирь 60 ратных в казаки» [18]. В 1594 г. «повеле князь великий Федор взяти от вымичей и вычегжаны 10 человек лутчих людей с жоны и с детьми в Сибирь на Березов город и тамо жити» [19]. И так, только из одного Яренского уезда на житье и службу в Сибирь были посланы в упомянутые три года 120 человек с семьями. В результате этого Вымская земля-волость запустела. Помимо прямой убыли населения эти меры основательно разоряли оставшихся крестьян Яренского уезда. Ведь ими отправляемым крестьянам одной лишь единовременной подмоги в 1587 г. должно было быть выплачено 1000 руб., в 1593 г. – 1200 руб., и в 1594 г. – 600 руб. Насколько велики эти цифры, говорит тот факт, что со всего Яренского уезда в счет единственного тогда постоянного налога (четвертного) в то время собиралось 998 руб. в год [20].

Из Сольвычегодского уезда в 1590 г. в Сибирь на житье были посланы 30 человек «пашенных людей с женами и с детьми и со всеми их животы» [21]. В 1593/94 г. из Пермской и Вятской земель посылали в Сибирь на житье по 20 человек «пашенных людей» [22]. Тогда же посылались в Сибирь и «земли ратные люди пермичи и вятчане, и вымичи, и усольцы (сольвычегодцы – Авт.), по росписи в Тобольский город» [23]. Таким образом, правительство еще в конце XVI столетия активно использовало людские ресурсы уездов Русского Севера для освоения вновь присоединенной территории Сибири.

Продолжалась подобная практика и позже. Так, в 1609 г. в Перми Великой было велено набрать 50–100 «охочих людей» для поселения в Сибири в Пельмском уезде [24]. В 1630 г. по царскому указу было

приказано Г.Шестакову «на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской прибрать из вольных гулящих людей в Сибирь в Тоболеск 500 человек казаков, да в тех же городех в Сибирь же в Енисейской острог велено прибрать служилым людям и пашенным крестьяном на женитьбу 150 человек жонок и девок» [25]. В 1654 г. казачий десятник Т.Серебренников набирал охочих людей в Соликамском, Чердынском, Кайгородском и Вятском уездах в Верхотурский уезд «в новую Краснопольскую слободу из гулящих и из всяких вольных людей во крестьяне» [26].

Этот список можно умножить, хотя и приведенных нами примеров достаточно для того, чтобы убедиться в том, насколько широко использовало правительство ресурсы населения уездов Европейского Севера с целью освоения Сибири. И как было сказано выше, бремя централизованной ренты возрастало для оставшихся крестьян, разоряя или побуждая их к уходу на другое место жительства вне своих волости или уезда.

Не меньшую роль в этом играли и наборы даточных людей в ополчение, стрельцы, солдаты, а также для вспомогательных (саперных) работ, например для строительства засечных черт. Для иллюстрации негативного влияния наборов даточных людей на социально-демографическую ситуацию в уездах Европейского Севера России рассмотрим лишь вопрос о масштабах призывов в армию в данном районе. В 1632/33 г. на изучаемой территории собирались даточные в московские стрельцы. В Яренском уезде было взято 40 чел. [27], в Кевроло-Мезенском уезде – 40, в Вятских уездах – 60 [28]. В других уездах тоже набирали даточных в стрельцы.

В 50-х гг. XVII в. в связи с начавшимися русско-польской и русско-шведской войнами в стране в целом и в изучаемом районе, в частности, были проведены наборы даточных в солдатские полки. Всего по всей стране в три приема было набрано в армию 51000 чел. [29]. Из них 6000 были взяты из Великоустюгского уезда [30], более 7000 – из Вятских уездов [31].

Указанные наборы даточных в солдаты интересны тем, что брались не только нетяглые («от отцов дети, от братьев братья, от дядь племянники»), но и ответственные за исполнение тягла владельцы дворов. Из многих дворов было взято по 2–3 человека, а из некоторых – единственный кормилец, глава семьи. Естественно, что после этого такие дворы пустели. Приведем несколько примеров. Кевролец Т.Терентьев был взят «к Москве в стрельцы» почему-то без семьи. Его жена Стефанида вынуждена была после мобилизации мужа нищенствовать, «ходить по миру». Сын Иван в поисках лучшей

доли «сшел в Сибирь» [32]. В Яренском уезде дети М.Михайлова, взятого в солдаты из Шожема, жили за счет «черной работы» у Сереговских соляных варниц; у солдата Г.И.Ошмарова из Турьи увечный брат вынужден был кормиться Христовым именем, т.е. нищенствовать [33]. Список можно многократно увеличить по всем районам Европейского Севера.

В связи со сборами даточных отметим следующее обстоятельство. Дворы, откуда были взяты даточные люди, или вообще волостным миром исключались из тягла, или окладывались минимальным мирским окладом для платежа налогов и выполнения повинностей. Основное бремя централизованной ренты перераспределялось на других крестьян волости, не посылавших в армию своих солдат и братьев. Отмеченная тенденция нарастала по мере проведения новых наборов в солдаты и стрельцы.

И опять мы должны повторить, что одновременно с наборами даточных не производилась корректировка оклада уездов государственными налогами и повинностями. Это приводило к затруднениям при сборе налогов, выполнении повинностей, появлению недоимок, а, в конечном счете, к уходу части крестьян в другие волости и уезды Поморья и в Сибирь и к разорению оставшихся тяглецов.

Итак, негативное воздействие фискальной политики правительства на социально-демографическую ситуацию в изучаемом районе было постоянно действующим фактором. Однако, как показал анализ, влияние это было многоплановым, как опосредованным, так и непосредственным, с большим или меньшим коэффициентом действия.

Литература и источники

1. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. М., 1909. Т.1; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977; Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976; Мацук М.А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII в. Сыктывкар, 1998; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972, и др.
2. См.: Мацук М.А. Указ. соч. С. 383–456.
3. Мацук М.А. Мероприятия правительства по уравниванию налогообложения в Яренском уезде (середина XVI – XVII вв.) // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Льва Владимировича Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 48.
4. Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5, № 11. С. 20.
5. Там же; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 137, оп.1, д. Соликамск, № 2. Л. 34об.

6. Дополнения к актам историческим. СПб., 1875. Т. 9, № 89. С. 188.
7. РГАДА. Ф. 159, оп. 1, д. 375, л. 6; д. 1128, л. 116.
8. Мацук М.А. Крестьяне Коми края в конце XVI–XVII в. Феодальная эксплуатация. М., 1990. С. 71-74.
9. Мацук М.А. Фискальная политика... С. 294.
10. Там же. С.519.
11. Там же. С. 519, 535, 540.
12. Там же. С. 533, 534, 535, 538, 539, 540.
13. РГАДА. Ф. 159, оп. 3, д. 906, л. 65-66.
14. Там же. Д. 573, л. 18-23.
15. Там же. Д. 1128, л. 1-6.
16. См.: Документы по истории народа Коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII века / Составители Н.П.Воскобойникова, М.А.Мацук. Сыктывкар, 1985; Мацук М.А. Динамика народонаселения Яренского уезда в XVII в. // Проблемы этногенеза народа Коми. Сыктывкар, 1985. С. 120-132; Воскобойникова Н.П. Яренский уезд в 1678 году // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 243-262; Жеребцов И.Л. Указ. соч.
17. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 267.
18. Там же.
19. Там же.
20. Мацук М.А. Взимание с черносошного крестьянства Яренского уезда четвертных налогов (конец XVI – XVII в.). // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 8.
21. Акты, собранные и изданные Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1, № 349. С. 422.
22. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2, № 56. Стб. 117-118.
23. Там же. Стб. 109.
24. Преображенский А.А. Указ. соч. С. 84; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.–Л., 1941. Т. II. С. 213, 214.
25. Миллер Г.Ф. Указ соч. С. 374-375.
26. Там же. С. 538.
27. Мацук М.А. Крестьяне Коми края... С. 76.
28. Мацук М.А. Фискальная политика... С. 253, 263.
29. Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I): Дис... доктора истор. наук. М., 1949. С. 789-790.
30. Чернов А.В. Указ. соч. С. 795.
31. Мацук М.А. Фискальная политика... С. 265.
32. Там же. С. 256.
33. Мацук М.А. Крестьяне Коми края... С. 79.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

М.В. Гришкина*

**МАТЕРИАЛЫ ЛАНДРАТСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1716–1717 ГОДОВ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УДМУРТИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА**

Ландратская перепись проводилась по единой программе по всей России в 1715–1717 гг. Она относилась к числу подворных переписей, которые начали осуществляться с 1646 г. В первой четверти XVIII в. две подворные переписи последовали одна за другой. Перепись 1710–1711 гг. не дала ожидаемых результатов увеличения населения, поэтому в 1714–1715 гг. была назначена новая перепись, порученная особым ландратам – советникам от дворян уезда. Указом Петра I от 1714 г., направленным в Казанскую губернскую канцелярию на имя губернатора. П.С.Салтыкова, предлагалось не спешить с взысканием денег за непоставку рекрутов, осмотреть пустые дворы и селения, выяснить причину их запустения и вместе с тем переписать прибылые дворы, «в которых селах и деревнях сверх прежних переписных книг крестьян прибыло». В 1715 г. указом Сената в Казань повелевалось наряду с русскими провести подворный учет нехристианских народов: служилых и неслужилых татар, мордвы, марийцев и прочих «для подлинного известия, сколько в которой губернии дворов и в них мужескаго полу людей и за ними крестьянских дворов и в них людей же».

В соответствии с этими указами казанскому ландрату Данилу Варыпаеву было поручено проехать по Арской дороге и переписать «ясашных крестьян и новокрещенов, и вотяков и татар и черемису». Для сопоставления и выявления предполагаемой прибыли населения или, наоборот, запустения, Варыпаеву были выданы копии с переписных книг 1710–1711 гг.

Результат деятельности Д.Варыпаева в виде книги «Казанского уезду Арской дороги ландратцкая 1716 и 1717 гг.» на 953 листах с оборотами отложился в фонде 350 «Ландратские книги и ревизские сказки» РГАДА [1]. Подлинность книги подтверждается скрепой «Варыпаев», которая идет на правом поле каждого листа через всю книгу. По южной части Удмуртии это единственный наиболее ранний демографический источник, дошедший до наших дней: материалы более ранних писцовых и переписных книг безвозвратно утрачены.

*Гришкина М.В. (Ижевск) – сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Это придает этому уникальному источнику особую ценность: благодаря ему мы имеем определенный, достаточно интересный и детализированный срез жизни удмуртского общества в первой четверти XVIII в. Книга фиксирует изменения, которые произошли в демографической ситуации за пять лет, отделяющие подворные переписи друг от друга: детально сообщается, как изменился состав жилых дворов, кто, когда и по каким причинам умер, кто и когда, нередко и куда бежал, кто и вследствие каких причин «ходит по миру», в отношении женщин сообщается, кто из них, куда, когда и за кого были выданы замуж. Столь же детально и даже более тщательно анализируются причины запустения дворов. По каждому селению и сотне, а также по отдельным группам населения подводятся итоги по возрастному составу мужского и женского населения, причинам и размерам его убыли, размерам ясачного тягла.

Материалы ландратской переписи 1717 г. по северным удмуртам, сосредоточенным в пяти долях в Каринском стане Вятского уезда, были в свое время выявлены и введены в научный оборот П.Н.Лупповым [2].

Ландратская книга дает возможность выяснить административно-территориальное устройство южной части Удмуртии. Арская дорога входит в состав Казанского уезда Казанской губернии. Граница между севером и югом Удмуртии, так называемый «казанский рубеж» проходит по водоразделу рек Кама и Чепцы: верховья притоков Чепцы – Святицы, Косы, Убыти, Лекмы, Лозы, с одной стороны, и верховья Вятки, Ижа, Кильмези, Лумпуни – притоков Камы, с другой. Южные удмурты к началу XVIII в. были уже сосредоточены в северо-восточных сотнях Арской дороги. По Зюрейской дороге удмуртское население не выявлено. Очевидно, совсем неслучайно именно Арская дорога в материалах переписи неоднократно называется «воцкой» [3].

В первой четверти XVIII в. территория расселения южных удмуртов была разделена на шесть сотен. Первая сотня «вотьяка Ямайки Досмякеева, что была отца ево Досмякейки Байгозина» располагалась по правому берегу р. Вятка, по ее притокам Шошме, Ошторме, Буре и впадающим в них речкам. От основного массива южных удмуртов эта группа была первоначально оттеснена марийской (волости Кетек, Ошторма Кукмор, Пюр и др.), а с XVI в. – и русской колонизацией. В 80-е гг. XVI в. здесь на месте марийского городка был создан укрепленный город Малмыж с гарнизоном стрельцов, а вокруг него возник целый ряд русских поселений: Савали, Дерюшево, Бакурский починок, Ключи, Горы и помещичьих владений: села Гоньба, Савали, Бурец и т.д. Это создало некоторую территориальную изолирован-

ность удмуртов данной сотни. Русское население продолжало проникать на территорию сотни: население сел Дмитриевское, Бурец, Глубокий Лог, Коса значительно возросло. В некоторых селениях (д. Малая Лызя, Уча третьего усаду) уже в начале XVIII в. наблюдается совместное проживание удмуртов и русских. Кроме того, в этой сотне перепись зафиксировала значительное количество татар.

Следующая «Пронкина сотня Янмурзина» была расположена северо-восточнее. Основной массив селений этой сотни размещался по рекам Шаркан, Кивар, Большая и Малая Вотка, Сюр, в верховьях Ижа, а также по речкам Постол, Позимь и Кечева. На севере сотня граничила с Верхочепецкой V Пургинской долей Каринского стана Вятского уезда, на западе и юго-западе ее граница проходила по притокам Ижа – р. Юри и Постол, на юго-востоке – по р. Кечевой, на востоке – по р. Сиве. Наблюдается значительное проникновение русских на территорию этой сотни. Местом их концентрации стал бассейн р. Сивы. К 1716 г. здесь насчитывалось свыше 30 русских сел, деревень и починков, в которых было зафиксировано 342 двора, в них проживало 1464 чел. обоого пола. Большая часть этих селений существовала уже по переписи 1711 г. Наиболее крупными русскими селениями были д. Волховка на р. Сиве (28 дворов), д. Косачева (27 дв.), поч. Докша, Кулешово тож (23 дв.), с. Ильинское (15 дв.), д. Коклемасова (13 дв.) и др. Некоторые селения в самих названиях: поч. Тойкино на пустоши на вотяцкой селидбе, д. Плоская на вотяцкой селидбе, д. Закасева на полянке на Малой Жикье и т.д., сохраняли следы недавнего возникновения на месте бывших удмуртских деревень. Впоследствии, ко второй ревизии, здесь оформилась самостоятельная Сивинская волость с чисто русским населением, которая в свою очередь, делилась на сотни. Приток русского населения шел со стороны Пермского края.

Сотня Токбулата Рысова была расположена между правым берегом р. Иж на востоке и р. Валой – на западе. Северной ее границей являются р. Агрызь и верховья р. Пычас, южной – верховья р. Варзи и речка Малый Чаж. Основные удмуртские селения располагались также по речкам Юри, Бобья и Шурсак. В этническом отношении здесь преобладало удмуртское население, перепись зафиксировала всего две татарские, две русские и одну удмуртско-русскую деревню.

Еще большей однородностью отличалось население сотни Андрея Байтемирова, которая располагалась по р. Тойме с ее притоками, р. Умяк с притоками и по верхнему течению Валы. Она не была затронута русской колонизацией и включала в свой состав одну марийскую (Новая Игра) и одну смешанную татаро-удмуртскую деревню.

Юго-восточная граница сотни Тотайки Иванова шла по рекам Пычас, Малая Сюга, юго-западная – по притоку Вятки р. Щукарт и по р. Калты – притоку Валы, на севере – по верховьям р. Какмож на верховье р. Нылги. На западе граница сотни проходила по левому притоку Валы р. Пыжил. Основные удмуртские селения этой сотни располагались по рекам Вале, Нылге и Уве. Кроме удмуртов, в двух селениях перепись зафиксировала 22 двора русских ясачных крестьян.

Сотня «татарина Бегашки Илмекеева, что была вотяка Янтуганки Матвеева», расположенная на северо-западе края, была чисто удмуртской, хотя с запада и с севера находилась в окружении русского населения. Ее западная граница проходила по р. Лумпунь, восточные пределы – по верховьям Лозы и Увы. Основной массив селений располагался по обоим берегам р. Кильмезь и левому берегу р. Валы.

Как свидетельствуют материалы переписи, сотни возглавляются сотниками, избранными из среды самого крестьянства. Разумеется, кандидатура сотника, ответственного за точность сведений о населении, за исправное несение податей и повинностей, «за тишину», т.е. лояльное отношение к власти, должна была одобрена представителями этой самой власти. Главным условием было исправное ведение хозяйства; администрация следила, чтобы на эту должность попадали «лучшие и прожиточные». В первой четверти XVIII в. некоторые удмуртские сотни возглавлялись татарами. В некоторых, как, например, в сотне Ямайки Досмякеева, власть перешла от отца Досмякя Байгозина к сыну. Однако сведения по другим сотням не говорят о том, что власть сотника была наследственной; скорее, этот факт был исключением из правила. Сотни, в отличие от северных удмуртских долей, не имели закрепленных за ними названий и обозначались в документах именем возглавлявшего их сотника.

Предварительная обработка данных о численности населения перечисленных удмуртских сотен Арской дороги за 1716 г. свидетельствует о том, что основная масса (15426 чел. обою пола) удмуртов в первой четверти XVIII в. была сосредоточена на этой территории. Южные удмурты превосходили северных и по количеству селений (262 селения, охваченных ландратской переписью 1717 г. в северной части – Каринском стане Вятского уезда, и 311 – по Арской дороге), и по числу дворов (соответственно 2107 – на севере и 3231 – на юге), и по численности мужского населения (6647 и 7657 соответственно в Вятском и Казанском уездах) [4].

Основываясь на материалах переписи, можно также предположить, что интенсивное заселение территории северо-восточных сотен происходило со второй половины XVI в., когда большие массы

удмуртов в ходе «казанского взятия» и последовавшей за тем «казанской войны» передвинулись из-под Арска и более южных территорий на северо-восток. Об этом свидетельствует то, что значительное число селений по переписи 1711 г. имеют около 10 дворов, а среди селений преобладают деревни. В дальнейшем темпы прироста населения и освоения данной территории замедлились: починки, как обычно именуют вновь возникшие поселения, составляют всего 2,5% от общего числа селений удмуртов.

При сопоставлении числа вновь возникших и запустевших селений по отдельным сотням, можно заметить тенденцию к дальнейшему передвижению удмуртов на северо-запад края, в бассейн р. Кильмезь. В Бегашковой сотне Илмекеева, расположенной здесь, за 1711–1716 гг. не была заброшена ни одна деревня; напротив, удмурты основали семь новых поселений. На северо-востоке, в Пронкиной сотне Янмурзина, запустело 10 деревень и починков (шесть из них были удмуртскими), возникло девять населенных пунктов (и только три из них были удмуртскими). Число дворов здесь увеличилось в 11 удмуртских селениях, уменьшилось в 16 и осталось неизменным в 12. По Ямайковой сотне Досмякеева из 46 селений, в которых проживали удмурты, число дворов за отмеченное пятилетие уменьшилось в 35, осталось неизменным в шести и лишь в шести деревнях незначительно увеличилось.

За пять лет в вышеперечисленных удмуртских сотнях «запустело» 1185 дворов, что составило почти 30% наличного их числа, учтенного в 1716 г. По неполным данным в бегстве числилось около 5066 чел. обоего пола или почти 28% всего населения юга Удмуртии. Причины и направления бегства были разнообразны. Иногда в материалах переписи они указываются достаточно конкретно. В других случаях массового бегства с женами, детьми, братьями, племянниками и другими родственниками можно лишь предполагать, что бежали от возросшего ясачного тягла, следовавших один за другим в 1711–1714 гг. рекрутских наборов, а также спасаясь от эпидемий. Бежали и переселялись в другие селения в пределах своей сотни, русские уходили в города, на территорию Строгановских вотчин, удмурты перебирались «в башкирцы», а из районов, граничивших с Вятским уездом, переселялись на территорию этого уезда. Приток казанских удмуртов в пограничные удмуртские доли Каринского стана отмечала в своем исследовании и В.Л.Бушуева. Переселенцы чаще всего не обзаводились здесь своим хозяйством, а устраивались в хозяйствах зажиточных каринских татар и бесермян в качестве половников и наемных работников [5]. Члены разорившихся вследствие тех или иных ката-

клизмов семей, чаще женщины, «ходили по миру». Другой не менее важной причиной убыли населения была огромная смертность. Сведения о смерти после переписи 1711 г., тщательно учитывавшиеся по каждому селению, дают возможность предполагать, что в 1712–1714 гг. по территории Арской дороги прокатилась волна эпидемий, унесших огромное количество детей и взрослого населения обоего пола.

Большое число запустевших дворов и значительная убыль населения за столь короткий период объясняется также чрезвычайно неблагоприятной социально-экономической обстановкой конца первой четверти XVIII в. Северная война, усиленное строительство Санкт-Петербурга, городов-крепостей на севере и юге страны, возросшие расходы государственной казны требовали напряжения всех сил. Одинаковые тяготы со всем крестьянским населением страны несло и население Удмуртии. К дестабилизирующим факторам относилось и очередное башкирское восстание 1704–1711 гг., отзвуки которого в Прикамье слышались еще до 1714 г. «Башкирское разорение» нередко называется среди причин бегства и упадка хозяйств, особенно по южной Ямайковой сотне Досмякеева.

Материалы переписи дают также достаточно полный и достоверный материал для реконструкции типологии семьи: наряду с мужским населением довольно тщательно учитывалось и женское население, фиксировалось семейное положение каждого, отмечались все случаи выделения новых семей в самостоятельные хозяйственные единицы – дворы. При обработке большого массива сведений о южных удмуртах частично, наряду со сплошной обработкой данных по двум сотням, нами была использована методика выборки с равномерным интервалом в пять дворов. В конечном итоге типология семьи изучена на основе анализа сведений о 438 семьях русских крестьян, 1566 семьях южных удмуртов по переписи 1716 г. и 331 семье северных удмуртов по переписи 1717 г. По южным удмуртам приводится два ряда цифр – результаты сплошной и выборочной обработки данных, которые дают иногда ощутимую разницу. Анализ этих данных дает основания для следующих выводов.

Во всех выделенных группах населения в изучаемое время преобладали семьи, связанные прямым родством. Наиболее ярко преобладание отцовского типа семьи прослеживается у русского населения: 365 из 438 или 83,3% семей русских крестьян связаны прямым родством. У южных удмуртов варианты отцовской семьи составляют 62–69%, у северных – 52, 6%. Относительно велик также удельный вес неполных семей, к которым мы относили одиноких и супругов

без детей. Они составляют у северных удмуртов 9,4%, у южных – 4,1–6,1%, у русских – 5,2% всех подвергнутых анализу семей.

Среди семей с прямым родством преобладают малые индивидуальные семьи супругов с малолетними детьми. Они составляют свыше 49% всех изученных семей у русских, от 36 до 40% у южных удмуртов. Менее распространена нуклеарная семья у северных удмуртов, составляющая лишь 21% всех типов семейной организации в 1717 г.

Число и удельный вес семей, в которых проживали супруги либо вдовцы с женатыми сыновьями и внуками или без них, относительно невелики: они составляют у русских 14,5%, у южных удмуртов – от 11,4 до 17,3%, у северных удмуртов – около 18%. Наиболее усложненные варианты неразделенной отцовской семьи, состоящие из супружеской пары (вдовцов или вдов), одного-двух (редко более) женатых сыновей, внуков и младших неженатых сыновей с детьми, чаще встречаются у русских – 10,2% семей, у северных и южных удмуртов распространены почти одинаково, составляя с небольшими отклонениями около 8%.

Братская неразделенная семья представлена наиболее характерными вариантами, объединяющими одного-двух женатых братьев с холостыми или женатыми детьми: у северных удмуртов он составлял 14,2%, у южных – 11,9–13,7%. Нередко в составе такой семьи проживали еще и младшие неженатые братья и незамужние сестры. Последний вариант братской неразделенной семьи встречался столь же часто, составляя 14% у северных и 9–15% у южных удмуртов. У русского населения братские семьи встречались в два-три раза реже, нежели у удмуртов.

Братские семьи, как правило, возникали из неразделенной отцовской семьи в результате смерти или утраты по каким-либо другим причинам отца – главы семейства, когда оставшиеся после него женатые сыновья продолжали жить совместно, а роль главы семейства переходила к одному из братьев, чаще всего, к старшему, хотя встречались и исключения. Братские семьи нередко объединяли не только родных, но и двоюродных братьев, а также племянников, как холостых, так и женатых. Вкупе с типом «супруги с холостыми (женатыми) детьми, холостые (женатые) племянники» эти семьи были распространены в одинаковой степени у северных и южных удмуртов, составляя около 4% , а у русских – 2,7%.

Особенностью, которая не отмечена переписчиками на севере края, но довольно часто встречается по Арской дороге и среди русских, и среди удмуртов, является проживание в двух, но не более избах,

хотя и в составе одного двора. Источник отмечает это явление формулой «да в особой избе». У русских эти варианты неразделенной семьи составляют 3,2%, у удмуртов – 8,2–9%. У удмуртов это, как правило, братские семьи, у русских – чаще различные варианты отцовской неразделенной семьи.

Перепись фиксирует также достаточно интенсивный процесс распада неразделенных семей на малые индивидуальные. Случаи выделения супругов с детьми или других структурных элементов в отдельный двор-хозяйство составили 12,3% от общего количества семей у русских и почти 15% изученного количества семей у южных удмуртов. Можно заметить, что наиболее часто распались братские неразделенные семьи. Так, у русских случаи раздела двух или более совместно проживавших братьев в течение 1711–1716 гг. составили 57,4%, а случаи, когда выделился взрослый женатый сын от отца, 19,3% от общего количества семейных разделов. У южных удмуртов в 66,7% случаев также зафиксирован выдел в самостоятельный двор брата, в 17,6% случаев касаются выдела племянника и лишь 1,2% разделов приходится на выдел женатого сына от отца. Это явление вполне объяснимо: структура братской семьи отличалась большей аморфностью по сравнению с отцовской.

Преобладание малой индивидуальной и достаточно несложный состав неразделенных семей имели следствием преобладание у населения двухпоколенной семьи. Они составляли 72,5% всех изученных семей у северных, 66,7–71,3% – у южных удмуртов и 62,85% – у русских. Трехпоколенные семьи в различных вариантах представлены в 14,5% случаев у северных, в 22% случаев у южных удмуртов и составляют 29,7% у русских. Некоторый перевес трехпоколенных семей у русских при одновременном более ярко выраженном господстве малой семьи можно объяснить большим распространением в этой группе населения отцовской семьи, в итоге структура «дед – отец – внуки» встречалась чаще, чем у обеих групп удмуртов.

Семьи, в составе которых проживали представители более трех поколений, были настолько редки, что в материалы выборки не попали, почти не отмечались они и при сплошной обработке данных по двум сотням.

Отсутствие четырехпоколенной семьи, не говоря уже о большем количестве поколений, было обусловлено, прежде всего, незначительной продолжительностью жизни населения, когда структура «дед – отец – внук – правнук» могла возникнуть в довольно-таки редких случаях.

Обработка данных о половозрастной структуре населения, сообщаемых ландратской переписью 1716 г. по Арской дороге, свидетельствует о том, что доля лиц старше 60 лет среди населения была незначительной. Среди мужчин-удмуртов они составляли 4,1%, среди женщин – 4,78%, среди русских – 4,2 и 6,42 % соответственно. Самую значительную группу крестьянства представляли лица от 20 до 60 лет, которых принято относить к рабочему возрасту. Среди удмуртов-мужчин полные рабочие составляли 65,4%, среди русского населения – 50,5%.

Необходимо также отметить несоответствие между числом мужчин и женщин, находящихся в наиболее активном брачном возрасте от 15 до 30 лет. У русского населения это соотношение было более благоприятным: мужчины в отмеченном возрасте составляли 27,1%, женщины – 24,7% населения. У удмуртов оно характеризовалось явной диспропорцией в пользу мужчин: при 34% мужчин отмеченного возраста перепись зафиксировала всего 21,3% женщин. При всей относительности данных переписи о возрасте населения это несоответствие, очевидно, имело место в действительности, иначе трудно объяснить сведения о значительном числе неженатых мужчин в возрасте 20 и старше лет. Диспропорция усугублялась еще и небольшим брачным ареалом удмуртов. Как правило, браки заключались в пределах сотни, лишь в Пронкиной сотне Янмурзина, граничившей с Вятским уездом, ареал брачных контактов распространялся на селения Каринского стана. Обращает на себя внимание и строгая моноэтничность браков удмуртского населения: браки с русскими и представителями других этнических групп не отмечены переписью даже среди новокрещен. Напротив, брачные отношения русских не замыкались пределами Арской дороги и социальной группой ясачных крестьян. Если судить по сведениям, за каких «сторонних» выданы замуж невесты и предположить, что из этих мест также брали и жен, можно увидеть, что браки заключались между крестьянами Арской дороги и жителями монастырских вотчин, дворцовых волостей, ясачным населением других дорог и даже с жителями пригорода Малмыжа.

Возможно, уже упомянутая диспропорция была одной из причин сохранения среди удмуртов явления левирата, когда вдова умершего старшего брата выходила замуж за его младшего брата. Кроме этого довольно часто упоминаемого явления встречаются случаи, когда вдова дяди становилась женой его племянника или даже наоборот – вдова племянника становилась женой дяди.

Еще одной особенностью семьи у южных удмуртов являются встречающиеся, правда, достаточно редко, факты многоженства. По двум сотням – Ямая Досмякеева и Прони Янмурзина, по которым была проведена массовая обработка материала, в 15 случаях (1,3%) у главы семьи отмечены две жены, в одном случае две жены отмечены у сына главы семьи. Очевидно, полигиния, как и у других поволжских народов, была пережитком более ранних этапов развития семейно-брачных отношений, подкрепленным влиянием мусульманского мира, в частности казанских татар. Неслучайно, она сохранилась к изучаемому времени у южных, казанских удмуртов.

Анализ данных переписи о численном составе свидетельствует о преобладании относительно малолюдных семей. У южных удмуртов 65–75,5% семей имели в своем составе от одного до пяти человек обоого пола. Удельный вес семей, состоящих из 6–10 членов, колеблется в зависимости от массива обследования, от 23,4% до 32%. Более 10 человек имеют в своем составе лишь 2,6% семей. Наивысшая численность семьи, отмеченная переписью, – 20 человек. Такие семьи имеют ничтожный удельный вес (0,08%), примерно таков же удельный вес семей из 15–17 человек. Семьи из 13–14 человек составляют не более 0,2%. То же самое можно сказать о северных удмуртах, у которых семьи из одного-пяти человек обоого пола составляют почти 92%, а семьи, состоящие из 11 и более человек, только 0,3% обследованного массива. У русского населения семьи более многолюдны: 33,2% имеют от 6 до 10 членов, а семьи, состоящие из одного-пяти человек, – 62%.

Таким образом, ландратская перепись свидетельствует о том, что в первой четверти XVIII в. крестьянская семья в Удмуртии не отличалась многолюдностью. Абсолютное большинство хозяйств и у удмуртов, и у русских имели одного двух работников-мужчин и столько же женщин. Доля семей с тремя-четырьмя мужчинами при таком же количестве женщин в возрасте от 15 до 60 лет составляла всего 6%. Дворы-хозяйства, в которых было пять-шесть работников мужчин, в общей массе изученных семей составили 2%, с таким же количеством женщин-работниц встречались буквально единицами.

Еще одной особенностью структуры семьи, о которой свидетельствует ландратская перепись, является относительная малодетность. Дети от 1 до 15 лет составляли у русских 36,4% среди мужского и 38% в составе женского населения. Среди удмуртов эти данные оказались значительно ниже: 21,7 % в структуре мужского и 36,2% – женского населения.

Наиболее ощутимый удар по численности детей среди удмуртов, по-видимому, нанесли эпидемии каких-то заболеваний, охвативших население в 1712–1714 гг., наибольшее число смертей детского и взрослого населения регистрируется именно в эти годы.

Кроме эпидемических заболеваний, ставших явной причиной своеобразных «демографических ям», охвативших определенные возрастные группы населения, перепись тщательно фиксирует все случаи физической или умственной неполноценности, особенно мужчин, влияющие на податное положение. Наиболее часто встречается помета «слеп», затем по частоте упоминаний следуют «маломумен» или «безумен», отмечаются случаи увечья, отсутствия ноги или руки, эпилепсии – «скорбен падучею болезнью», или паралича – «лежит в расслаблении».

В особый раздел выделяются достаточно редко встречающиеся, особенно среди удмуртского населения, вдовьи и нищенские дворы, а также выявленные в ходе переписи «бестяглые» дворы, которые по тем или иным причинам не были учтены предыдущей переписью.

Наиболее важный для государственных органов и переписчиков раздел представляют тщательно фиксируемые сведения о податном положении. Приводятся сведения о ясачном обложении каждого двора на момент проведения предыдущей подворной переписи 1711 г., а в итоговых данных по селению и по сотне сообщается, сколько ясаков с его долями приходится на оставшиеся в «жилых» дворы и сколько – на дворы запустевшие. Целым ясаком облагается очень незначительное число дворов-хозяйств. Наиболее часто встречающимися размерами ясачного тягла являются пол-ясака, пол-ясака с третью или с четвертью, треть или четверть ясака, полторы четверти или трети ясака и т.д. При разделе двора соответственно делилось и ясачное тягло, однако принципы, по которым происходило обложение каждого двора и деление тягла в случае семейного раздела, по материалам переписи выяснить не удастся. Сведений о новых размерах ясачного обложения в книгах 1716 г. не имеется, поскольку программа переписи не предусматривала необходимости пересмотра ясачного тягла.

Подводя итоги, следует отметить, что материалы ландратской переписи 1716 г. по Арской дороге Казанского уезда, содержащие сведения о южной группе удмуртского этноса и сохранившиеся в подлиннике, вкупе с копиями с подобных книг по Каринскому стану Вятского уезда, где были сосредоточены северные удмурты, дают возможность изучить многие разделы истории края первой четверти XVIII в. Прежде всего это касается этнодемографических проблем

численности, возрастного состава населения, типологии семьи. Более детальный анализ сведений переписи дает, кроме того, возможность постановки и решения и ряда социальных и социокультурных вопросов.

Литература и источники

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350, оп. 1, д. 1061, л. 1-953 об.
2. Луппов П.Н. Переписные книги северных удмуртов Вятской земли в начале XVIII века // Труды Вятского НИИ краеведения. Вятка, 1934. Т. VII. Вып.1. С.24-35; Он же. Удмуртские доли в XVII и XVIII веках // Записки УдНИИ. Ижевск, 1934. Вып. 9. С. 9-29.
3. РГАДА. Ф. 350, оп.1, д. 1061, л. 2 об., 944.
4. Там же. Л. 1-953 об.; Луппов П.Н. Удмуртские доли... С. 12.
5. Бушуева В.Л. О социально-экономических отношениях в чепецкой удмуртской деревне на рубеже XVII–XVIII вв. // История СССР, 1962. № 4. С. 120, 127.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-80102 а/У.

Т.А.Васина*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИЖЕВСКОМ ЗАВОДЕ В ИССЛЕДОВАНИИ И.И.АНДРЖЕЕВСКОГО

Большое значение для изучения демографической ситуации в Ижевском заводе XIX в. имеет исследование Ивана Ивановича Андржеевского, занимавшего в 1857–1891 гг. должность врача заводского госпиталя. В его докторской диссертации «Болотные болезни на Севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода» (1880 г.) прослеживалось влияние климатических и социально-бытовых условий жизни заводского населения на возникновение эндемических болезней. И.И.Андржеевский ввел в научный оборот важные медико-топографические и статистические данные, изучил демографические факторы – количество браков, рождаемость и смертность за 1840–1870-е гг., дал анализ причин высокой заболеваемости населения заводского поселка. Источником данных для медико-топографического описания, вероятно, послужили ведомости изменения числа больных в заводском госпитале, метрические книги, годовые отчеты заводской полиции о количестве жителей и их благосостоянии, статистические описания завода.

Согласно медико-топографическому описанию, общая демографическая ситуация в Ижевском заводе в XIX в. отличалась преобладанием молодого поколения: по данным 1866 г., дети до 10 лет составляли 26% населения, 10-20 лет – 21% жителей, люди среднего возраста (20–50 лет) – 43% и пожилые (50 – более 70 лет) – 10% населения [1]. При этом, если в первой половине XIX в., согласно полицейским отчетам, соотношение между мужским и женским населением Ижевского завода находилось в относительном равновесии (в 1835 г. мужчины составляли 49%, в 1860 г. – 51% населения [2]), то в 1860–1870-х гг. И.И.Андржеевский отметил некоторый перевес женщин: согласно его исследованию, в 1860–1863 гг. на 100 мужчин приходилось 102 женщины, в 1872–1875 гг. – 114,3 женщины [3].

В первой половине XIX в. годовые отчеты заводской полиции фиксировали увеличение количества браков: в 1841 г. жителями завода было заключено 242 брака, 1845 г. – 168, 1850 г. – 198, 1855 г. – 200 и в 1860 г. – 261 брак [4]. При этом в 1845 г. один брак приходился

* **Васина Татьяна Анатольевна** (Ижевск) – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

на 106, в 1850 г. – на 99,4, 1860 г. – на 83,9 жителей. Напротив, по свидетельству И.И.Андржеевского, в рассматриваемый период наблюдалась тенденция к снижению числа браков по отношению к основной массе населения. По его расчетам в 1839–1842 гг. один брак приходился на 77 жителей, в 1842–1848 гг. – на 91,15, в 1848–1854 гг. – на 91,1, в 1854–1860 гг. – на 100,52, в 1860–1866 гг. – на 105,28, в 1866–1872 гг. – на 114,67 и в 1872–1878 гг. – на 100 жителей [5]. В качестве основной причины различия данных можно назвать текущие изменения численности заводского населения.

И.И.Андржеевский отметил преобладание ранних браков: 39% мужчин и 62% женщин вступали в брак до 20 лет, в возрасте 20–25 лет вступало в брак 40% мужчин и 27% женщин, в возрасте 25–35 лет – 11% мужчин и 8% женщин, в возрасте 35–50 лет – 8 и 3% соответственно, после 50 лет – 2% мужчин и 0,2% женщин [6]. Абсолютный брачный возраст (в котором заключалось наибольшее число браков) составлял 20–25 лет для мужчин и 16–20 лет для женщин. Средний возраст вступающих в брак в 1863–1867 гг. был равен 23,18 года для мужчин и 20,15 лет для женщин [7]. Основными причинами превалирования ранних браков заводской врач считал влияние обычаев, хозяйственные соображения (получение полного провианта по достижении «бракоспособного» возраста) и «инстинктивное побуждение...поскорее воспользоваться брачною жизнью, в виду недолговечности...жизненного поприща» [8].

По семейному состоянию в Ижевском заводе доминировали браки холостых с девицами (82% всех заключаемых браков), на втором месте по распространенности были браки вдовых с девицами (9%), браки вдовцов с вдовами составляли 7%, наконец, браки холостых с вдовами – лишь 2% общего числа заключаемых браков. Доля повторных браков составляла около 18% [9]. Браки заключались неравномерно по временам года – наибольшее их количество приходилось на зиму и осень, в меньшей степени на весну и лето.

В XIX в. население Ижевского завода отличалось довольно высоким уровнем воспроизводства. Согласно медико-топографическому описанию, в 1839–1842 гг. на один брак приходилось 4,3 рождений, в 1842–1848 гг. – 4,95, в 1848–1854 гг. – 5,06, в 1854–1860 гг. – 6,1, в 1860–1866 гг. – 5,45, в 1866–1872 гг. – 5,08, в 1872–1878 гг. – 4,69 рождений [10]. Доля незаконнорожденных и подкинутых составляла 5,5% всего числа родившихся [11]. Уровень рождаемости отличался сезонностью. Минимумы зачатий приходились на март, декабрь (периоды постов) и июль (время увольнения мастеровых на сенокос), максимумы – на январь (окончание рожде-

ственского поста), апрель (окончание великого поста) и октябрь (период свадеб).

Причинами плодovitости И.И.Андржеевский называл раннее заключение браков, близкое соотношение возрастов вступающих в брак, «сравнительно низкий уровень умственного развития народонаселения, имеющего очень ограниченные жизненные потребности и не способного задаваться отдаленными соображениями о судьбе своего потомства», а также патернализм заводской администрации, так как «заботу о нарождающемся поколении в значительной степени принимало на себя правительство» [12]. Отчеты заводской полиции подтверждают выводы И.И.Андржеевского о высоком уровне рождаемости в Ижевском заводе: в 1845 г. одно рождение приходилось на 19,8 жителей, в 1850 г. – на 19,1, 1855 г. – на 15,3 и 1860 г. – на 17,1 жителей [13].

Уровень смертности населения Ижевского завода в 1840–1870 гг. составлял в среднем 1:23, или 4,33%. Согласно медико-топографическому описанию, в 1840 г. один умерший приходился на 26 жителей, в 1845 г. – на 23,5, в 1850 г. – на 20, в 1855 г. – на 26, в 1860 г. – на 22,5, в 1865 г. – на 28 жителей [14]. В целом, эти цифры соответствуют данным полицейских отчетов: в 1845 г. один умерший приходился на 25,4, в 1850 г. – на 22,3, в 1860 г. – на 23,3 жителей.

Главными факторами смертности населения Ижевского завода была тяжелая заводская работа и вредные для здоровья профессии. И.И.Андржеевский различал естественные (почва, климат, племенные особенности) и социальные (степень цивилизации, благосостояния, образ жизни, занятия) причины смертности. Особенно высокой была смертность в детском возрасте: до 1 года умирало 41,3% всех умерших (при этом на 100 девочек умирало 117,17 мальчиков); по данным 1854–1866 гг. один мертворожденный приходился на 53,35 рождений [15]. Основными причинами являлись отсутствие в госпитале детского отделения, эпидемии, изнуренное состояние родителей вследствие тяжелого физического труда, болезней, малопитательной пищи и антисанитарных условий.

Изучение докторской диссертации И.И.Андржеевского позволяет сделать вывод, что в XIX в. для населения Ижевского завода, как в целом для России, был характерен традиционный тип воспроизводства населения, отличительными чертами которого являются высокий уровень рождаемости и смертности. Приведенные данные позволяют вычислить средние коэффициенты: численность браков составляла 10,3, рождаемость – 57 рождений и смертность – 42 умерших на 1000 чел. В то же время средние коэффициенты по России составляли:

для городского населения – 10,6 браков, 55 рождений и 49 умерших на 1000 чел.; для сельского – 10,1 браков, 50 рождений и 35 умерших на 1000 чел. [16]. Следовательно, средние коэффициенты заключаемых браков, рождаемости и смертности в Ижевском заводе тяготели к аналогичным показателям для городского населения России.

Литература и источники

1. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода: Дис. на степень д-ра медицины. СПб., 1880. С. 59.
2. ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, д. 320, л. 12, д. 1257, л. 53.
3. Андржеевский И. Указ. соч. С. 58.
4. ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, д. 459, л. 8; д. 637, л. 3об.; д. 860, л. 24об.; д. 1049, л. 27; д. 1257, л. 56.
5. Андржеевский И. Указ. соч. С. 42.
6. Там же. С. 43.
7. Там же. С. 43-44.
8. Там же.
9. Там же. С. 44.
10. Там же. С. 45.
11. Там же. С. 48-49.
12. Там же. С. 45.
13. ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, д. 637, л. 3об.; д. 860, л. 24об.; д. 1049, л. 27; д. 1257, л. 56.
14. Андржеевский И. Указ. соч. С. 53.
15. Там же. С. 47, 56-57.
16. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000. С. 159.

Ю.В.Аргудяева*

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Этнодемографическая история восточнославянского сельского населения южной части Дальнего Востока России (территория современных Амурской области, Приморского и Хабаровского краев) неразрывно связана с переселением в дальневосточный регион русских, украинцев, белорусов. Их перемещение на восток страны имело ряд особенностей. Если в процессе освоения Европейского Севера, Приуралья, Среднего Поволжья, Сибири миграция славян «налагалась» на расселение других этносов, то на громадных малозаселенных просторах Дальнего Востока этот процесс был «усеченным». Малочисленные тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские народы располагались довольно рассредоточено и занимали сравнительно небольшую площадь на юге Дальнего Востока. Казаки и крестьяне осваивали практически никем не занятые громадные территории.

Этнотерриториальные процессы были неодинаковыми на разных этапах освоения этих земель. Русские казаки и крестьяне превалировали в первом потоке мигрантов в 50–70-е гг. XIX в. После 1882 г. среди сельских мигрантов-дальневосточников стали преобладать украинские переселенцы. Белорусы начали переселяться в дальневосточный регион преимущественно на рубеже XIX–XX вв. и составляли наименьшую долю среди восточнославянского населения.

Интенсивное заселение Приамурья и Приморья русскими началось в 50-е гг. XIX в. после воссоединения этих регионов с Россией по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам. Приступив к освоению Дальнего Востока, правительство в своей политике вначале опиралось на принудительные меры и ориентировалось на ближайшие регионы. Именно поэтому первыми были принудительно переселены забайкальские казаки, первые группы которых появились в Приамурье еще летом 1854 г.

Исследователи выделяют три основных потока переселения казаков на Дальний Восток: 1855–1862 гг. – расселение забайкальских

*Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

казаков по Амуру и Уссури; 1879 г. – переселение казаков с Уссури в Южно-Уссурийский край и 1895 г. – начало XX в., когда в Южно-Уссурийский край прибыли компактные группы оренбургских, донских, кубанских казаков. Всего на Амуру и Уссури казаками было основано 96 станиц и поселков. Здесь были созданы Амурское и Уссурийское казачьи войска.

Вслед за казаками пионерами в заселении и хозяйственном освоении Приамурья и Приморья стали крестьяне. Выделив главный фактор, влиявший на переселенческое движение, – социально-экономические условия жизни крестьян малоземельных районов России, – исследователи всю дореволюционную эпоху заселения дальневосточных земель крестьянством разделили на четыре периода: 1855–1882; 1883–1899; 1900–1906 и 1907–1917 гг. [1]. В течение каждого из них правительство по-разному относилось к переселениям в дальневосточный регион. Политика поощрения и выделения на переселение государственных средств сменялась политикой сдерживания – отправка переселенцев за свой счет, введение системы ограничения на потенциальных мигрантов, требование определенного залога и др.

Первым стало заселяться Приамурье. Здесь в 60-е гг. XIX в. возникло три основных района крестьянской колонизации русскими: в низовьях р. Амура между постами Мариинском и Николаевском; по берегам Амура между селами Хабаровкой и Софийским; в долине Амура с его левыми притоками Зеей и Буреей. Первые два района были заселены в 1855–1860 гг. за государственный счет крестьянами из Забайкальской области, Иркутской, Вятской, Тамбовской, Пермской, Орловской губерний. Далекое не все выбранные места под селения признавались крестьянами удобными для земледелия. Некоторые оставили хлебопашество и занялись разными промыслами, другие выехали в Амурскую область и Южно-Уссурийский край.

Более интенсивно заселялась хлебородная Амурская область – долина средней части р. Амура. Сюда отправились крестьянские семьи из 20 губерний и областей Европейской и Азиатской России, преимущественно из Черноземного Центра, Среднего Поволжья, Северного Приуралья, Сибири, Забайкалья. Трудности в пути и политика местных губернаторов, боявшихся потерять дешевые рабочие руки, сдерживали переселенческий поток крестьян на восток страны. Сюда доходили только 30% русских крестьянских семей, отправившихся в путь. Но и ими к 1901 г. только в Амурской области было создано 152 деревни.

Первые крестьянские деревни в Южно-Уссурийском крае основали в 1860–1870-х гг. также русские крестьяне, пришедшие сюда с

низовьев Амура, куда они переселились в 1859–1861 гг. Так возникло несколько оазисов крестьянской колонизации: вблизи побережья Японского моря – у бухты Ольга, на южном побережье оз. Ханка, в долинах рек Суйфун, Сучан и Цимухэ. Они были основаны русскими – мигрантами из Астраханской, Воронежской, Вятской, Тамбовской, Самарской, Пермской, Пензенской губерний.

Несмотря на ряд льгот крестьянское переселение на первом этапе (до 1882 г.) на юге Дальнего Востока не получило широкого распространения. После 1882 г., когда правительство приняло ряд дополнительных мер, крестьянская колонизация в дальневосточный регион стала более интенсивной, в ней стали преобладать украинцы. Однако в общей численности населения по переписи 1897 г. преобладали русские: в Приморской области они составили 45,2%, украинцы – 18,8% от общего числа русскоподданных; в Амурской области – соответственно 79,9% и 20,16%. Всего с 1861 по 1901 г. на юг Дальнего Востока прибыли 116616 чел. [2], в 1901–1917 гг. – 311240, преимущественно крестьян [3]. Ими было основано несколько сот селений.

Немалую роль в притоке населения на восток страны играли религиозные факторы. И хотя первые приамурские крестьяне (молokane, духоборцы), как и забайкальские казаки, попали сюда в принудительном порядке, на месте они убедились в привлекательности этого необжитого региона. Обилие свободных земель и иные материальные выгоды, религиозная терпимость администрации Дальнего Востока вскоре стали широко известны «раскольникам» других регионов страны. Первые молokane (36 чел.), прибывшие в Приамурье в 1859 г., были государственными крестьянами, высланными на Амур из Таврической губернии за принадлежность к секте. Позднее, получив ряд льгот как переселенцы в восточные регионы страны, молokane Астраханской, Самарской, Саратовской и Тамбовской губерний стали переселяться самостоятельно. В начале XX в. численность молокан в Приамурье составляла уже около тридцати тысяч. Молоканские хозяйства были самыми крепкими и зажиточными в Приамурье. Базируясь на созданном ими оригинальном вероучении, молokane шли по пути, аналогичному западному протестантизму, ориентируясь на «рациональное» ведение хозяйства, на предпринимательскую деятельность, на широкое использование сельскохозяйственных машин.

Вторыми по значимости в хозяйственном освоении южной части Дальнего Востока являлись старообрядцы (поповцы и беспоповцы). Основные причины их переселения были экономического (нехватка на родине земель из-за роста населения деревень, в том числе по

причине сильного разрастания фамильных однородных коллективов, и земельный простор, иные материальные выгоды в дальневосточном регионе) и религиозного (возможность уйти от преследований со стороны государства и господствовавшей православной церкви) характера. Были и другие причины перемещения старообрядцев: поиски крестьянской утопической страны Беловодье, в первые годы советской власти – преследования за религиозные убеждения и коллективизация, которую старообрядцы не признавали, и др. В Приамурье старообрядцы интенсивно стали прибывать в 60-е гг. XIX в. Первыми переселенцами стали так называемые семейские из близлежащего Забайкалья. За семейскими стали переселяться староверы из Вятской, Енисейской, Пермской, Томской, Саратовской, Самарской и других российских губерний, а в начале XX в. и из Австрии, Болгарии, Румынии, Турции.

В Южно-Уссурийском крае первые старообрядцы-мигранты пришли из Самарской губернии в 1865 г. Позднее сюда перебрались различные региональные группы староверов из Забайкалья, Поволжья, Урала, Сибири, Алтая, Приамурья.

Таким образом, в дальневосточном регионе к сложному забайкальскому компоненту старообрядцев-семейских добавился не менее сложный по происхождению поволжско-уральско-сибирско-алтайский, включавший, помимо северорусских и южнорусских традиций и традиции аборигенных народов – коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси), через территории которых шли миграционные пути русских в Сибирь и далее на восток страны.

Этнорегиональные и конфессиональные особенности формирования сельского населения юга Дальнего Востока России отразились и на его демографической истории. Это, прежде всего, коснулось демографической ситуации, демографического поведения, создания семьи и семейного быта. Известно, что демографическое поведение включает, помимо миграционного, репродуктивное, брачное и витальное поведение. Брачное и репродуктивное поведение дальневосточных крестьян и казаков, так же как и восточных славян основной территории расселения, определялось их взглядами на брак, семью, детей [4]. Эти взгляды отражали не только этические нормы и нормы обычного права, но и ряд социально-экономических факторов: невозможность существования сельского хозяйства без половозрастного разделения труда, вне семьи; высокая детская смертность; отрицательное отношение к холостой жизни; ценностные ориентации юношей и девушек на брак и детей в браке; необеспеченность общиной и государством старости родителей; религиозный характер норм

поведения; отношения правового, этнокультурного, экономического характера и др. Традиционные нормы такого поведения были всегда согласованы с условиями сельской жизни и составляли неотъемлемую часть ценностных ориентаций, регламентировавших все стороны поведения российского крестьянина и значительной части других сословий. Менталитет дальневосточного крестьянина и казака в вопросах брака и семьи практически не отличался от менталитета российского сельского жителя. Он складывался веками и появился на Дальнем Востоке вместе с другими традициями крестьянской и казачьей жизни, связанными с хозяйственным укладом, семейным бытом, материальной и духовной культурой.

Удалось вывить, что демографическая ситуация и демографическое поведение в осваиваемом дальневосточном регионе выступали как составляющие адаптационного процесса, успешное развитие которого, среди прочих причин, осложнял дефицит женщин, характерный для всех слоев славянского населения Дальнего Востока вплоть до 40-х гг. XX в. Это проявилось как в формировании молодой семьи, возрасте вступающих в брак, так и в развитии уже сложившейся семьи, ее численности, составе, соотношении больших неразделенных и малых семей. Особенно ощутимо это было для крестьянства, поскольку их хозяйственный и бытовой уклад всегда базировались на половозрастном разделении труда, и недостаток женщин подрывал экономику крестьянского хозяйства. Причина такой ситуации на первых этапах освоения региона крылась как в ошибках правительства, стремившегося отправить на восток страны крестьянские семьи с преобладающим числом мужчин-работников, так и в менталитете самих крестьян, которые тоже считали, что для освоения новых земель нужны, прежде всего, мужские руки. Диспропорция в половом составе населения очень скоро дала о себе знать. Чтобы вызвать приток женщин, было решено оплачивать семье за счет казны переезд каждого члена семьи женского пола пропорционально членам семьи мужского пола. Так, в апреле 1896 г. из Одессы во Владивосток на пароходе «Кострома», было отправлено за государственный счет 62 женщины с уплатой казной за проезд 5175 руб., в мае того же года на пароходе «Владимир» – 40 женщин (уплачено казной 3420 руб.) и т.д. [5]. И все равно даже к концу XIX в. доля женщин, например, среди крестьян Южно-Уссурийской округи составляла всего 34,5% [6].

Дефицит женщин в дальневосточном регионе определял и демографическое поведение мужчин – они брали в жены не только девушек в возрасте 15–16 лет и старше, но и всех вдов и одиночек с детьми, даже старше 50-летнего возраста. За возможность взять девушку в

жены крестьяне-старожилы готовы были выложить новоселам немалые средства – поставленные срубы изб, готовые распашки, немалые деньги. С введением в строй КВЖД и установлением в начале XX в. регулярного железнодорожного сообщения между Дальним Востоком и центром России некоторые юноши-крестьяне Южно-Уссурийского края, для которой не хватило невест в Приморье, ездили жениться на Украину. Они привозили на Дальний Восток не только своих молодых жен, но и так называемых «заказных» невест, т.е. невест для молодых парней из своей и ближайшей деревень.

Еще сложнее ситуация с формированием молодых семей складывалась у крестьян из числа молокан и старообрядцев, брачное поведение которых обуславливалось конфессиональными установками. Так, молокане стремились найти брачных партнеров только в своей среде, а в конце XIX – начале XX в., с распространением на Дальнем Востоке баптизма, и среди баптистов. Брачные контакты с православными были редки.

Основы брачного поведения дальневосточных старообрядцев, за исключением их крайних толков, были аналогичны брачным установкам остального крестьянства, но у них брачная ситуация усложнялась тем, что подбор брачных пар и регламент заключения брака они стремились осуществлять согласно своему исповедальному статусу, т.е. среди представителей своего толка или согласия. Однако в условиях малонаселенности и дефицита женщин в Дальневосточном регионе, дисперсного расселения староверов, старообрядцы-беспоповцы нередко заключали брачные союзы и с приверженцами официального православия из числа русских, украинцев, поляков, белорусов, реже — аборигенных народов, оформляя браки без венчания, только по родительскому благословию. У поповцев брачные пары венчали старообрядческие священники или беглые попы, но их на Дальнем Востоке явно не хватало. Некоторые старообрядцы-поповцы, иногда допускали браки, оформленные православными священниками, если последние, за мзду, венчали по старому обряду. Другие, чтобы узаконить свой брак, вынуждены были венчаться в церкви официально признанного православия и давать подписку о присоединении к нему. Подписка, как правило, не выполнялась, что приводило к преследованию со стороны светских и духовных властей. Лишь с принятием вероисповедных законов 1905–1906 гг. эта ситуация изменилась, и положение старообрядцев, вступивших в подобные браки, несколько облегчилось.

Среди забайкальских казаков такого угрожающего дефицита женщин не наблюдалось, так как еще во время первых переселений,

казацкие семьи отправлялись «на Амур» в полном составе, а холостая мужская молодежь оставалась на дальневосточных рубежах только на время срочной службы.

В дальневосточном регионе наблюдалось превалирование браков с представителями своей сословной группы, сдержанное поведение молодежи в предбрачное время, осуждение односельчанами близких добрачных отношений. Брачный выбор осуществлялся по воле родителей, с учетом общественного мнения; склонность молодежи обычно не учитывалась. Общепринятые в целом в России, хотя и имевшие региональные различия, нормы вступления в брак девушки в 16 лет и юноши в 18 лет на Дальнем Востоке нарушались в сторону более ранней брачности девушек (с 15–15,5 лет) и обычно со старшим по возрасту женихом, а иногда и с ровесником. Из всех брачных запретов особенно строго придерживались общеславянской традиции не разрешать браки с кровными родственниками по прямой линии до 5-го (у староверов – до 8-го) колена и по боковой – до 4-го, а также с духовными родственниками, т.е. с крестными и их детьми.

У сельского населения дальневосточного региона преобладала малая семья из двух поколений: родители и дети. Сохранялись также и большие, наразделенные трехпоколенные, четырехпоколенные семейные коллективы – «отцовские» семьи, состоявшие преимущественно из родителей, детей, в том числе женатых сыновей, и внуков (правнуков), и так называемые «братские» семейные коллективы – совместное проживание братьев со своими семьями. Состав и структура семей, сложившихся на Дальнем Востоке, мало чем отличались от общероссийских, хотя и имели некоторые местные особенности. Это так называемое «вторичное разрастание» больших неразделенных семей – характерная черта первых этапов освоения новых районов, обусловленная экономической необходимостью. Это, на последующих этапах, нередкие разделы семейных коллективов, что отражало как закономерные процессы демократизации российского общества в вопросах семьи и брака, так и возможность, в условиях многоземелья дальневосточного региона, получить дополнительный обширный земельный надел выделившемуся сыну. Эти обстоятельства во многом определяли численность семей. Другим не менее важным фактором, обусловившим размер семейства, была рождаемость и, следовательно, количество в нем детей. Репродуктивное, как и брачное, поведение восточнославянского крестьянина XIX – начала XX в. непосредственно определялось его взглядами на брак, семью, детей, среди которых важное место занимало религиозное осуждение противодействия любых способов ограничения рождаемости, ибо

дети – божья благодать, их должно рождаться и умирать столько, сколько богу угодно («Бог дал, бог взял»).

У дальневосточных крестьянок и казачек практически не было ограничения рождаемости детей в браке, большинство из них не знали аборт и не применяли противозачаточных средств. Рожали в среднем от 5 до 15 детей с интервалом между родами 2,5 года, т.е. придерживались обычая кормить ребенка грудью «два великих поста», а иногда и весь период лактации. Наряду с традициями и нормами обычного права высокая рождаемость обуславливалась экономическими, социальными и этическими соображениями, в том числе потребностью в детях, необходимостью иметь потомство для получения земельного надела, обеспечения семьи рабочей силой и содержания родителей в старости, межпоколенной передачей хозяйственно-бытовых, семейных навыков и духовной культуры, и др. В случае отсутствия детей усыновляли приемной, а если были только дочери, брали в семью зятьев («примаков»). У старообрядцев, в отличие от остальной массы крестьянства, институт опекунства нами не зафиксирован – детей умерших родственников брали в семью и воспитывали как своих. Внебрачные дети в условиях всеобщего осуждения, а иногда и осмеяния были редки.

Как показали исследования, высокая рождаемость в семьях дальневосточников лишь немногим превышала простое воспроизводство населения, так как она сопровождалась высокой детской смертностью. Практически в живых оставалась треть рожденных, что во многом было обусловлено отсутствием в сельской местности медицинского родовспоможения и слабой медицинской помощью, хотя последняя в начале XX в. все интенсивнее проникает в сельскую местность. От инфекционных заболеваний чаще умирали дети у старообрядцев, так как прививки от них староверы отказывались делать, считая их «антихристовой печатью». К тому же пользоваться услугами немногочисленных медиков старообрядцам не позволяли религиозные воззрения. Итог такого отношения к медицине был плачевным. При вспышках эпидемий иные старообрядческие семьи лишались сразу двух-трех детей. Умирали дети и от других заболеваний и причин. Все это, безусловно, увеличивало смертность и уменьшало естественный прирост населения, что в целом отразилось на численности семьи и ее структуре.

Таким образом, этнодемографические процессы среди восточнославянского населения Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. выявили как общее, так и особенное в демографической истории этого региона. Демографическое поведение восточно-

славянского населения Дальнего Востока в общей направленности не отличалось от аналогичного поведения в Европейской России, хотя и имело целый ряд особенностей. Пестрый региональный состав славян не оказал существенного влияния на демографическое поведение, чего нельзя сказать о конфессиональных предпочтениях. Гетерогенные браки превалировали среди восточнославянской общности, затронув отчасти восточноазиатские народы и практически исключив браки с коренным населением. Сохранялись традиционные формы брака и традиции брачного выбора старшим поколением, а не молодежью. Определяющим фактором в ориентациях на брак были не материальные соображения, а сложная демографическая и вероисповедная ситуации. При превалировании, как и по всей России, малых двухпоколенных семей, бытовали и большие неразделенные отцовско-братские трехпоколенные семьи. Наблюдался, как и во всех осваиваемых районах страны, процесс вторичного разрастания большесемейного строя, возникший в силу хозяйственной необходимости. Семейные разделы у крестьян-старожилов в связи с обеспеченностью выделившейся семьи новым земельным участком имели несколько иную направленность, хотя мотивы разделов отражали общий для страны процесс демократизации в семейных отношениях. На численный и структурно-поколенный состав большое влияние оказывали семейные разделы, значительная детская смертность, общие, характерные для страны процессы демократизации семейного строя, слабое медицинское обслуживание сельского населения. Так же, как у сельского населения Европейской России, для селянина-дальневосточника в демографическом поведении были характерны установки на брак, семью, детей в браке, половозрастное разделение труда, хотя сохранялись и локальные различия. Особенности семейного быта дальневосточников во второй половине XIX – начале XX в. были обусловлены вероисповедными, политическими, демографическими, социально-экономическими, этнокультурными факторами. В силу вероисповедных установок семейный уклад у молокан и старообрядцев был регламентирован более жестко. Все эти факторы в значительной степени определили значительную роль семьи в процессе адаптации сельского населения в дальневосточном регионе.

В целом своеобразные условия жизни, оторванность от родных мест, иное, чем прежде, национальное, региональное и, отчасти, конфессиональное окружение, своеобразная этнодемографическая ситуация и ряд других причин оказали огромное влияние на всю культуру восточнославянских переселенцев Дальнего Востока, их

быт, самосознание, традиции и определили пути развития этнодемографических и этнокультурных процессов в современный период.

Литература и источники

1. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 46-47.
2. Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX–XX вв. Владивосток, 1991. С. 77-78.
3. Крестьянство Дальнего Востока СССР. С. 77-78, 86; Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 146.
4. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 83.
5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702, оп.5, д.526, л. 134, 137, 139, 191, 194, 203, 231, 233, 237, 249.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 76. Приморская область. Тетр. 1. СПб., 1899. С. 40-42.

В.И.Кортаев*

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СЕВЕРНОМ КРАЕ В 1930-е ГОДЫ

Данная работа представляет собой историко-демографическое исследование принудительной колонизации Северного края (1929–1937 гг.) и вызванного ею демографического кризиса. Под демографическим кризисом понимаются наиболее существенные отрицательные отклонения демографических показателей от нормальных для данного региона. Например, явным проявлением демографического кризиса считается депопуляция, т.е. превосходство смертности над рождаемостью. Кстати, кризис не следует понимать только как неизбежный тупик и деградацию социума. Кризис – одна из стадий демографического процесса, возникающая тогда, когда нарушается относительно устойчивое его развитие и требуется корректировка демографической политики. Это такая же «естественная» стадия в развитии социума, как подъем, спад, застой.

Академик А.Г.Вишневский обоснованно считает, что до начала 1960-х гг. в СССР «вопрос о необходимости специальной демографической политики не рассматривался». И лишь обострение демографической ситуации в СССР, прежде всего сокращение рождаемости в начале 1960-х гг., заставило правительство приступить к ее разработке [1]. Академик Ю.А.Поляков, в свою очередь, оправданно акцентирует внимание не на демографической политике советского государства в 1920–1930-х гг., а на воздействии государства на демографические процессы, считая, что в 1920-е гг. это воздействие было направлено на «социальную сферу», а в 1930-е гг. оно лишь дополнилось мерами административно-политическими, в том числе репрессивными [2]. Действительно, демографической политики как системы взаимосвязанных мер по развитию демографических процессов тогда не было, но само воздействие государства на демографические процессы происходило опосредованно и не системно, а через социальную политику, миграционно-переселенческие мероприятия, депортации и т.п.

***Кортаев Владимир Иванович** (Архангельск) – доктор исторических наук, профессор Поморского государственного университета. Автор монографии «На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века» (Архангельск, 2004) и многих других публикаций, посвященных российской истории XX в.

В данной работе используются термины «колонизация» и «спецколонизация». Если первый не нуждается в пояснении, то второй без него не может обойтись. В конце 1920-х гг. в тайне от народа разрабатывался план принудительной колонизации Севера и Дальнего Востока. В рассекреченных в середине 1990-х гг. архивных материалах принудительной колонизации соответствует официальный термин «спецколонизация». В частности, этот термин используется в наименовании постановления СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях», обязывающего «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах» [3]. Под специальной колонизацией здесь недвусмысленно понимается принудительная колонизация Севера и Сибири спецпереселенцами и заключенными.

Основополагающее понятие данного исследования – догоняющая форсированная модернизация; догоняющая – потому что предполагалось догнать Запад в науке, технике и технологии; форсированная – потому что догнать его стремились в исторически короткое время. По сути, ЦК ВКП(б) намеревался сделать «большой скачек», равнозначный «выходу» из истории посредством индустриализации, коллективизации и культурной революции. И все это в духе известной сталинской формулы «догнать и перегнать». В качестве методологической основы используется идея диалога. Ценность ее в том, что она позволяет исследовать колонизацию и спецколонизацию, пришлое и коренное население в их взаимосвязи.

Прежде всего обратимся к движущей силе форсированной догоняющей модернизации – к Архангельску, центру Северного края. До конца XIX в. Архангельск представлял собою провинциально-периферийный губернский центр. Затем начался лесопромышленный бум, вызванный резким повышением спроса внешнего рынка на леса Русского Севера, особенно на беломорские леса. Он, в свою очередь, породил демографический взрыв, проявившийся в возрастании темпов урбанизации экстенсивного характера, свойственной начальной стадии капиталистического развития, главным образом в портовых городах. В этом смысле Архангельску не было равных среди городов Русского Севера. Быстрый рост населения Архангельска в первой трети XX в. был обязан, на языке демографов, не столько естественному, сколько механическому приросту населения, т.е. опережающему росту в составе горожан сначала бывших сезонников, затем энтузиастов индустриализации, спецпереселенцев, ссыльных,

отбывших на севере сроки заключения и осевших в городе по другим причинам.

Узкая специализация экономики Архангельска, зависимость его доминирующей отрасли от конъюнктуры внешнего рынка, особенно в годы Первой мировой войны, революций 1905 и 1917 гг., гражданской войны и голода 1917–1922 гг., сказались на его демографической ситуации более ощутимо, чем в Архангельском уезде и губернии в целом. Эта его специфическая особенность проявилась аналогичным образом и в последующие годы, причем наиболее ощутимо в годы индустриализации, когда, после кратковременной социально-экономической «передышки» в условиях нэпа (1923–1925 гг.), началось постепенное понижение уровня жизни населения в условиях подготовки, а затем и осуществления форсированной догоняющей модернизации. Поскольку Центр санкционировал в 1929 г. образование Северного края, определив ему роль «валютного цеха страны», то изменения в экономической политике (форсированная индустриализация, насильственная коллективизация) существенно отразились на нем и его населении, причем прежде всего там, где в начале XX в. происходил лесопромышленный бум.

Не только Архангельск, но и весь Северный край с 1929 г. охватил демографический кризис, который в полной мере проявился в начале 1930-х гг. в форме острой эпидемической ситуации и высокой смертности среди всех слоев населения, прежде всего среди спецпереселенцев. Признаком, свидетельствовавшим о его возникновении, являлся быстрый, скачкообразный рост смертности. Так, смертность населения Архангельска за 1926–1930 гг. выросла в 1,8 раза, а смертность детей (на 1000 родившихся) только за 1929–1930 гг. выросла в два раза (со 140 до 280), еще больше – в Маймаксанском районе Архангельска: за семь месяцев 1931 г. она выросла до 300–350 [4]. Одна из причин роста смертности – резко возросший приток мигрантов, не обеспеченный соответствующим ростом жилищного строительства и создания нормальных условий для жизни и труда.

Бурный рост населения происходил главным образом там, где находились или создавались предприятия лесопромышленного комплекса (ЛПК) и сопутствующих отраслей хозяйства. На этом фоне бывшие губернские города (Вологда, Великий Устюг), где не было крупных заводов и всесоюзных строек, бывшие уездные города (Сольвычегодск, Грязовец, Тотьма и т.п.), располагавшиеся рядом или вдали от транспортных магистралей (население которых занималось главным образом традиционными занятиями), росли медленно, за счет естественного прироста населения. В Вологде, усту-

павшей по численности населения только Архангельску, процесс экстенсивной урбанизации в 1930-х гг. происходил медленнее, без резких рывков и органичнее. Как и в начале XX в., Вологда 1930-х гг. продолжала оставаться подобием транзитной станции для мигрантов, основной поток которых устремлялся либо в Карелию, либо в сторону Архангельска и Сыктывкара.

Введение принудительной колонизации Северного края было предопределено, как минимум, неспособностью властей обеспечить людей достойным их труду уровнем жизни. Уместно заметить, что эта проблема имела не только краевой, но и всесоюзный контекст. Как известно, северные и северо-восточные окраины СССР были малолюдны, поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. считалось очевидным, что именно здесь необходимо укреплять границы с внешним миром и осваивать полезные ископаемые и природные ресурсы. Продвижение на Север и за Урал считалось государственной необходимостью.

Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» обязывало «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах» [5]. При этом Северному краю уделялось особое внимание как «валютному цеху страны», располагавшемуся ближе других периферийных сырьевых регионов СССР к внешнему рынку и обладателю первоклассного морского порта, откуда поступала за границу большая часть экспортируемого леса края. Таким образом, Центр, проводя раскулачивание и насильственную коллективизацию, добавил к заключенным спецпереселенцев, чтобы те и другие включились в единый процесс спецколонизации северных и восточных окраин СССР.

Крайком партии, как уже установлено, был заинтересован в использовании принудительного труда и колонизации края, поэтому 27 января 1930 г. на внеочередном заседании бюро решался вопрос «О приеме и расселении внутри края раскулаченных семей». Решением бюро крайкома была создана комиссия. Ей было поручено, «взяв за основу проект Полномочного представительства ОГПУ и соображения, изложенные на имя ЦК по этому вопросу, разработать конкретный план использования взрослого трудоспособного населения из числа переселяемых для отправки в районы постоянного водворения» [6]. Комиссия подготовила «План расселения кулачества в Северном крае». Он был утвержден 31 января 1930 г. Им предус-

матривалось отправить спецпереселенцев «в районы постоянного поселения». В нем говорится также, что «сооружение барачков» следует «производить без особых затрат на строительные материалы», выделяя из «запасов внутреннего рынка» лесоматериалы заведомо «худшего качества» [7].

По замыслу крайкома партии спецколонизация должна была иметь «преимущественно промышленный характер», при этом спецпереселенцы рассматривались «как кадры для форсированных лесозаготовок», а на побережье Северного Ледовитого океана они должны были заниматься «водными и рыбными промыслами» [8]. Первоначально на заготовке леса их предполагалось кормить, в основном, хлебом, картофелем и капустой, из расчета 1300 калорий на 1 работающего. Эта заведомо голодная норма питания была определена Наркоматом торговли РСФСР и принята за основу на бюро крайкома партии 15 мая 1930 г. [9]. Следовательно, раскулаченные тогда рассматривались как даровая и дешевая рабочая сила, забота о которой должна быть минимальной. И лишь несколько месяцев спустя местные власти задумались об эффективности использования рабочей силы спецпереселенцев и их выживании.

В конце 1920-х гг. на территорию будущего Северного края стал нарастать поток переселенцев, в том числе принудительных мигрантов. На 6 мая 1930 г., когда была ввезена большая часть принудительных мигрантов (230065 чел.), среди них 77,4% были южанами, прибывшими из УССР (40,6%), ЦЧО (18,6%), Нижневолжского края (17,4%) Крыма (0,8%) [10]. Уже одно это обстоятельство – появление южан в экстремальных для них условиях жизни и работы – провоцирует не только возникновение, но и последующее обострение демографического кризиса. Причем не только для них самих, но и для местного населения, с которым им предстояло общаться на работе и в местах проживания, особенно в самый момент приезда и обустройства на новом месте.

По официальным данным, в 1930–1931 гг. в Северный край было выслано 285609 спецпереселенцев. В.Я.Шашков, в результате проверки, уточнил их и определил действительную, как ему представляется, численность – 300922 чел. [11]. По-видимому, он прав. Тем более что 11 апреля 1931 г. крайком партии решил добавить к вселяемым извне Северного края своих «кулаков» (около трех тыс. семей, а это – 12–15 тыс. чел.) и отправить их на Пинегу, Мезень, Печору и в Коми АО. В тот же день было принято специальное постановление «О заселении Печоры», подготовленное ПП ОГПУ СК (Р.И.Аустрином). В нем говорится о необходимости освоения печорских углей и

о развитии рыбозвериных промыслов [12]. А 23 мая 1931 г. ПП ОГПУ СК предложил переселить «на счет КСНХ на Печору 500 семейств спецпереселенцев» [13]. Поэтому 300 тыс. спецпереселенцев для 1931 г. – это вполне приемлемая численность мигрантов данной категории. Кстати, и наибольшее их количество пришлось именно на 1931 г.

В 1932–1933 гг. численность спецпереселенцев резко сократилась из-за голода, длительного обустройства в местах поселения, высокой заболеваемости и смертности и бегства из спецпоселков. Неудивительно, что между 1 января 1932 г. и 1 января 1934 г. их численность сократилась в Северном крае на 51,5%, на Урале – на 28,0%, Северном Казахстане – на 31,1%, а в целом по СССР – на 22,8% [14]. В Северном крае процесс сокращения численности спецпереселенцев в эти годы происходил неравномерно. Особенно резкие изменения произошли в местах наибольшего их сосредоточения и компактного проживания: в Коми АО, где к 1931 г. находилось 40325 чел. (14,1%) и в соседних Няндомском и Плесецком районах (в 1931 г. – 38248 чел. или 13,3%). В Коми АО за 1931–1932 гг. их численность сократилась на 2,9%, а за 1932 – конец 1935 г. – в 2,3 раза, в Няндомском и Плесецком районах – соответственно: на 19,5% и в 3,5 раза [15].

подавляющее большинство раскулаченных отправляли, как и планировалось, либо в северо-восточные лесистые районы Северного края, либо в малолюдные районы края. Поэтому так много спецпереселенцев оказалось в Коми АО. И в бывшей Архангельской губернии они расселялись неравномерно. Так, в Коношском районе, в котором в середине 1930-х гг. проживало около 3% населения края, на 1 января 1935 г. сосредоточивалось 10,4% (5770 чел.) принудительных мигрантов, в том числе 11,9% (5459 чел.) трудпоселенцев и 9% (311 чел.) административно высланных; а в Плесецком районе на почти 5% населения края приходилось 13,2% (7342 чел.) принудительных мигрантов, в том числе 15,0% (6866 чел.) трудпоселенцев края [16].

На 1930–1931 гг. выпали самые большие трудности по их доставке до места назначения, расселению и обустройству, организации питания и медицинского обслуживания, не говоря уже о трудоустройстве, от которого очень многое зависело в жизни поселенцев. Власти Северного края к этому не были подготовлены. Неудивительно, что уже в марте-апреле 1930 г. в переселенческих пунктах заболели 34314 чел. (14,9%), в том числе в Архангельском округе – 26183 чел. или 76,3% спецпереселенцев. Возникли очаги эпидемий остроинфекционных заболеваний [17].

Особенно резко ухудшилось здоровье населения Коми АО в 1929–1930 гг. Здесь самый большой рост дали детские остроинфекционные заболевания – в 8,2 раза и тиф – в 5,3 раза. Отдел здравоохранения Коми АО оправданно связал рост заболеваемости с «пришлыми контингентами». Действительно, с 1929 г. начали прибывать заключенные, этаплируемые в подразделения Ухтпечлага, а с 1930 г. – и спецпереселенцы [18]. И здесь остроинфекционная заболеваемость резко возросла сначала на юге области (в Прилузье), затем оттуда распространилась по пути следования «контингентов»: в Визингский, Сыктывдинский, Усть-Вымский районы и дальше на север и северо-восток [19].

Резкое понижение уровня жизни коренного старожильческого населения Северного края, ввоз колоссального количества мигрантов, прежде всего спецпереселенцев и заключенных, бегство крестьян от насильственной коллективизации в рабочие поселки, города и новостройки, эпидемии остроинфекционных заболеваний, высокая смертность населения и усиление стрессогенности на популяционном уровне свидетельствуют о начавшемся с 1930 г. демографическом кризисе. Косвенным образом это подтверждает и резолюция коллегии Наркомздрава РСФСР от 11 апреля 1930 г., в которой рекомендуется соблюдать меры санитарного минимума «для решительного снижения общей и эпидемической заболеваемости». В ней же санитарно-гигиеническое состояние на предприятиях лесной промышленности (заготовки и сплав леса) квалифицируются как «крайне неудовлетворительное» [20]. И это еще до массового использования спецпереселенцев в этой отрасли.

Самыми распространенными остроинфекционными заболеваниями среди населения края были детские (скарлатина и корь), сыпной тиф и малярия. Между тем власти боролись главным образом с эпидемией сыпного тифа, особенно в местах скопления спецпереселенцев, главным образом по пути их следования. Это очень беспокоило руководство края, так как отражалось на выполнении плана валютной отрасли – ЛПК.

Так, 14 апреля 1932 г. крайком партии, по докладу уполномоченного Наркомздрава т. Бравой «О санитарном состоянии Северного края и Архангельска», принял постановление «В отношении борьбы с сыпным тифом», в котором поручил ПП ОГПУ СК «не допускать в дальнейшем расселения в крестьянских домах этапов заключенных и административно высланных... без соответствующей санобработки» и сопутствующих мер [21]. Кстати, т. Бравая обратила внимание на «усиление заболеваний среди группы рабочих, служащих

и их семей, а также крестьян, главным образом, по пути следования этапов заключенных и административно высланных» (Грязовец, Березниковский, Лальский и Приморский районы) [22].

Когда в 1933 г. появилась обнадеживающая тенденция к снижению остроты эпидемий остроинфекционных заболеваний, резко возросло количество случаев заболевания малярией и ее удельного веса в ряду других заболеваний. Основная причина – аномальное потепление климата. В 1932–1935 гг. темпы роста заболевания ею в Северном крае резко возросли – в 9,7 раза. Это в пять раз больше, чем в России в целом [23].

После голода 1932–1933 гг., совпавшего с обустройством спецпереселенцев, постепенно стабилизировалась их численность в стране и в Северном крае, стала снижаться острота эпидемической ситуации и демографического кризиса, но в стране – быстрее, а в крае – медленнее. По расчетам В.Н.Земского, показатели смертности и рождаемости спецпереселенцев в СССР в 1935 г. сблизились как 1:1; в Северном крае смертность спецпереселенцев превосходила рождаемость: в 1934 г. – в 5,4 раза, а в 1935 г. – в 3,3 раза [24]. Причина медленного преодоления демографического кризиса в Северном крае – в резком сокращении их численности в первой половине 1930-х гг. – не менее чем в четыре раза. О том же свидетельствует сокращение числа членов семей спецпереселенцев: с 5 чел. в конце 1930 г. до 2,9 чел. в 1935 г. [25].

Демографический кризис мог бы быть преодолен и раньше, но в качестве принудительных мигрантов, кроме спецпереселенцев, в крае находились еще и административно высланные, ссыльные и заключенные, в том числе исправительно-трудовых колоний (ИТК). Режим содержания в ИТК был еще суровее, чем в спецпоселках. Кроме того, в 1933–1934 гг. руководство карательных органов, мест заключения и спецпоселений прибегло к «разгрузке» домов заключения и тюрем. При этом осужденные на срок от одного до трех лет переводились на принудительные работы с добавлением 1 года наказания условно. Осужденные на срок от трех до пяти лет отправлялись в спецпоселки. А осужденные на срок свыше пяти лет – в ИТЛ ОГПУ. И все они должны были трудиться на заготовке и сплаве леса [26]. Операцией по «разгрузке» мест заключения решались, как минимум, 2 задачи: 1) перевод подневольных на режим самообеспечения и 2) осуществление спецколонизации Северного края. Кроме того, лесная промышленность получала дополнительную, причем дешевую, рабочую силу.

Подытоживая, укажем на выявленную демографическую закономерность: резкое снижение уровня жизни населения, в условиях активных миграций, прежде всего принудительного характера, сопровождаются стрессом, остроинфекционными заболеваниями, приобретаемыми при определенных условиях форму эпидемий, высокой смертностью, депопуляцией, в совокупности проявлявшихся в демографическом кризисе. Сам этот кризис провоцировался, как минимум, тремя факторами. Во-первых, стихийными миграциями сельского населения в леспромхозы, рабочие поселки и города. Во-вторых, ввозом всё новых и новых контингентов принудительных мигрантов для спецколонизации Севера. В-третьих, демографическому кризису способствовало аномальное потепление климата. Об этом свидетельствует, в частности, научно подтвержденная связь между потеплением климата и эпидемией малярии. Думается, что с потеплением климата связаны и инфекционные кишечно-желудочные заболевания, в том числе брюшной тиф и дизентерия.

Литература и источники

1. Демографическая политика в современном мире. М., 1989. С. 5.
2. Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории, 1995. № 3. С. 122, 123, 126.
3. Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 1 / Сост. Г.Ф.Доброноженко, Л.С.Шабалова. Сыктывкар, 2001. С. 206.
4. ГААО. Ф. 1734, оп. 1, д. 126, л. 116; Ф. 1322, оп. 2, д. 6, л. 30.
5. Покаяние... Т. 4. Ч. 1. С. 206.
6. ОДСПИ ГААО. Ф. 290, оп. 1, д. 378, л. 4.
7. Там же. Л. 11, 12.
8. Там же. Д. 739. Л. 23.
9. Там же. Л. 63.
10. Покаяние... Т. 4. Ч. 1. С. 203, 276.
11. Шашков В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000. С. 122.
12. ОДСПИ ГААО. Ф. 290, оп. 1, д. 381, л. 40.
13. ГААО. Ф. 603, оп. 2, д. 28, л. 50.
14. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. Табл. 55, 56.
15. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 30-х – 1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М.Игнатова. Сыктывкар, 2001. С. 24; ИЦ УВД АО. Ф. 24, оп. 1, д. 1, л. 1-84; Д. 7, л. 49 об.; ГААО. Ф. 1322, оп. 2, д. 11, л. 165-166. Вычислено мною. – В.К.
16. ИЦ УВД АО. Ф. 24, оп. 1, д. 7, л. 49 об. Вычислено мною. – В.К.
17. Покаяние... Т. 4. Ч. 1. С. 184.

18. Игнатова Н.М. Указ. соч. С. 20.
19. ГААО. Ф. 1734, оп. 1, д. 87, л. 19.
20. ГААО. Ф. 1734, оп. 1, д. 20, л. 236.
21. ОДСПИ ГААО. Ф. 290, оп. 1, д. 1172, л. 81.
22. Там же. Л. 179.
23. ГААО. Ф. 1932, оп. 1, д. 15, л. 10. Высчитано мною. – В.К.
24. Население России в XX веке... Т. 1. С. 301.
25. ИЦ УВД АО. Ф. 24, оп. 1, д. 7, л. 42; Покаяние... Т. 4. Ч. 1. С. 276.
Высчитано мною. – В.К.
26. Покаяние... Т. 3. С. 80.

Н.П.Безносова*

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ АССР В 1945–1959 ГОДАХ

Изучению проблемы воспроизводства населения Коми АССР в XX в. в научной литературе уделялось и уделяется достаточно много внимания [1]. Однако до настоящего времени не опубликовано ни одной работы, специально посвященной исследованию естественного движения населения республики после Великой Отечественной войны.

В данной статье сделана попытка более детально, чем прежде, рассмотреть процессы рождаемости, смертности, брачности и разводимости населения, структуру и причины смертности, выявить факторы, влиявшие на динамику естественного прироста населения Коми АССР во второй половине 1940-х – 1950-е гг.

Изучаемый вопрос является трудным для исследования в силу целого ряда причин. Одна из них заключается в недостатке информации – долгое время значительная часть документов, включая необходимые статистические сведения, являлась засекреченной. Проблема эта особенно актуальна для первых послевоенных лет, характеризующихся как неполнотой источников, так и неоднозначностью содержащейся в них информации. Годовые и оперативные отчеты о естественном движении населения Коми АССР за 1947–1954 гг. не содержат сведений об умерших в исправительно-трудовых лагерях. Частично данные о смертности и рождаемости в ИТЛ включались в загговскую статистику городов Сыктывкара и Ухты, поскольку, как отмечается в документах, «разработка по месту жительства актов на умерших в ИТЛ невозможна, так как большинство умерших проживали до заключения в различных областях и республиках СССР, а во многих актах место жительства не указывалось вообще» [2]. Понятно, что включение случаев смерти заключенных в общегражданскую статистику завышало фактическую смертность по Сыктывкару и Ухте. По северным территориям республики, несмотря на много-

***Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар). Специализируется в области демографической истории Коми XX в. Опубликовала более 30 научных работ, среди которых книга «Население Республики Коми: прошлое настоящее, будущее» (Сыктывкар, 2002, в соавт.), брошюра «Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)» (Сыктывкар, 2003), и др.

численные запросы со стороны статистических органов Коми АССР, сведения из учреждений МВД не предоставлялись вовсе.

Другой, не менее важной, проблемой является несовершенство учета естественного движения населения в первые послевоенные годы, о чем свидетельствуют акты проверки работы ЗАГСов. Так, проведенная в 1953 г. выборочная проверка ЗАГСов Сыктывкара, Воркуты и сельских районов республики, показала, что только в 40 из 97 обследованных ЗАГСов не обнаружено недостатков [3]. Особо обращалось внимание на неполноту и неточность загсовской статистики: имели место случаи незарегистрированных рождений и смертей, зачастую не фиксировались случаи мертворождений; в акте о смерти не указывались возраст умершего, причина смерти, нередко регистрация рождений и смертей производилась с задержками и т.д.

К сожалению, использование данных и за более поздние годы также возможно лишь с большими оговорками. Отсутствие точных сведений по такому базовому показателю как численность населения в целом по республике и по отдельным административно-территориальным единицам, вызывало понятные трудности в работе, в частности, при определении коэффициентов рождаемости, смертности, брачности. Но несмотря на указанные сложности имеющийся в нашем распоряжении материал дает представление об основных тенденциях демографического развития республики в послевоенный период.

Великая Отечественная война, ставшая крупнейшей в истории нашей страны демографической катастрофой, нанесла непоправимый урон населению даже тыловых районов, к которым относилась и территория Коми АССР. Кроме прямых людских потерь – погибших на фронте и в тылу, пропавших без вести – не менее тяжелыми были косвенные потери от войны, заключавшиеся в ухудшении демографической обстановки (падении рождаемости, повышении уровня смертности, деформации возрастно-половой структуры населения), сложившейся к окончанию войны в республике и особенно в коми деревне.

За годы войны население республики сократилось на 19%. Снижение численности населения произошло за счет сокращения сельского населения, вызванного массовой мобилизацией мужчин в армию, естественной убылью населения, оттоком людей из сел и деревень в городскую местность. За 1941–1945 гг. сельское население уменьшилось на 34,1%. Численность городских жителей, напротив, за четыре военных года выросла более чем в два раза [4].

По данным органов государственной статистики численность населения Коми АССР в начале 1945 г. составляла 277,2 тыс. чел. В

сельской местности проживало 72,3%, в городской – 27,7% населения. Характерной чертой послевоенного демографического развития республики был одновременный рост численности сельского, но особенно городского населения. Численность городского населения за 1945–1959 гг. увеличилась в 6,3 раза, сельского – на 65,6%. Перепись 1959 г. зафиксировала в Коми АССР 815,8 тыс. жителей, из них 59% горожан и 41% сельчан. Таким образом, за 15 лет, с 1945 по 1959 г. население республики выросло в 2,9 раза [5]. Но если сельское население возрастало, главным образом, за счет естественного прироста, то численность горожан увеличивалась как за счет естественного, так и миграционного прироста. Бурные темпы индустриального развития Коми АССР способствовали массовому притоку в города населения из других районов страны, из сел и деревень республики. Миграционный прирост являлся основным источником формирования населения республики в послевоенный период. За 1945–1959 гг. население Коми АССР увеличилось за счет миграционного прироста на 62%, в то время как естественный прирост составил 38% [6].

Следует отметить, что наряду с естественным и миграционным приростом на динамику численности городского и сельского населения большое влияние оказывали административно-территориальные преобразования. С 1945 по 1959 год в республике появилось четыре новых города (Микунь, Печора, Инта, Сосногорск) и 20 рабочих поселков. Большинство из них были преобразованы из сельских населенных пунктов, что способствовало росту городского и снижению численности сельского населения.

Возрастнополовая структура населения. Брачность и разведенность. На динамику естественного движения населения, в частности на процесс воспроизводства, большое влияние оказывает возрастно-половая структура населения. Демографические процессы военного времени характеризовались резкой деформацией возрастно-полового состава сельских жителей республики, что повлекло за собой серьезные нарушения в брачной структуре сельского населения. К окончанию войны удельный вес мужчин в деревнях составлял 35,4%. Наибольшему сокращению подверглось мужское население трудоспособного (он же мобилизационный) возраста. В годы войны был нарушен половой состав поколения 1918–1924 годов рождения и усугублена диспропорция между мужчинами и женщинами предшествующих поколений, сложившаяся в результате Первой мировой и гражданской войн. В городских поселениях республики (за исключением г. Сыктывкара и пос. Нювчима, где преобладали женщины)

сохранялся баланс в соотношении мужского и женского населения, а в ряде поселков Кожвинского и Железнодорожного районов, городах Воркуте и Ухте доминировало мужское население трудоспособного возраста.

Начавшаяся после войны армейская демобилизация способствовала воссоединению семей и улучшению ситуации на брачном рынке. По данным органов государственной статистики к середине декабря 1945 г. в Коми АССР прибыло 6043 демобилизованных воина. К августу 1946 г. их численность возросла до 9771, из них 7884 были зарегистрированы в сельской местности [7]. Демобилизация не смогла ликвидировать дисбаланс, но все же привела к сближению численности мужчин и женщин брачных возрастов, оздоровила демографическую ситуацию в сельской местности.

На семейно-брачные отношения и на развитие демографической сферы в целом существенное влияние оказал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждения ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Он вводил новые нормы семейно-брачных отношений в обществе и определял основы демографической политики государства, направленные на скорейшее преодоление последствий войны в сфере воспроизводства населения.

Указ вносил значительные изменения в принятые прежде брачные отношения. По ранее действовавшему законодательству о браке, семье и опеке 1926 г. регистрация брака не являлась обязательной, и фактические (незарегистрированные) браки имели юридическую силу наравне с зарегистрированными. Новый Указ устанавливал, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов. В паспортах производилась обязательная запись с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения супруга, места и времени регистрации брака. Указ 1944 г. отменял право матери обращения в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке, а детям, рожденным вне брака в метрике о рождении в графе «отец» ставился прочерк.

Сразу после окончания войны в республике наблюдается значительный рост числа зарегистрированных браков. Уже в 1945 г. было заключено 3079 браков, что в два раза превысило уровень 1940 г. В 1946 г. был зарегистрирован 5271 брак (рост по сравнению с предыдущим годом на 71,2%). Причем, в городской местности количество

браков выросло на 65,6%, в сельской – на 80,4%. Источником быстрого роста числа регистрируемых браков стало, как заключение новых браков, так и официальное оформление в ЗАГСх большинства фактических браков, чей стаж совместной жизни порою измерялся многими годами. Регистрация браков стимулировалась тем, что по Указу 1944 г. все права на детей и имущество признавались теперь лишь за законным браком.

В целом в послевоенный период число официально зарегистрированных браков в Коми АССР постоянно увеличивалось (табл.1). Анализ динамики брачности указывает на существенные отличия этого процесса в различных типах поселений. Несмотря на рост абсолютных показателей брачности, как в городской, так и сельской местности, уровень брачности в деревне, ввиду существовавшего там «дефицита женихов», на протяжении всего рассматриваемого периода существенно уступал городскому. Так, в 1948 г. коэффициент брачности (на 1000 населения зарегистрировано браков) в селе составлял 8,1, в городе – 23,5‰. В 1951 г. в Кожвинском районе, где преобладало городское население, было заключено 1100 браков, в то время как в Удорском районе – только 71, Корткеросском – 85, Ижемском – 146, Усть-Цилемском – 124 [8]. Даже в 1955 г., спустя десять лет после окончания войны, уровень брачности в сельской местности был значительно ниже, чем в городской – соответственно 15,6 и 26,6‰. К 1959 г. коэффициенты брачности сельского и городского населения по своим значениям приблизились друг к другу [9].

Самое большое количество браков в республике было заключено в середине 1950-х гг. Высокий уровень брачности в эти годы обеспечивался вступлением в брачный возраст многочисленного поколения 1935–1940 гг. рождения. Наибольшее число браков было зарегистрировано в 1956 г. – 14281, что в 4,7 раза больше, чем в 1945 г. После 1956 г. брачность в республике стала снижаться как в абсолютных, так и в относительных величинах. Но если снижение уровня брачности в селе было плавным – с 15,6 в 1956 г. до 11,7‰ в 1959 г., то в городах оно было стремительным – за три года коэффициент брачности упал там почти в 2 раза – с 29,0 до 15,3‰ [10].

Указ 1944 г., нацеленный на всемерное укрепление семьи, внес серьезные изменения в законодательство о разводах. Если раньше для развода требовалось лишь обоюдное согласие (заявление) супругов, то теперь развод был превращен в сложную юридическую процедуру: разводы были переданы из органов ЗАГСа в суды, они стали гласными (объявления о разводах печатались в местных газетах), за

производство дела о разводе взималась немалая пошлина в пользу государства, т.е. разводящиеся несли финансовые издержки и др.

В первые годы после принятия Указа 1944 г. число юридически оформленных разводов резко сокращается – случаи расторжения браков имели единичный характер. Если в 1944 г. в Коми АССР было зафиксировано 278 разводов, то в 1945 г. – 10, в 1946 г. – 13. Однако ужесточение процедуры развода не означало, что он был изжит. Скорее всего, в сложившихся условиях разводы просто перестали оформлять должным образом.

Таблица 1

Динамика естественного движения населения Республики Коми в 1945–1959 гг. (чел.) [14]

Год	Число родившихся (без мертворожденных)	Число умерших	В том числе дети в возрасте до одного года	Число браков	Число разводов	Естественный прирост
1945	6432	6185	611	3079	0	247
1946	12025	5636	1123	5271	13	6389
1947	13670	8539	2277	4658	24	5131
1948	14196	6336	1731	5001	59	7860
1949	19775	5644	2223	4878	101	14131
1950	20087	6002	2529	5786	161	14085
1951	21062	6474	2783	6617	148	14588
1952	21491	6185	2347	7313	212	15306
1953	20299	5944	2005	9688	207	14355
1954	23243	6029	2101	10197	281	17214
1955	23049	5617	1861	12501	340	17432
1956	23446	5252	1597	14281	486	18194
1957	25149	5660	1567	12802	697	19489
1958	24252	4982	1373	12242	883	19270
1959	26328	5209	1350	11277	1037	21119

Уже в конце 1940-х гг. наблюдается постепенный рост числа разводов, как в городах, так и в селах. В те годы это зачастую было связано с тем, что одинокие матери для получения пособия на родившегося ребенка, оформляли развод с мужьями, пропавшими без вести на фронте или не вернувшимися после окончания войны назад в свои семьи [11].

Начиная с 1949 г. и в течение следующего десятилетия, несмотря на серьезные препятствия со стороны закона, число юридически оформленных разводов постоянно росло, при незначительных отклонениях как в сторону их увеличения, так и уменьшения в отдельные годы (табл. 1). В 1959 г. в Коми АССР было зарегистрировано уже 1037 разводов, то есть на 10 зарегистрированных браков приходился 1 развод, что полностью соотносится с аналогичными показателями

по СССР и РСФСР. Таким образом, искусственно построенные законом препятствия постепенно были преодолены, и число оформленных разводов приблизилось к их фактическому числу. Институт брака становится менее прочным, особенно среди городских жителей. Разводы получили распространение и среди сельчан, однако разводимость среди жителей сел была в несколько раз меньше, чем у горожан. Если в городских поселениях республики в 1959 г. на каждые 100 браков приходилось 12 разводов, то в сельских – 4 [12].

Рождаемость. В последнее время в практике демографического анализа все реже используются абсолютные показатели. Между тем, по мнению исследователей В.Фаузера и А.Парначева, при анализе демографических событий на локальном уровне абсолютные числа достаточно точно отражают ход демографических процессов [13]. Динамика естественного движения населения Коми АССР в 1945–1959 гг. представлена в табл. 1. Ее данные свидетельствуют, что число зарегистрированных рождений в республике на протяжении всего рассматриваемого периода постоянно увеличивалось с небольшими колебаниями в сторону снижения в 1953, 1955 и 1958 гг., которые носили естественный характер.

Пополнение населения за счет демобилизованных, воссоединение семей и рост брачности способствовали быстрому подъему рождаемости, начавшемуся после окончания войны. Государство в целях стимулирования рождаемости, по уже упоминавшемуся Указу 1944 г., значительно расширило льготы беременным женщинам и кормящим матерям, увеличило государственную помощь многодетным семьям и одиноким матерям.

В 1945 г. в республике еще сохранялся характерный для военного времени низкий уровень рождаемости. Но уже в 1946 г. на свет появилось 12025 младенцев, т.е. почти в 2 раза больше, чем за предыдущий год. Увеличение рождаемости во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. в демографической литературе получило наименование послевоенной компенсаторной волны. В ее основе лежала реализация вынужденно отложенных в военные годы рождений. Но компенсаторная волна рождаемости не могла быстро покрыть потери военных лет. Роль понижающего фактора играли также тяжелые условия жизни людей, дефицит жилья и продуктов.

В 1948 г. рост рождаемости в республике шел за счет высокой рождаемости в городской местности, поскольку в сельской местности число родившихся детей по сравнению с 1947 г. уменьшилось. Значительное снижение рождаемости зафиксировано в Летском, Троицко-Печорском, Усть-Вымском, Усть-Куломском, Усть-Усинском районах [15].

В 1949 г. происходит резкий скачок рождаемости, как в городской, так и сельской местности (рост по отношению к предыдущему году – 39,3%). Этот год характеризуется наивысшими коэффициентами рождаемости (51,5‰) и естественного прироста населения (37,2‰) за весь исследуемый нами период. Особенно много детей родилось в городах Сыктывкар, Воркута и Печора, поселках Абезь и Инта Кожвинского района, Ижма, Войвож, Водный Ухтинского района. В сельских районах высокая рождаемость зафиксирована в Удорском, Усть-Вымском, Усть-Куломском районах [16]. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. рост рождаемости в сельской местности в значительной степени был обусловлен высокой рождаемостью работниц лесозаготовок, а также колхозниц, мобилизованных на сезонные работы в лесную промышленность [17].

С 1949 г. и в течение последующего десятилетия абсолютные показатели рождаемости в республике постоянно возрастали. В 1959 г. количество родившихся детей увеличилось в сравнении с 1949 г. на 33,1%, а по отношению к 1945 г. – в 4,1 раза.

На увеличение общих показателей рождаемости существенное влияние оказал рост числа внебрачных рождений. Официальная ликвидация института фактического брака не означала того, что он был полностью изжит. Далеко не все фактические браки регистрировались официально, и в действительности брачных пар было значительно больше, чем показывает статистика. Наличие незарегистрированных, но фактически существующих брачных пар подтверждается тем фактом, что для послевоенного периода характерно особенно большое количество детей, родившихся вне брака – удельный вес внебрачной рождаемости в СССР в 1946–1959 гг. колебался от 18,7 до 15,0% [18].

По данным статистики, внебрачная рождаемость в Коми АССР была значительно выше, чем в среднем по стране (табл. 2.). Она оказала существенное влияние на увеличение общих показателей рождаемости в республике, особенно в первое послевоенное десятилетие. Следует отметить, что в статистику внебрачных рождений попадали как дети, родившиеся у супругов, не состоявших в зарегистрированном браке, так и у одиноких матерей.

Значительный рост числа одиноких матерей стал характерной чертой послевоенного демографического развития Коми АССР. Государство демонстрировало полную лояльность к детям незамужних женщин, рассматривая внебрачную рождаемость как один из факторов повышения рождаемости в стране. По Указу 1944 г., пособие одиноким матерям на содержание и воспитание детей до достижения

Таблица 2

Сведения о детях, родившихся вне брака в Коми АССР
в 1947–1959 гг. [19]

Годы	Всего родилось у одиноких матерей, чел.	Процент к общему числу родившихся		
		всего	в городской местности	в сельской местности
1947	489	3,6	4,4	2,8
1948	5723	40,3	42,7	37,8
1949	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1950	9620	47,9	45,9	50,0
1951	9598	45,6	42,2	49,0
1952	9156	42,6	38,0	47,2
1953	7303	36,0	29,5	42,5
1954	7178	30,9	22,8	38,9
1955	6632	28,8	23,0	33,4
1956	5912	25,2	19,9	30,5
1957	5880	23,4	18,3	28,7
1958	5463	22,5	17,9	27,7
1959	5535	21,0	16,8	26,2

ими двенадцатилетнего возраста составляло: на первого ребенка – 100, двух детей – 150, трех и более – 200 руб. в месяц. Причем, если одинокая мать вступала в брак, то право на получение пособия сохранялось [20].

Число внебрачных рождений в первые послевоенные годы постоянно увеличивалось, достигнув в 1950 г. своего максимума. Если в 1947 г. вне брака родилось 489 детей (3,6% от общего числа рождений), то в 1950 г. – 9620 детей (47,9%). При этом в городских поселениях удельный вес детей, рожденных вне брака, составлял 45,9%, в сельских – 50,0%. Как указывается в документах, в сельской местности среди одиноких матерей преобладали работницы лесозаготовок, а также колхозницы, временно мобилизованные на сезонные работы в лесную промышленность, в городской местности – женщины, находящиеся в заключении в ИТЛ [21].

Внебрачная рождаемость в определенной степени компенсировала сложную ситуацию в брачной сфере и увеличила рождаемость. В дальнейшем, по мере оздоровления возрастного полового состава, и особенно после ликвидации в 1953 г. репрессивного режима, число детей, родившихся вне брака, начинает снижаться, хотя удельный вес внебрачной рождаемости оставался очень высоким, особенно в селе. Если в городской местности в 1959 г. он составлял 16,8%, то в

сельской – 26,2%, т.е. каждый четвертый ребенок на селе родился у матери-одиночки или у супругов, не состоявших в официальном браке.

Указ 1944 г. был направлен в первую очередь на поддержку, в том числе и материальную, многодетных матерей (семей). Матери, имеющие двух детей, одновременно при рождении третьего ребенка получали 400 руб., четвертого – одновременно 1300 руб. и ежемесячно 80 руб., и т.д. За рождение девятого и десятого ребенка единовременная выплата составляла уже 3500 руб., ежемесячная – 250 руб., за каждого следующего ребенка соответственно – 5000 и 300 руб. При этом ежемесячные пособия начинали выплачиваться со второго года жизни ребенка и по достижении им пятилетнего возраста [22].

Таблица 3

Сведения о детях, родившихся у многодетных матерей
в Коми АССР в 1950–1959 гг. [23]

Годы	Всего родилось у многодетных матерей, чел.	Процент к общему числу родившихся		
		всего	в городской местности	в сельской местности
1950	6347	31,6	24,5	38,8
1951	7029	33,4	26,1	40,8
1952	7393	34,4	26,4	42,5
1953	7348	36,2	29,3	43,2
1954	8093	34,8	27,9	41,7
1955	8016	34,8	27,3	40,7
1956	7458	31,8	21,7	41,7
1957	7517	29,9	20,2	40,2
1958	7326	30,2	20,0	41,7
1959	7810	29,7	19,5	42,3

Примечание: До 1950 г. многодетными считались матери, которые родили четырех и более детей, с 1950 г. – трех и более детей.

С 1950 по 1954 гг. общее число детей, родившихся у многодетных матерей, постоянно возрастало как в городской, так и в сельской местностях. Но в дальнейшем, и особенно после 1955 г., их удельный вес в составе родившихся стал уменьшаться за счет падения уровня рождаемости в городских поселениях республики (табл. 3). После легализации в 1955 г. аборт и предоставления супружеским парам и женщинам права самостоятельно планировать рождение детей и регулировать их количество, доля многодетных матерей в городских местностях значительно снижается – с 29,3 в 1953 г. до 19,5% в 1959 г., в то время как в сельских почти не меняется – 43,2 в 1953 г. и 42,3% в 1959 г. Таким образом, для сельских жителей в 1950-е гг. традиционной оставалась многодетная семья. В 1959 г. в селе удельный вес детей,

родившихся у многодетных матерей, был в два раза больше, чем в городе.

Учитывая, что абсолютные числа родившихся и умерших зависят от численности населения, необходим анализ процессов рождаемости и смертности с применением общих и специальных показателей. При рассмотрении послевоенного демографического развития Коми АССР, отмеченного беспрецедентным общим приростом численности населения, этот вопрос становится особо актуальным. Для определения уровня рождаемости самым простым для расчета является общий коэффициент рождаемости (ОКР). Анализ процесса рождаемости с применением ОКР свидетельствует, что при продолжавшемся росте абсолютных показателей темпы рождаемости с 1955 г. замедляются. С середины 1950-х гг. в Коми АССР отмечается устойчивая тенденция снижения уровня рождаемости (табл. 4). Если в 1949 г. на 1000 населения родилось 52 ребенка (максимальный показатель ОКР за рассматриваемый период), то в 1959 г. – 32.

Таблица 4

Динамика общего коэффициента рождаемости населения Коми АССР в 1945–1959 гг., число родившихся на 1000 чел. [24]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1945	23,2	36,8	21,9
1946	32,9	40,3	28,4
1947	38,0	48,0	32,0
1948	39,2	54,2	30,4
1949	51,9	62,0	44,9
1950	47,5	58,5	39,7
1951	46,3	52,7	40,9
1952	44,0	46,8	41,4
1953	38,4	38,8	38,1
1954	41,2	39,7	42,6
1955	38,3	36,0	40,4
1956	35,2	35,8	34,7
1957	34,2	33,5	35,0
1958	31,4	30,8	31,9
1959	32,2	30,0	35,5

При сравнении ОКР оказывается, что процесс рождаемости в различных типах поселений (город-село) имел весьма существенные отличия. В 1945–1953 гг. уровень рождаемости в городской местности был выше, чем в сельской, и увеличение естественного прироста шло в основном за счет городского населения. Так, в 1949 г. в городах на 1000 населения родилось 62 ребенка, в то время как в селе – 45. В

1953 г. показатель ОКР у городских и сельских жителей почти одинаков, а с 1954 г. и в последующие годы на селе он становится выше, чем в городе.

Тенденция к снижению рождаемости как в городской, так и в сельской местности наметилась уже в начале 1950-х гг. В целом с 1949 по 1959 г. ОКР в городской местности сократился с 62,0 до 30,0%. В селе, где рождаемость также снижалась, этот процесс протекал менее интенсивно – ОКР сократился с 44,9 до 35,5%.

По оценке демографов, границе простого воспроизводства соответствует величина ОКР, равная 16%. С учетом этого факта, уровень рождаемости в республике на протяжении всего рассматриваемого периода следует оценивать как очень высокий и высокий. Несмотря на снижение рождаемости даже в 1959 г. ОКР почти в два раза превышал границу простого воспроизводства. В 1945–1959 гг. показатели ОКР как в городской, так и в сельской местности соответствовали расширенному типу воспроизводства.

Тем не менее, необходимо учитывать, что ОКР рассчитывается по всему населению, а потому он недостаточно точен. Например, на величину ОКР сильное влияние оказывает возрастно-половая структура: чем выше в населении доля лиц молодых возрастов и женщин, тем выше будет значение ОКР и наоборот. Наиболее объективно и точно об уровне рождаемости свидетельствует суммарный коэффициент рождаемости (СКР), показывающий число детей, рожденных в среднем на одну женщину за всю ее жизнь без учета ее брачного состояния. Если обратиться к СКР, то оказывается, что за период между переписями 1939 и 1959 гг. произошло серьезное снижение величины СКР, которое свидетельствует о реальном сокращении уровня рождаемости, как в городских, так и в сельских поселениях республики. Если в 1938–1939 гг. СКР составлял 5,7‰ (в городе – 4,0, в селе – 5,9), то в 1958–1959 гг. – 3,3 (в городе – 2,8, в селе – 4,3) [25]. Границе простого воспроизводства соответствует величина СКР, равная примерно 2,1–2,2 живорождений в среднем на одну женщину. Таким образом, уже в конце 1950-х гг. в городских поселениях Коми АССР уровень рождаемости вплотную приблизился к черте, за которой начинается суженное воспроизводство населения.

Тенденция к снижению уровня рождаемости в послевоенный период – процесс объективный, обусловленный вовлечением обоих родителей, в том числе и матери, в общественное производство. Второй, не менее важной причиной, оказавшей влияние на процесс рождаемости, стал Указ от 23 ноября 1955 г. об отмене запрета на аборт, действовавшего с 1936 г. Решение вопроса о рождении

ребенка стало основываться не на жесткой государственной регламентации, а на нравственных ориентирах, личных потребностях и интересах женщины или супружеской пары, т.е. устанавливалось внутрисемейное планирование деторождения [26]. Если в целом по стране в первые годы после легализации абортосколько-нибудь заметного сокращения рождаемости не произошло (с 1955 по 1959 г. ОКР в СССР снизился с 25,7 до 25,0‰), то в Коми АССР за этот же период он снизился с 38,3 до 32,2‰. Уже в 1956 г. количество абортов по сравнению с 1955 г. резко выросло: в Сыктывкаре – в 1,7, в Железнодорожном районе – в 2,1, Усть-Вымском – в 2,4, в Сыктывдинском – в 3,9 раза [27].

Смертность населения. Наряду с такими демографическими факторами, как брачность, разводимость и рождаемость, корректирующее действие на естественный прирост населения оказывает смертность. В целом на протяжении рассматриваемого периода динамика смертности населения Коми АССР имела четкую тенденцию к снижению (табл.1 и 5). В 1945 г. абсолютные показатели смертности по сравнению с 1942–1944 гг. значительно сократились и даже опустились ниже уровня 1939 г. В первый послевоенный год число умерших продолжало снижаться, но в 1947 г. смертность населения резко возросла (на 51,5% относительно 1946 г.).

С демографической точки зрения 1947 г. стал самым неблагоприятным за весь послевоенный период. В этот год ряд регионов страны – Украину, Молдавию, Поволжье, Центрально-Черноземный район, частично Урал и Сибирь – охватил голод, вызванный засухой 1946 г. (собранный урожай зерновых был в два раза меньше, чем в 1913 г.) Неурожай резко ухудшил продовольственное снабжение населения СССР. Стремясь обеспечить продовольствием в первую очередь работников производящих отраслей промышленности, правительство значительно сократило число людей, снабжаемых централизованно (по карточкам), а для отдельных групп населения, главным образом, для иждивенцев были урезаны нормы выдачи хлеба.

На ухудшение жизненных условий демографическая сфера реагирует очень чутко. 1947 г. отмечен в Коми АССР снижением количества заключенных браков, увеличением смертности, сокращением естественного прироста населения. В 1947 г. в Сыктывкаре, сельских местностях Железнодорожного района, а также Сыктывдинском и Ижемском районах смертность превысила рождаемость. Отрицательный естественный прирост наблюдался в отдельные месяцы в

Сысольском, Прилузском, Сторожевском, Усть-Куломском, Удорском районах [28].

На общий рост смертности оказала влияние высокая смертность среди спецпереселенцев, прибывших в республику зимой 1946–1947 гг. Спецпереселенцев размещали, главным образом, в сельских местностях и использовали на лесозаготовках. Повышенная смертность в г. Сыктывкаре в 1947 г. объяснялась высокой смертностью заключенных и спецпереселенцев, сведения о которых были включены в отчеты Сыктывкарского ЗАГСа, а также большим количеством умерших в республиканской больнице, среди которых были не только горожане, но и много жителей сельских районов республики [29]. По мнению демографов Н.Араловец и О.Вербицкой, кроме голода, дополнительными факторами высоких показателей смертности в послевоенные годы стало оформление в органах ЗАГСа свидетельств о смерти пропавших без вести, не вернувшихся на родину родственников, а также повышенная заболеваемость и смертность людей, перенесших войну.

В 1948 г. смертность значительно сокращается «главным образом за счет уменьшения смертности в сельской местности среди взрослого контингента» [30]. Естественный прирост в 1948 г. по сравнению с 1947 г. увеличился, причем в селе он вырос более чем в два раза [31].

В 1949 г. демографическая ситуация в республике улучшилась. Смертность населения несколько снизилась, хотя уровень ее оставался очень высоким. В 1950–1951 гг. наблюдается новый всплеск смертности как в городах, так и в сельской местности, как среди взрослых, так и детей [32].

С 1952 г. смертность населения Коми АССР снижается и в дальнейшем уже не поднимается (за исключением 1957 и 1959 гг., отмеченных незначительным увеличением абсолютного числа умерших). Сокращение смертности объясняется, как изменением политической ситуации в стране, так и постепенным ростом материального благосостояния и жизненного уровня людей, к важнейшим из которых относятся улучшение питания, жилищно-бытовых условий, медицинского обслуживания населения, использование новых лекарственных препаратов и т.д.

В условиях бурного роста населения Коми АССР в послевоенный период абсолютные показатели не дают представления о реальных демографических процессах, протекавших в республике. Необходимость привлечения общего коэффициента смертности (ОКС) для анализа процесса смертности наглядно иллюстрируется следующим примером: в 1959 г. по сравнению с 1945 г. смертность населения в

абсолютном выражении снизилась на 15,8%, а общий коэффициент смертности (ОКС) снизился за тот же период на 70,2%. Другими словами, если в 1945 г. на 1000 населения умирало 22 чел., то в 1959 г. – 6 (в городах – соответственно 20 и 5 чел., в селе – 22 и 9 чел.).

Таблица 5

Динамика общего коэффициента смертности населения
Коми АССР в 1945–1959 гг., число умерших на 1000 чел. [33]

Годы	Население		
	все	городское	сельское
1945	21,5	20,4	21,9
1946	15,4	12,6	17,2
1947	24,0	19,0	26,0
1948	17,4	15,6	18,8
1949	14,7	13,6	15,7
1950	14,1	13,9	14,4
1951	14,3	12,4	15,5
1952	12,7	10,5	14,5
1953	11,2	9,1	13,5
1954	10,6	7,9	13,5
1955	9,3	7,4	11,0
1956	8,0	6,5	9,3
1957	7,8	5,6	10,0
1958	6,4	5,3	7,8
1959	6,4	4,7	8,8

Анализ смертности с использованием ОКС указывает на четкую тенденцию к снижению уровня смертности населения Коми АССР. Данные табл. 5 показывают, что процессы смертности у городских и сельских жителей протекали с разной степенью интенсивности. Смертность селян на протяжении всего рассматриваемого периода была выше, чем у горожан, но если в 1945–1952 гг. показатели ОКС в различных типах поселений не имели очень больших различий, то в 1953–1959 гг. смертность сельского населения в среднем в 1,5 раза стала превышать смертность городского населения.

Структура смертности. Анализ смертности по отдельным возрастным группам показывает, что наибольшая смертность в 1945–1959 гг. наблюдалась в младших детских возрастах – от 0 до 4 лет. С 1945 по 1950 г. удельный вес этой возрастной группы в общей структуре смертности год от года увеличивался. Пик детской смертности приходится на 1951 г., когда за год умерло 3735 детей в возрасте до 4 лет, что составило 55,1% от совокупности умерших за год. Начиная с 1952 г. показатели смертности детей младшей возрастной группы, оставаясь на очень высоком уровне, постепенно, но очевидно снижа-

лись. В 1959 г. абсолютная смертность детей в возрасте от 0 до 4 лет сократилась по сравнению с 1951 г. в 2,3 раза, а удельный вес снизился до 31,8% [34].

В возрастной группе от 5 до 9 лет и от 10 до 14 лет, как известно, доля умерших всегда минимальна. Удельный вес этих возрастов в общей структуре смертности не превышал 5,5% (максимальный показатель, который приходится на 1947 г.), а в 1959 г. он составлял 2,9% [35].

При анализе смертности взрослого населения следует отметить традиционное преобладание мужской смертности над женской. Как и прежде, мужская смертность была выше женской во всех возрастах, кроме пожилых – 60 лет и старше, где преобладала смертность женщин.

Мужская смертность опережала женскую в трудоспособных возрастах (от 18 до 59 лет) в 2-3 раза, причем в возрастной группе от 18 до 29 лет – в 3,5 раза [36]. Таким образом, наиболее высокая смертность мужчин наблюдалась в молодых и средних возрастах. В 1947 г. из совокупности умерших в возрастном диапазоне от 20 до 54 лет (наиболее репродуктивный возраст) мужчины составляли 67,0, в 1951 г. – 61,2, в 1955 г. – 69,9, в 1959 г. – 69,7%, в возрасте от 20 до 29 лет – соответственно 68,2; 55,8; 73,8; 77,3% [37].

Удельный вес людей пожилого возраста (от 60 лет и старше) в общей структуре смертности в первое послевоенное десятилетие испытывал колебания, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения (от 23,3% в 1947 г. до 15,2% в 1951 г.). С 1955 г. доля пожилых людей в составе умерших с каждым годом возрастала и в 1959 г. достигла 29,7% [38].

Младенческая смертность. Особое место среди показателей, характеризующих смертность населения, занимает младенческая смертность. Смертность детей в возрасте до 1 года в первое послевоенное десятилетие превышала смертность во всех остальных возрастах. Она оказывала большое влияние на общие показатели смертности в рассматриваемый период (табл. 1 и 6). Удельный вес младенческой смертности, испытывая в различные годы значительные колебания в сторону снижения или повышения, составлял в среднем одну треть в совокупности умерших за год.

Таблица 6

Коэффициенты младенческой смертности в Коми АССР
в 1945–1959 гг. [39]

Годы	На 1000 родившихся умерли в возрасте до одного года	Годы	На 1000 родившихся умерли в возрасте до одного года	Годы	На 1000 родившихся умерли в возрасте до одного года
1945	95,0	1950	125,9	1955	80,7
1946	93,3	1951	132,1	1956	68,1
1947	166,6	1952	109,2	1957	62,3
1948	121,9	1953	98,8	1958	56,6
1949	112,4	1954	90,4	1959	51,3

В 1945 г. на фоне сохранявшейся низкой рождаемости размеры детской смертности были сравнительно невелики, но в голодном 1947 г. смертность детей в возрасте до 1 года резко увеличивается. Число умерших детей возросло в 1947 г. по сравнению с 1946 г. в целом по республике почти вдвое, а по г. Сыктывкару в 2,7 раза [40]. Коэффициент младенческой смертности, составлявший в 1946 г. 93,3‰, в 1947 г. подскочил до 166,6‰ (в СССР в 1947 г. – 190‰) [41]. Наибольший уровень смертности детей первого года жизни в сельской местности был зарегистрирован в Усть-Цилемском (271‰), Ижемском (268‰), Удорском районах (261‰), из городских поселений – в Сыктывкаре (291‰) [42].

Смертность детей в возрасте до одного года в сельской местности была всегда выше, чем в городской. Так, в 1947 г. в селе из 1000 родившихся не дожили до 1 года 188 детей, в городе – 143, в 1951 г. – соответственно 155 и 110, в 1957 г. – 80 и 46 [43]. Отрицательным фактором, увеличивавшим детскую смертность, особенно в сельских районах, являлась территориальная отдаленность поселений от медицинских пунктов. Например, в третьем квартале 1948 г. из общего числа родов в сельской местности 17,7% прошли без оказания медицинской помощи и 34,3% были приняты на дому. В том же 1948 г. в результате несвоевременной госпитализации женщин-рожениц и не оказания медицинской помощи в Коми АССР умерло 1686 детей в возрасте до 1 года, что составило 12,1% от общего числа родившихся за год [44]. Очень высокой была смертность в домах малютки и детских домах. Так, в 1948 г. в доме ребенка в Верхнем Чове, где содержались дети, матери которых находились в заключении, родились 89 детей, умерли – 71, в том числе 50 – в возрасте до 1 года [45].

В 1950 г. несколько снизившиеся после 1947 г. показатели детской смертности вновь возрастают, как в городах, так и в сельской местности. Достигнув в 1951 г. абсолютного максимума за рассматриваемый период (43,0% от общего числа умерших за год), в дальнейшем доля младенческой смертности плавно снижалась и в 1959 г. составила 25,9%. В 1959 г. число детей, умерших в первый год жизни, уменьшилось по сравнению с 1951 г. в два раза, коэффициент младенческой смертности снизился до 51,3%. Таким образом, за 1947–1959 гг. (годы пиков максимального и минимального уровня) коэффициент младенческой смертности сократился на 69,2% [46].

В то же время необходимо отметить, что несмотря на устойчивую тенденцию к снижению смертности детей первого года жизни, ее уровень в республике оставался очень высоким. Младенческая смертность является одним из критериев, по которому оценивают состояние здоровья и качество жизни населения. При сопоставлении данных о смертности детей в возрасте до 1 года в Коми АССР с аналогичными показателями в экономически развитых странах, а также по СССР в целом, становится очевидным, что младенческая смертность в республике была существенно выше. Так, в 1951 г. в США на 1000 родившихся умерло, не дожив до 1 года 29 детей, Англии – 31, Франции – 50, в СССР – 84, а в Коми АССР – 132; в 1956 г. – соответственно 26,25, 36, 47, 68 [47].

Причины смертности. Вопрос о причинах смертности населения Коми АССР сильно затруднен в связи с отсутствием точных статистических сведений. Наиболее полно в архивах представлены отчеты о причинах смерти жителей Сыктывкара (по другим городским поселениям до 1953 г. информация отсутствует или носит отрывочный характер). Данные о причинах смерти сельских жителей впервые появляются в 1948 г. В разработку были включены сведения по ряду сельсоветов Прилузского, Сыктывдинского и Усть-Куломского районов, где имела обязательная врачебная регистрация смертных случаев. Но даже во второй половине 1950-х гг. акты на умерших по причинам смерти разрабатывались далеко не во всех сельских населенных пунктах, а лишь там, где был врач или квалифицированный фельдшер, способный составить компетентное заключение.

Значительную долю в структуре причин смерти взрослого населения в первые послевоенные годы составляли туберкулез органов дыхания, прочие формы туберкулеза, воспаления легких, кишечные инфекции. В статистической отчетности по соображениям секретности причинами высокой смертности населения назывались не истощение и дистрофия, а лишь их проявления, вызванные недостаточным

питанием и антисанитарными условиями существования – токсическая диспепсия, дизентерия, острый гастроэнтероколит. В ставших ныне доступными секретных документах говорится, что в 1947 г. в Коми АССР умерли: от воспаления легких – 1330 чел. (15,9% от общего числа умерших за год), дистрофии – 1304 (15,6%), туберкулеза легких 1227 (14,7%), болезней сердца – 983 (11,8%), старческой дряхлости – 903 (10,8%), диспепсии – 600 (7,2%). По инструкции диагноз старческая дряхлость как причина смерти, мог ставиться лицам в возрасте 80 лет и старше, однако в 1947 г. большинство умерших с указанным диагнозом были моложе 80 лет. В июле-августе 1947 г. в г. Сыктывкаре и в шести южных районах умерли от дистрофии и общего истощения 261 чел., что составило 28,5% от совокупности умерших, вошедших в разработку. Особенно много умерших от дистрофии было в г. Сыктывкаре, Усть-Куломском и Сясьском районах. На рост смертности от дистрофии, общего истощения и преждевременной старческой дряхлости оказала влияние высокая смертность среди спецпереселенцев, прибывших в республику зимой 1946–1947 гг. [48].

Очень много смертных случаев во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. проходили под шифром «84» (неточно обозначенные и не вошедшие в классификацию болезни и причины смерти). Например, в 1947 г. они составляли 32,6% от общего числа умерших за год, в 1948 г. – 10,3%, в 1949 г. – 7,8%, в 1953 г. – 6,1%. Причины: низкая квалификация медицинского персонала; включение в общегражданскую статистику сведений о смертности среди заключенных и спецпереселенцев. Как отмечается в документах, «более половины умерших в ИТЛ с диагнозами «порок сердца», «остановка сердечной деятельности», «недостаточность сердечной деятельности» при разработке по причинам смерти отнесены к шифру «84» [49].

Основными причинами детской смертности в первое послевоенное десятилетие являлись инфекционные и желудочно-кишечные болезни. Из умерших в 1949 г. в городских поселениях 985 детей в возрасте до 1 года умерли: от воспаления легких, в том числе от крупозной пневмонии – 217 чел., токсической диспепсии – 106, дизентерии – 23, острого гастроэнтероколита – 38, преждевременного рождения – 48, врожденной слабости (в первый месяц жизни) – 47 и др. [50] В апреле-июне 1949 г. почти всем детям, умершим в городских местностях, был поставлен диагноз «токсическая диспепсия» [51]. Во второй половине 1950-х гг. главными причинами смерти детей первого года жизни стали преждевременное рождение, врожденные пороки развития, родовые травмы, болезни новорожденных.

Таблица 7

Основные причины смерти населения Коми АССР
в 1949 и 1958 гг., % [52]

Причины смерти	1949 г.	1958 г.
Воспаление легких, в том числе крупозная пневмония	15,0	12,8
Туберкулез	15,1	3,3
Токсическая диспепсия, острый гастроэнтероколит	13,9	4,2
Острые инфекционные заболевания, в том числе детские	11,1	3,0
Болезни сердца и органов кровообращения	7,7	13,8
Атеросклероз, кровоизлияния в мозг	2,7	3,0
Болезни органов пищеварения	–	2,4
Рак, злокачественные новообразования	3,0	9,9
Производственные травмы и отравления	5,1	7,1
Непроизводственные травмы и несчастные случаи	3,6	14,3
Убийства и др. виды насильственной смерти неустановленного характера	1,5	2,2
Самоубийства	0,5	4,0
Болезни новорожденных, врожденные пороки развития (до 1 мес.)	2,5	4,9
Преждевременное рождение	2,6	4,3
Неточно обозначенные и не вошедшие в классификацию болезни и причины смерти	7,8	5,9

В послевоенные годы произошли значительные изменения в соотношении причин смертности. Смертность от болезней экзогенного характера, т.е. вызванных плохими условиями проживания и питания (желудочно-кишечные инфекции, туберкулез, пневмония и т.п.), постепенно снижалась, но наблюдалось увеличение смертности от болезней эндогенных, т.е. обусловленных старением организма или нарушением функций различных внутренних органов (табл. 7).

В 1958 г. по сравнению с 1949 г. доля умерших от туберкулеза снизилась с 15,1 до 3,3%, от токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита – с 13,9 до 4,2%, от острых инфекционных заболеваний, в том числе детских – с 11,1 до 3,0%, немного уменьшилась (с 15,0 до 12,8%), но по-прежнему оставалась на высоком уровне смертность от пневмонии. Обращает на себя внимание значительный рост числа и удельного веса смертей от несчастных случаев, производственных и непроизводственных травм, убийств и самоубийств. В конце 1950-х гг. непроизводственные травмы и всякого рода несчастные случаи вышли на первое место среди причин смертности населения республики.

В конце 1950-х гг. люди стали больше умирать от болезней сердца и органов кровообращения (13,8% в 1958 г. против 7,7% в 1949 г.), от рака (9,9% в 1958 г. против 3,0% в 1949 г.). Увеличение числа смертей от сердечно-сосудистых, онкологических и болезней органов пищеварения людей средних и старших возрастов, т.е. переживших все тяготы войны, неслучайно. Особенно заметно это проявилось у мужчин. Физическое и нервно-психическое напряжение военных лет, полученные ранения способствовали росту заболеваемости и смертности от данных болезней в мирное время.

В снижении смертности населения республики огромную роль сыграло развитие государственного здравоохранения, широкое распространение антибиотиков и сульфаниламидных препаратов. Этот путь оправдал себя в период высокой смертности, обусловленной инфекционными и желудочно-кишечными болезнями. Но в борьбе со смертностью эндогенного происхождения, которая в мирное время стала занимать все больший удельный вес в структуре причин смертности населения, эффективность этого пути заметно снижается. По мнению демографа В.Исупова, к середине 1950-х гг. страна оказалась на пороге демографического тупика, выход из которого был только в переходе к активному направлению борьбы со смертностью, а именно, повышению жизненного уровня населения, профилактике возникновения и развития болезней. Но переход этот требовал серьезных политических решений и финансовых расходов [53].

Естественный прирост. С 1945 г. по 1959 г. естественный прирост населения республики, испытывая в отдельные годы колебания в сторону снижения, имел ярко выраженную тенденцию к росту (табл. 1). Самый низкий естественный прирост (247 чел.), по понятным причинам, был отмечен в 1945 г., причем положительное значение естественного прироста в целом по республике произошло за счет городской местности, так как в сельской местности он был отрицательным (смертность там по-прежнему превышала рождаемость). Наибольший показатель естественного прироста приходится на 1959 г. – за год население республики увеличилось на 21119 чел., в том числе городское – на 12268 и сельское – на 8851.

Незначительное сокращение естественного прироста, наблюдавшееся в 1947, 1950, 1953 гг., происходило из-за увеличения смертности населения, поскольку абсолютные показатели рождаемости из года в год возрастали. С другой стороны, 1946, 1949, 1954 и 1959 гг. отмечены скачкообразным ростом величины естественного прироста. Так, в 1946 г. по сравнению с 1945 г. он вырос почти в 26 раз, в 1949 г. рост

по отношению к предыдущему году составил 79,8%, в 1954 г. – соответственно – 19,9%, в 1959 г. – 9,6%.

Более рельефно, чем в абсолютных числах динамика движения населения отражается в коэффициентах естественного прироста, так как в этом случае исключается влияние численности населения на количественные характеристики естественного прироста (табл. 8). Коэффициент естественного прироста в первые послевоенные годы увеличивался очень высокими темпами и достиг своего максимума в 1949 г., после чего началось его плавное снижение. В 1949 г. естественный прирост в расчете на 1000 населения составлял 37 чел., в 1955 г. – 29, в 1959 г. – 26.

Таблица 8

Динамика коэффициента естественного прироста населения
Коми АССР в 1945-1959 гг., на 1000 чел. [54]

Годы	Население		
	все	городское	сельское
1945	0,5	16,4	-5,6
1946	17,5	27,7	11,2
1947	14,0	29,0	6,0
1948	21,8	38,6	11,6
1949	37,2	48,4	29,2
1950	33,4	44,6	25,3
1951	32,0	40,3	25,4
1952	31,3	36,3	26,9
1953	27,2	29,7	24,6
1954	30,6	31,8	29,1
1955	29,0	28,6	29,4
1956	27,2	29,3	25,4
1957	26,4	27,9	25,0
1958	25,0	25,5	24,1
1959	25,8	25,3	26,7

В послевоенном демографическом развитии республики можно выделить характерную черту, а именно: в отличие от предвоенного десятилетия значения естественного прироста городского населения стали выше, чем у жителей села, особенно в первое послевоенное пятилетие. Например, в 1946 г. коэффициент естественного прироста в городской местности был в 2,5 раза больше, чем в сельской, в 1947 г. – в 4,8 раза, в 1948 г. – в 3,3 раза. До 1954 гг. коэффициент естественного прироста в городах был стабильно и существенно выше, чем в сельской местности. Основная причина – значительно более высокий уровень рождаемости и относительно низкая смертность городского населения по сравнению с сельским. В 1955–1959 гг.

показатели естественного прироста в городе и селе по своим значениям приблизились друг к другу и уже не имели существенных различий.

Подводя итоги, отметим, что демографическая подсистема общества обладает огромным запасом жизнестойкости, способностью к демографической регенерации, а именно, восстановлению после катастроф и кризисов не только своей численности, но и структуры [55]. Начавшаяся после окончания Великой Отечественной войны постепенная нормализация возрастнополовой структуры общества, и в первую очередь в дееспособных возрастах, оказала положительное влияние на режим воспроизводства населения. В результате специализации хозяйственного комплекса Коми АССР на добывающих отраслях промышленности, а также в результате интенсивных миграционных процессов в республике начинает доминировать мужское население, особенно в активных трудоспособных возрастах.

В первое послевоенное десятилетие число официально зарегистрированных браков в республике постоянно увеличивалось. После 1956 г. брачность стала снижаться как в абсолютных, так и в относительных величинах, как в городских, так и в сельских поселениях. Уровень брачности в деревне из-за послевоенной деформации возрастнополовой структуры населения в брачных возрастах на протяжении всего рассматриваемого периода существенно уступал городскому.

Число юридически оформленных разводов, несмотря на серьезные препятствия со стороны закона, постоянно росло. Разводы получили распространение как в городах, так и в сельской местности, однако разводимость среди сельских жителей была в несколько раз меньше, чем у горожан.

Важным элементом улучшения демографической ситуации в республике в первые послевоенные годы явилось заметное увеличение рождаемости, получившее наименование компенсаторной волны. На увеличение общих показателей рождаемости в республике существенное влияние оказал рост числа детей, родившихся вне брака (у одиноких матерей и у супругов, не состоявших в зарегистрированном браке).

Абсолютные показатели рождаемости в 1945–1959 гг. имели устойчивую тенденцию к росту с небольшими колебаниями в сторону снижения в отдельные годы. Однако при росте абсолютных показателей уже с 1950 г. общий коэффициент рождаемости начинает уменьшаться, хотя и остается на достаточно высоком уровне – даже в 1959 г. он почти в 2 раза превышал границу простого воспроиз-

водства. Снижение уровня рождаемости было характерно как для городской, так и для сельской местности. Особенно заметно его понижение в городских поселениях. В середине 1950-х гг. в городах и поселках республики начался процесс демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства. Важную роль в снижении уровня рождаемости сыграли: 1) активное вовлечение женщин в производственную сферу; 2) отмена в 1955 г. запрета на производство аборт, что позволило гражданам самостоятельно, без контроля и давления со стороны государства, регулировать процесс рождаемости. В сельских местностях республики в рассматриваемый период еще сохранялся традиционный, «деревенский» тип воспроизводства, о чем свидетельствует высокая рождаемость, а также высокая смертность.

Изменение репродуктивного поведения людей (сокращение рождаемости, уменьшение числа детей в семье) во второй половине 1950-х гг. было связано и с уменьшением детской смертности, хотя ее показатели оставались на высоком уровне и в возрастной структуре умерших, как и прежде, преобладали дети младшей возрастной группы (от 0 до 4 лет). В трудоспособных возрастах доминировала мужская смертность, которая в два-три раза превышала женскую. Смертность сельского населения на протяжении всего рассматриваемого периода была выше, чем у горожан.

В целом смертность населения Коми АССР в 1945–1959 гг. неуклонно снижалась. Общий коэффициент смертности сократился за тот период на 70,2%. Смертность населения резко уменьшается с 1953 г. в связи с изменением общественно-политической ситуации в стране, ликвидацией режима репрессий, медленным, но очевидным ростом жизненного уровня людей.

В течение рассматриваемого периода отмечались положительные изменения в соотношении причин смертности: от преобладавших в первые послевоенные годы болезней, вызванных плохими условиями проживания и питания (острые желудочно-кишечные инфекции, туберкулез, пневмония и т.п.), к нарастанию смертности от болезней, обусловленных старением организма или нарушением функций различных внутренних органов. Обращает на себя внимание значительное нарастание смертей от различного рода травм и несчастных случаев, которые в конце 1950-х гг. вышли на первое место среди причин смертности населения республики.

Начавшийся с 1950 г. постепенный процесс сокращения рождаемости сопровождался сравнительно быстрым снижением уровня смертности, поэтому общие показатели естественного прироста

населения Коми АССР до конца 1950-х гг. оставались очень высокими. Можно сказать, что в целом жители республики справились с функцией воспроизводства населения. За 1945–1959 гг. за счет естественного прироста население увеличилось на 204,8 тыс. чел. (38,0% общего прироста), в том числе городское – на 114,4 тыс., сельское – на 90,4 тыс. Если до Великой Отечественной войны естественный прирост сельского населения значительно превышал этот показатель у городского населения, то после войны, наоборот, общие показатели естественного прироста в городе стали выше, чем в селе.

Литература и источники

1. Подоплелов В.П. Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар, 1972. 61с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 3); Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. Сыктывкар, 1990. 19 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 231); Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993. 93 с.; Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар, 1998. 174 с., и др.
2. НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 1; д. 2165, л. 1; д. 3227, л. 4, 7-8, 25-27; д. 3235, л.1; д. 3239, л.1, 62; д. 3245, л. 4.
3. Там же. Д. 3249, л.10.
4. Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. С. 25-27. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 460).
5. Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 67.
6. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2153, л. 7; д. 2155, л. 9-9об.; д. 2162, л.10; д. 2165, л. 21; д. 3227, л. 32; д. 3235, л. 11; д. 3239, л.12; д. 3245, л.14-14об.; д. 3248, л.14-14об.; д. 3249, л. 32-32об.; д. 5222, л. 4-4об.; д. 5227, л. 39-39 об.; д. 5229, л. 4-5; д. 5233, л. 7-8; оп. 5, д. 44, л.1-4.
7. НАРК. Ф. 605, оп.1, д. 1236, л.12,15.
8. Там же. Ф. 140, оп. 2, д. 3235, л. 2,11.
9. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2162, л. 10; д. 3249, л. 32-32об.; д. 5233, л. 7-7об.; оп. 5, д. 84, л. 11,17.
10. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 5222, л. 4-4об.; д. 5233, л. 7-7об.; оп. 5, д. 84, л. 11, 17.
11. НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2165, л. 16.
12. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 5233, л. 7-7об.
13. Фаузер В.В., Парначев А.А. Указ. соч. С. 63.
14. Составлено по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2153, л. 7; д. 2155, л. 9-9об.; д. 2162, л.10; д. 2165, л. 21; д. 3227, л. 32; д. 3235, л.11; д. 3239, л.12; д. 3245, л.14-14об.; д. 3248, л. 14-14об.; д. 3249, л. 32-32об.; д. 5222, л. 4-4об.; д. 5227, л. 39-39 об.; д. 5229, л. 4-5; д. 5233, л. 7-8; оп. 5, д. 44, л.1-4.
15. НАРК. Ф. 140, оп. 2, д.3227, л.6.

16. Там же. Д. 2165, л. 9об., 21.
17. Там же. Д. 3235, л. 2,11.
18. Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. 1940–1959 гг. С. 223, 240.
19. Составлено по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 17-19об.; д. 2162, л. 30; д. 3227, л. 49-52; д. 3235, л. 21; д. 3239, л. 22-25; д. 3245, л. 24-27об.; д. 3248, л. 24-27об.; д. 3249, л. 37-39об.; д. 5222, л. 19-21; д. 5227, л. 12-14; д. 5229, л. 14-16; д. 5233, л. 16-18.
20. Население России в XX веке... С. 223.
21. НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2165, л. 15об.; д. 3239, л.7.
22. Население России в XX веке... С. 223.
23. Составлено по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 17-19об.; д. 2162, л. 30; д. 3227, л. 49-52; д. 3235, л. 21; д. 3239, л. 22-25; д. 3245, л. 24-27об.; д. 3248, л. 24-27об.; д. 3249, л. 37-39об.; д. 5222, л. 19-21; д. 5227, л. 12-14; д. 5229, л. 14-16; д. 5233, л. 16-18.
24. Составлено по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2153, л. 7; д. 2162, л. 10; д. 2165, л. 21; д. 3227, л. 32; д. 3235, л. 11; д. 3239, л.12; д. 3245, л.14-14об.; д. 3248, л.14-14об.; д. 3249, л. 32-32об.; д. 5222, л. 4-4об.; д. 5227, л. 39-39 об.; д. 5229, л. 4-5; д. 5233, л. 7-8; оп. 5, д. 10, л. 27-28; д. 44, л.1-4; д. 84, л. 11, 17.
25. Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Указ. соч. С.10.
26. Население России в XX веке... С. 240.
27. Население России в XX веке... С. 262; НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 5224, л. 24.
28. НАРК. Ф. 140, оп. 5, д.10, л. 22, 25об.
29. Там же. Ф. 140, оп. 5, д. 10, л. 23-23об.; 26.
30. Там же. Ф. 140, оп. 2, д. 2162, л. 67.
31. Там же. Ф. 140, оп. 5, д.10, л. 28-28об., 30.
32. Там же. Ф. 140, оп. 2, д. 3235, л. 2.
33. Составлено по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2153, л. 7; д. 2162, л.10; д. 2165, л. 21; д. 3227, л. 32; д. 3235, л.11; д. 3239, л.12; д. 3245, л.14-14об.; д. 3248, л.14-14об.; д. 3249, л.32-32об.; д. 5222, л. 4-4об.; д. 5227, л. 39-39 об.; д. 5229, л. 4-5; д. 5233, л. 7-8; оп. 5, д. 10, л. 27-28; д. 44, л.1-4; д. 84, л. 11,17.
34. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 3235, л. 25; д. 5233, л. 28.
35. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 20; д. 5233, л. 28.
36. НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 23.
37. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 20-20об.; д. 3235, л. 25-25об.; д. 5218, л. 55-55об.; д. 5233, л. 28-28 об.
38. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 20об.; д. 3235, л. 25об.; д. 5233, л. 28об.
39. Составлено по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2153, л. 7; д. 2155, л.9-9об.; д. 2162, л.10; д. 2165, л. 21; д. 3227, л. 32; д. 3235, л. 11; д. 3239, л.12; д. 3245, л.14-14об.; д. 3248, л. 14-14об.; д. 3249, л. 32-32об.; д. 5222, л. 4-4об.; д. 5227, л. 39-39 об.; д. 5229, л. 4-5; д. 5233, л. 7-7об; оп. 5, д. 44, л.1-4.
40. НАРК. Ф. 140, оп. 5, д. 10, л. 25об.
41. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 225.

42. НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 9-9об.
43. Там же. Ф. 140, оп. 2, д. 2155, л. 9об.; д. 3235, л. 11; д. 5227, л. 39об.
44. Там же. Ф. 140, оп. 2, д. 2161, л. 30 об.; оп. 5, д.10, л. 29.
45. Там же. Ф. 140, оп. 2, д. 2162, л. 67.
46. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 3235, л. 11, 25-25об.; д. 5233, л. 7об., 28-28об.
47. Население России в XX веке... С. 241-242.
48. НАРК. Ф. 140, оп. 5, д. 10, л. 23-23об.; 26.
49. Там же. Ф. 140, оп. 2, д. 3245, л.1.
50. Там же. Д. 2162, л. 46.
51. Там же. Д. 2165, л.5.
52. Рассчитано по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2165, л. 59-65; д. 5229, л. 39-49.
53. Исупов В.А. Указ. соч. С. 230-231.
54. Составлено по: НАРК. Ф. 140, оп. 2, д. 2153, л. 7; д. 2162, л.10; д. 2165, л. 21; д. 3227, л. 32; д.3235, л.11; д. 3239, л.12; д. 3245, л.14-14об.; д. 3248, л.14-14об.; д. 3249, л. 32-32об.; д. 5222, л. 4-4об.; д. 5227, л. 39-39об.; д. 5229, л. 4-5; д. 5233, л. 7-8; оп. 5, д. 10, лл .27-28; д. 44, л. 1-4; д. 84, л. 11,17.
55. Исупов В.А. Указ. соч. С. 240.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

В. П. Мотревич*

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА УРАЛ
В 1940-е – 1950-е ГОДЫ**

В размещении населения СССР большую роль играла миграция. Миграция взаимосвязана с другими социально-экономическими процессами и влияет на интенсивность их развития. Демографы выделяют четыре вида пространственного движения населения – эпизодическую, маятниковую, сезонную и безвозвратную миграцию. Последняя из них включает территориальное перемещение городского населения, сельского населения, а также обмен жителями между городом и селом. До настоящего времени проблема пространственного перемещения сельского населения в научной литературе исследована явно недостаточно. В 1950–1960-е гг. ей были посвящены лишь отдельные работы [1]. Во второй половине 1970-х гг. и в 1980-е гг. интерес историков к вопросам демографии, в частности, к переселению на Урал, заметно возрос [2]. Однако последняя тема специально не изучалась. В результате одни авторы утверждают, что сельскохозяйственная миграция в Уральский регион происходила в первые послевоенные годы [3], а другие – что этот источник пополнения сельского населения появился в середине 1950-х гг. [4]. Однако, на наш взгляд, факты убедительно свидетельствуют, что наиболее интенсивным миграционный поток сельчан на Урал был в 1950–1953 гг.

Крестьянская колонизация восточных районов шла издавна. Плановое сельскохозяйственное переселение в СССР началось вскоре после окончания Гражданской войны. Его целью было максимально полное использование земельного фонда и освоение многоземельных районов. В 1924–1929 гг. на Урал переехали 44,1 тыс. крестьянских семей [5]. В 1930 г. в связи с коллективизацией массовое переселение было прекращено. В конце 1930-х гг. плановое перемещение крестьян в стране возобновилось. Вопрос о переселении колхозников из малоземельных районов в многоземельные районы рассматривался на Майском (1939 г.) Пленуме ЦК ВКП (б). В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» было признано необходимым переселение колхозников в многоземельные районы Поволжья, Омской и Челябинской областей, Алтайского края, Казах-

***Мотревич Владимир Павлович** (Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии.

стана, Дальнего Востока и т. д. Для этого при Правительстве СССР было создано Переселенческое Управление со своими органами в союзных республиках, областях и краях. В его задачи входили: сельскохозяйственное переселение колхозников и единоличников из малоземельных районов в многоземельные; перемещение и хозяйственное устройство кочевых и полукочевых племен, переходящих на оседлость; переселение с земель, отчуждаемых для строительства, а также перемещение на вновь осваиваемые орошаемые земли.

Вскоре после названного Пленума возобновилось сельскохозяйственное переселение и на Урал. В 1939 г. в Челябинскую область прибыли 39 крестьянских семей. В последующие годы поток мигрантов заметно возрос. В 1940 г. в области были размещены 10420 крестьянских семей (47,8 тыс. чел.), в 1941 г. – 1879. В 1940 г. 697 семей переехали и в Свердловскую область [6]. Направление переселенцев на Средний и Южный Урал диктовалось острой нехваткой рабочей силы в сельском хозяйстве этих районов.

Великая Отечественная война привела к большим изменениям в размещении населения. Из фронтовой и прифронтовой полосы выехали не менее 10 млн. чел., в том числе более 1,5 млн. – на Урал. По национальному составу большинство эвакуированных составили русские, евреи и украинцы. На начало 1943 г. в Свердловской области находились 334,4 тыс. эвакуированных, из них 55,0% составляли русские, 22,0% – евреи, 11,0% – украинцы. 41,2% переселенцев – это женщины, 31,5 – дети [7]. Многие из них стали работать в колхозах, совхозах и МТС. В 1942 г. в Оренбургской области в сельском хозяйстве работали 48,7 тыс., в Свердловской — 15,0 тыс., в Челябинской области – 23,6 тыс. эвакуированных граждан [8]. Однако убыль трудоспособных сельчан, особенно в промышленно развитых областях была столь значительной, что приток эвакуированных не смог компенсировать сокращение сельского населения. К тому же в ходе реэвакуации значительная часть переселенцев вернулась обратно.

Массовая мобилизация сельчан в армию и направление на работу в промышленность, снижение рождаемости и рост смертности привели в 1940-е гг. к уменьшению числа сельчан на Урале почти на четверть. Это было намного выше, чем в среднем по стране. Убыль населения еще больше осложнила положение в сельском хозяйстве, которое и до войны испытывало острую нехватку рабочей силы. Сельскохозяйственное переселение и должно было пополнить трудовые ресурсы уральской деревни.

С началом Великой Отечественной войны плановое сельскохозяйственное переселение в СССР не прекратилось, однако его размеры

сократились в несколько раз. По данным планово-финансового отдела Переселенческого Управления при СНК СССР, в 1940 г. в стране были переселены 124,7 тыс., в 1941 – 43,2 тыс., в 1942 – 21,1 тыс., в 1943 – 12,8 тыс. семей [9]. В 1944 г. масштабы данного процесса резко возросли. Это было вызвано заселением упраздненной в августе 1941 г. территории автономной республики немцев Поволжья, полумиллионное население которой вывезли в восточные районы страны, а также степных районов бывшей Крымской АССР, жители которой в мае 1944 г. были депортированы в Среднюю Азию и на Урал. С 1946 г. массовое сельскохозяйственное переселение стало производиться в Калининградскую, Ленинградскую, Сахалинскую, а с 1947 г. – в Грозненскую и Сталинградскую области, наиболее пострадавшие в годы войны. С Урала в эти районы не мигрировали, за исключением Удмуртии, откуда в 1944 г. в Архангельскую и Мурманскую области выехали 396 семей. Быстрое заселение указанных выше районов позволило в 1950 г. возобновить прерванное Великой Отечественной войной сельскохозяйственное переселение на Урал. Мигранты туда стали прибывать из Белоруссии, Поволжья, а также центральных областей России. За 1950–1953 гг. из Белоруссии туда переселилось 6,5 тыс. семей, из областей и автономных республик Волго-Вятского района – 6,1 тыс., Центрального – 3,2 тыс., Поволжского – 3,1 тыс. [10].

Вначале миграционный поток крестьян на Урал был весьма невелик. В 1950 г. в Пермскую и Свердловскую области переехали всего 9 тыс. чел. В дальнейшем их число стало возрастать. В 1951 г. в четыре области региона (Курганскую, Пермскую, Свердловскую и Челябинскую) прибыли 26,4 тыс., в 1952 г. – 32,4 тыс. чел. [11]. В Башкирию, Удмуртию и Оренбуржье, где удельный вес сельского населения был достаточно высоким, плановое сельскохозяйственное переселение в эти годы не производилось.

Происходивший на протяжении ряда лет отток сельского населения в города привел к существенному сокращению трудовых ресурсов села и уменьшению возможностей их территориального перераспределения. Тем не менее, в послевоенные годы перемещение крестьян на восток в целом достигло довоенного уровня. Если в 1939–1940 гг. ежегодно по стране в год в нем участвовали в среднем 60,7 тыс. крестьянских семей (в годы войны в среднем 30,1 тыс.), то в 1946–1953 гг. – 59,9 тыс. Всего в ходе планового сельскохозяйственного переселения в восточные районы страны за восемь послевоенных лет переехали около полумиллиона сельских семей (479,3 тыс.), в которых насчитывалось более 2 млн. чел. В первые послевоенные годы пере-

селение на восток имело незначительные масштабы, что было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства в западных районах страны. Всего за 1946–1953 гг. на Урал прибыли 18,8 тыс. крестьянских семей (83,4 тыс. чел.). Это составляло 8,8% от числа переселенцев в РСФСР и 3,9% – в СССР [12]. Основной контингент мигрантов в регион был размещен в Пермской области.

Правительство СССР установило для переселенцев целый ряд льгот. Государство оплачивало проезд и провоз имущества, списывало с хозяйств недоимки, предоставляло единовременное денежное пособие. Для переезжающих в Курганскую и Челябинскую области оно составило 600 руб. на главу семьи и 200 руб. – на каждого ее члена (в ценах тех лет), в Пермскую область – соответственно 1000 и 300 руб. По прибытии на новое место крестьянам выделяли приусадебный участок и сенокосные угодья, отводили для строительства лес и предоставляли кредит. Хозяйства переселенцев на два года освобождались от уплаты налогов [13].

В результате планового переселения в крае впервые за много лет возросла численность сельчан. В Пермской области за 1950–1953 гг. прирост сельского населения составил 7,9%, в Свердловской – 5,3, в Челябинской области – 7,0%. Одновременно продолжался отлив части населения из сельской местности. В некоторых районах переселенцы не компенсировали его убыль. Более того, они часто не задерживались долго на селе и снова включались в миграционный поток. В Курганской области, например, несмотря на прибытие 10,2 тыс. колхозников, численность сельчан постоянно сокращалась [14].

В 1954 г. в переселенческом движении начался новый этап, связанный с массовым освоением целинных и залежных земель. Районами заселения стали малоосвоенные районы Сибири, Поволжья и Урала. Обширная часть осваиваемых земель приходилась на Курганскую, Оренбургскую, Челябинскую области и Башкирию. Весной 1954 г. на целину выехали десятки тысяч новоселов. По сравнению с предшествующими годами социальный и национальный состав переселенцев заметно расширился. Приезжали не только колхозники, но и рабочие, служащие из многих районов страны. Многие новоселы ехали с большим желанием работать, однако непродуманность кампании создала серьезные трудности с их закреплением на новых местах. Давал о себе знать остаточный принцип в решении социальных проблем: в целинных совхозах не хватало жилья, были плохо налажены торговое обслуживание и медицинская помощь, отсутствовали элементарные бытовые удобства. Неудивительно, что в отдельные годы из целинных совхозов уезжали до половины переселенцев,

а в некоторых хозяйствах — 3/4 работников. К примеру, в 1955 г. в совхозе «Буруктальский» (Оренбургская обл.) из 320 механизаторов осталось лишь 90 [15].

Однако несмотря на тяжелые материальные и жилищно-бытовые условия многие переселенцы остались жить в целинных районах. Численность сельского населения там постоянно росла. В 1954 г. в Оренбургской области она равнялась 943,7 тыс., в 1955 г. — 972,5 тыс., в 1956 г. — 977,3 тыс., в 1958 г. — 978,7 тыс. чел. [16]. Всего за 1950-е гг. число сельских жителей на Урале возросло на 700 тыс. человек, тогда как по стране в целом оно продолжало уменьшаться. Разница в темпах показывает, что сельское население края увеличивалось за счет притока из других регионов. Вывод подтверждается и тем, что в Пермской и Челябинской областях, куда направлялся основной поток мигрантов, прирост сельского населения превышал средний показатель по региону.

Одновременно с межреспубликанским и межобластным переселением, на Урале шло и внутриобластное переселение. Оно было вызвано многими причинами, в частности интенсивным промышленным строительством и ухудшением экологической ситуации. К примеру, в 1957–1958 гг. из-за радиоактивного заражения части территории Челябинской области, оттуда были выселены 10,2 тыс. чел. В 1950-е гг. большой размах приобрело переселение из зон затопления. Так, в Пермской области по этой причине в 1952–1953 гг. переехали 37,4 тыс., в Оренбургской области в 1953 г. — 1,4 тыс. чел. [17].

В послевоенные годы в СССР наряду с внутригосударственными перемещениями имела место и внешняя миграция. Основные ее потоки определились не экономическими, а политическими факторами. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в связи с изменением государственных границ произошел обмен населением между Советским Союзом и Польшей. Как известно, в результате депортации в 1940–1945 гг. часть польских граждан проживала на территории СССР (в том числе и на Урале). Их вывезли на восток после «освободительного похода» Красной армии в сентябре 1939 г. После достижения соответствующей договоренности между странами, в начале 1946 г. из г. Челябинска были отправлены первые эшелоны с поляками. Навстречу им двигался поток советских граждан, репрессированных органами НКВД. В 1947–1948 гг. в Челябинской области разместили спецпереселенцев из Западной Украины, а также группу репатриантов из Франции. Направляли на Урал и репатриантов из Китая. В 1954–1955 гг. их поселили в десяти областях России, в том числе 267 семей — в селах Челябинской области [18].

Таким образом, 1940-е – 1950-е гг. в СССР были периодом интенсивных миграционных процессов. Примерные расчеты показывают, что за эти годы из европейской части СССР на восток, включая Урал, переместились в общей сложности 8–10 млн. чел. Многие из них прибыли в ходе планового сельскохозяйственного переселения. В послевоенные годы на Урале в нем четко прослеживались два этапа. В первом (1950–1953 гг.) участвовали колхозники, направлялись они по преимуществу в нечерноземные районы. На втором этапе основная часть переселенцев направлялась на целинные земли Южного Урала. Это во многом способствовало стабилизации численности сельчан на территории Уральского региона.

Таким образом, проводившееся в СССР плановое сельскохозяйственное переселение из малоземельных районов в многоземельные было обусловлено необходимостью развития производительных сил страны, в определенной степени способствовало более рациональному размещению трудовых ресурсов. Правда, возможности переселения были использованы далеко не полностью. Тем не менее, временно удалось приостановить процесс сокращения сельского населения на Урале и освоить миллионы гектаров новых земель.

Литература и источники

1. Волков А. И., Павлов И. В. Правовое регулирование сельскохозяйственного переселения в СССР. М., 1959; Куварин И. Сельскохозяйственное переселение в СССР // Экономика сельского хозяйства 1961. № 8. С. 35-40.
2. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941). Томск, 1976; Макарова Л.В. Миграционные процессы в СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 109-127; Вербицкая О.М. Основные этапы и направления сельскохозяйственных переселений в 1945–1958 гг. // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). Кишинев, 1985. С. 52-59; Она же. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 гг. // Вопросы истории, 1986. № 12. С. 13-26.
3. Сонин М. Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959. С. 256.
4. Толмачева Р. П. Колхозы Урала в 50-е гг. Томск, 1981. С. 171.
5. Платунов Н. И. Указ. соч. С. 83.
6. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 711, л. 1-4; ГАРФ. Ф. 327, оп. 2, д. 376, л. 104.
7. ГАРФ. Ф. 327, оп. 2, д. 51, л. 142-143.
8. Там же.
9. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 5-9.
10. Там же. Л. 101-106, 120, 134, 135, 243.
11. Там же. Л. 42, 45, 47, 50, 52.
12. Там же. Л. 3-23.

13. Справочник о льготах по переселению. М., 1956. С. 6, 8, 11, 29, 52.
14. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 101; ГАРФ. Ф. 374, оп. 34, д. 1556, л. 66.
15. РГАСПИ. Ф. 1, оп. 9, д. 326, л. 158; Д. 318, л. 165; Д. 392, л. 160.
16. ГАРФ. Ф. 374, оп. 34, д. 1556, л. 44.
17. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 105, 135, 214.
18. ГАРФ. Ф. 317, оп. 1, д. 384, л. 2, 54.

Н.В.Мельникова*

**ЗАКРЫТЫЕ ГОРОДА УРАЛА:
СВОЕОБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ (КОНЕЦ 1940-х – 1960-е ГОДЫ)**

Строительство закрытых городов было начато на Урале во второй половине 1940-х гг. в рамках реализации отечественного атомного проекта. За 1945 – 1958 гг. появилось пять секретных объектов, пять закрытых городов с необходимой производственной и научно-исследовательской инфраструктурой: ПО «Маяк» (г. Озерск), Уральский электрохимический комбинат (г. Новоуральск), комбинат «Электрохимприбор» (г. Лесной), Приборостроительный завод (г. Трехгорный), Всероссийский НИИ технической физики (г. Снежинск) [1]. Поскольку создание советской атомной бомбы было признано задачей государственной важности, которую предстояло решить в максимально короткие сроки, остро стояла проблема поиска высококлассных специалистов.

Приказ Первого главного управления «Об установлении номенклатуры начальника ПГУ при Совмине СССР» от 26 ноября 1946 г. предусматривал массовую мобилизацию кадров для основных объектов атомных производств [2]. Наиболее талантливые и квалифицированные работники отбирались по всей стране на предприятиях химической, металлургической, машиностроительной и иных отраслях промышленности. При этом учитывались профессиональные и личные моральные качества, социальное происхождение, семейное положение, политическая благонадежность. К проживанию и работе в закрытых городах не допускались судимые, бывшие в годы Великой отечественной войны в плену и на оккупационных территориях, проживавшие и имевшие родственников за границей, в пограничных районах и прибалтийских республиках [3]. Все данные проверялись

*Мельникова Наталья Викторовна (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела отечественной истории XX в. Института истории и археологии УрО РАН. Область научных интересов – история отечественного атомного проекта, история закрытых городов, менталитет. Опубликовано 16 работ, среди них книги «История города Лесного: эпоха и люди» (Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2002, в соавт.) и «Качканарский горно-обогатительный комбинат «Ванадий». Рубежи созидания» (Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003, в соавт.), брошюра «Закрытый город: население и его менталитет (1950–1960-е годы)» (Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2001) и др.

органами безопасности, а окончательные списки будущих работников утверждались в ЦК партии и ПГУ.

В результате сформировалась особая социальная группа с отличительными демографическими характеристиками, которая жила и трудилась в искусственно созданных условиях закрытой секретной системы.

Поскольку на начальных этапах существования закрытых городов отдел кадров градообразующего предприятия оформлял не только работников оборонного производства, но и других учреждений города, анализ листов по учету кадров [4] и так называемых социальных паспортов города позволяют выявить демографическую специфику ЗАТО [5].

В указанный период в г. Лесном мужчины составляли 61% от всего взрослого работающего населения, женщины – 39%, в г. Озерске – 48% и 52% соответственно. Средний возраст взрослого населения, приезжавшего в первое десятилетие существования закрытых городов, составлял 25,7 лет, во второе десятилетие – 27 лет. Причем, более старшей по возрасту была группа инженерно-технических работников – 29 лет.

Возрастная структура г. Лесного на рубеже 1950–1960-х гг. показана в таблице 1.

Таблица 1

Возрастная структура населения г. Лесного
(рубеж 1950–1960-х гг.), %*

Возрастная категория	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
До 18 лет	35,3	36,2	37,6	38,3	38,2	38,4
18-29 лет	31,5	31,2	30,4	30,2	30,2	30,3
30-39 лет	17,9	17,7	17,3	17,1	17,1	17,2
40-49 лет	7,0	7,1	7,0	6,8	9,6	9,7
50 и более	7,9	7,8	7,7	7,6	7,6	7,7

*Составлено по: Государственный архив (далее – ГА) г. Лесного. Ф. 1, оп. 1, д. 18, т. 2, л. 75-78; Д. 687, л. 1-2.

Из данных таблицы 1 видна тенденция на увеличение возрастной категории до 18 лет, что связано с высокой рождаемостью, характерной для закрытых городов в данный период. Остальные возрастные категории находятся примерно на одном уровне на протяжении всего временного отрезка, при этом наибольший процент населения

приходится на группу 18-39 лет. В этой же возрастной категории находилось большинство населения и в других закрытых городах [6].

В период комплектования закрытых городов в силу идеологических соображений отслеживалось социальное происхождение жителей. Здесь данные распределяются следующим образом: рабочие – 45%, крестьяне – 36%, служащие – 18%, мещане, духовенство, дворяне – 0,75%. Естественно, что в условиях существовавшего социально-политического строя предпочтение отдавалось трем первым категориям. По национальному составу жители закрытых городов принадлежали в основном к славянским (83%) и местным уральским национальностям (татары, удмурты, башкиры и пр.).

От общего числа работающих ИТР составляли 21%, служащие – 38%, рабочие – 41%. В группе ИТР в г. Лесном преобладали мужчины (64,2%), в г. Озерске – женщины (63,3%). Завод № 817 (одно из первых наименований ПО «Маяк»), с преобладанием химического производства, требовал большего количества химиков, техников-технологов. Эта группа специалистов, как правило, с высшим образованием была представлена в первые послевоенные годы в основном женщинами (именно они могли получать образование в годы войны). Видимо, этот фактор обусловил больший процент работающих женщин в г. Озерске. Среди служащих в закрытых городах большинство были женщины, в среднем около 56%.

Высшее образование имели в среднем 61% ИТР и 19% служащих, среднее специальное – 36% и 52% соответственно. При этом среди начальников и заместителей цехов, а также инженеров количество получивших высшее образование доходило в среднем до 92%, тогда как среди начальников смен, отделов и мастеров – до 31% [7]. Наибольший процент получивших высшее образование был среди ИТР Озерска и Снежинска.

Из числа рабочих начальное профессиональное и среднее специальное образование имели 35%. В целом, 25% населения закрытого города имело высшее образование, 38% – среднее специальное. Таким образом, практически каждый второй работающий человек в закрытом городе получил профессиональное образование.

В основном в город приезжали люди, не имевшие семьи (53%). В конце 1940-х гг. незамужних женщин приезжало больше, чем холостых мужчин – 61,3% и 38,7% соответственно, что объясняется уменьшением численности мужского населения страны в результате потерь в Великой Отечественной войне. Соотношение изменяется к 1960-м гг.: 48% незамужних женщин и 52% холостых мужчин. В целом, следует отметить, что в ЗАТО старались поддерживать пропорциональное

количество одиноких мужчин и женщин, чтобы создать благоприятную обстановку для брачно-семейных отношений.

Семью имели 58% инженерно-технических работников, 67% служащих и 46% рабочих. Среди семейных пар 42% на момент приезда в город не имели детей. 52% семей были полными (брачная пара с детьми) и лишь 6% – неполными (мать с детьми). Считалось, что одиноких матерей нерационально привлекать к работе, поскольку значительную часть их времени занимал уход за детьми.

В г. Лесном на 1000 жителей в 1950-е гг. заключалось 13,7 браков, при этом средний возраст вступления в брак составлял 25,6 лет (в 1960-е гг. – уже 22,8 лет) [8]. Характерной особенностью браков в период до середины 1950-х гг. являлся тот факт, что в каждом четвертом браке мужчина был на 3-6 лет моложе женщины. Это закономерно в связи с непропорциональной демографической структурой, сформировавшейся в результате Второй мировой войны. Уровень разводов был сравнительно невысок и составлял в первое десятилетие в Лесном 16,1% от заключенных браков, в последующем этот показатель возрастал, что соответствовало общесоюзным и региональным тенденциям.

В 1940-е – 1950-е гг. в стране происходила трансформация форм демографического поведения семьи, вследствие чего снижались средний размер семьи и среднее число детей на семью. Данные процессы характерны и для закрытых городов Урала. В исследуемый период в ЗАТО доля семей, имеющих одного ребенка, составляла 42%, двух детей – 34%, трех – 14,4%, более – 9,6%. При этом средний размер детей на семью в закрытых городах составлял 1,9.

Сравнительно большее число детей было характерно для семей рабочих: 2,4 в г. Лесном; 2,5 в г. Озерске (в то время как для семей ИТР – 1,5 и 1,8). Разница в показателях объясняется тем, что в семьях инженерно-технических работников в силу более высокого уровня образования, отдаления от ценностей традиционного общества, быстрее завершается переход от традиционной многодетной семьи к малодетной урбанизированной. Так, среди семей ИТР преобладали семьи с одним и двумя детьми (58,7% и 34,9% соответственно); процент семей, имевших 3 и более детей, составлял 6,4%. В отношении семей служащих данные распределяются следующим образом: одного ребенка имели 46%, двух – 38% и более – 16%. Для семей рабочих в большей степени характерна многодетность: доля семей, имеющих трех и более детей составляла 42%. Таким образом, наибольший размер семьи характерен для рабочих семей (4,5 человек), наименьший – для ИТР (3,6). В целом средний размер семьи в закрытом городе

составлял 4,1 чел. Это несколько выше средних данных по Уралу – 3,7 чел. [9], что связано с более высоким уровнем рождаемости (табл. 4) и низкими показателями детской смертности (в два раза ниже среднесоюзных [10]).

В отношении динамики рождаемости и смертности в закрытых городах указанный период можно условно разделить на два этапа: до начала 1960-х гг. и после. Особенности демографических процессов ЗАТО представлены в нижеследующих таблицах.

Таблица 2

Динамика рождаемости населения закрытых городов
(на 1000 населения), ‰

Годы	Новоуральск	Лесной	Озерск	Урал	СССР
1950–1954	39,8	47,5	50,4	30,9	26,4
1954–1959	26,6	28,9	29,8	25,5	25,3
1960–1964	20,7	22,4	24,5	21,5	22,4
1965–1969	16,1	16,5	16,9	15,3	16,6

Таблица 3

Динамика смертности населения закрытых городов
(на 1000 населения), ‰

Годы	Новоуральск	Лесной	Озерск	Урал	СССР
1950–1954	3,6	2,4	6,3	10,2	9,4
1954–1959	3,8	2,7	3,7	7,5	7,7
1960–1964	3,7	2,8	3,2	7,1	7,2
1965–1969	3,9	2,9	3,7	7,6	7,6

Таблица 4

Динамика естественного прироста и жизненности населения
закрытых городов*

Годы наблюдения	Естественный прирост (на 1000 населения в год)			Показатели жизненности [11]		
	Озёрск	Лесной	СССР	Озёрск	Лесной	СССР
1950–1954	44,1	46,2	15,0	8,0	8,4	2,8
1954–1959	26,1	27,6	17,6	8,0	7,9	3,3
1960–1964	21,3	23,3	15,2	7,6	7,6	3,1
1965–1969	13,2	14,0	10,0	4,6	5,5	2,3

*Подсчитано по: ГА г. Лесного. Ф. 1, оп. 1, д. 18, л. 5, 28, 43, Т. 1, л. 4-5, 12, 21, 43, Т. 2, л. 75-77; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 4, д. 28, л. 56; Оп. 73, д. 1200,

л. 58; ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 7-8; Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Особенности демографического перехода на Урале // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 11; Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Медико-демографическая ситуация в г. Лесном // Актуальные вопросы практической медицины. Вып. 6. Лесной, 1999. С. 20; Толстикова В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.). Челябинск, 1998. С. 252, 255, 266.

Как видно из таблиц 2, 3 и 4, в период с 1950 по 1959 гг. регистрировалась высокая рождаемость, низкий уровень смертности и высокий естественный прирост населения. Данные процессы были обусловлены послевоенной демографической ситуацией, направленной на компенсацию человеческих потерь, а также местными особенностями: большой частотой браков, молодым средним возрастом населения, сравнительно ранним возрастом вступления в брак.

В 1956–1957 гг. в стране происходит снижение уровня смертности до минимума (7,0‰), после чего общие показатели смертности начинают расти [12]. В закрытых городах при незначительном росте уровень смертности оставался низок (в среднем 3,6‰). Так, в Озерске и Новоуральске он был ниже общесоюзных показателей в 1,5-2 раза, в Лесном – в 3 раза. Причиной этого являются вышеуказанные социально-демографические особенности ЗАТО, а также благополучные социально-гигиенические условия, доступность и высокий уровень медицинского обслуживания населения. Например, в Новоуральске в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обеспеченность врачебным составом на 10 тыс. населения составляла 56 чел., в то время как по РСФСР – 19, по СССР – 18, т.е. в три раза меньше [13]. Аналогичным было состояние и в Озерске [14]. В этот же период в Лесном врачебные должности были укомплектованы на 92-100%, процент охвата работников основного производства медицинскими осмотрами составлял 95-97% [15]. Среди причин смертности первое место занимали сердечно-сосудистые заболевания, второе – онкологические, третье – травмы (при этом производственные травмы составляли от 23,4% до 40% их общего числа) [16].

Период с начала 1960-х гг. характеризуется некоторым снижением рождаемости, на фоне которого наблюдается понижение естественного прироста населения, и стабильно низким уровнем смертности. Снижение рождаемости в закрытых городах в данный период происходит в соответствии с аналогичными процессами в регионе и в стране в целом (в 1965–1967 гг.). Это влияние так называемого инверсионного следа войны: снижение рождаемости в середине

1960-х гг. было обусловлено низкой рождаемостью в годы войны. Постепенный рост рождаемости наблюдался после 1968 г., поскольку именно тогда в репродуктивный период вошло более многочисленное поколение женщин послевоенных лет рождения. Так, в среднем в период с 1960 по 1969 гг. в г. Лесном уровень рождаемости составлял 19,4‰, в г. Озерске – 20,7‰ (по Уралу 18,4‰), уровень смертности – 2,8‰ и 3,4‰ соответственно (по Уралу 7,4‰) [17]. Иными словами, несмотря на отраженное в таблицах 2 и 4 понижение рождаемости и естественного прироста населения, в закрытых городах данные показатели превышали региональные и союзные.

Показатель жизненности населения считается высоким при численном значении 1,8–2 [18]. Данные таблицы 4 позволяют сделать вывод, что в закрытых городах на протяжении всего изучаемого периода показатель жизненности населения был очень высок: в среднем 7,0 в г. Озерске и 7,3 в г. Лесном. Это является косвенным подтверждением более высокого качества жизни. Об этом же свидетельствует средняя продолжительность жизни населения: в Озерске в 1958–1969 гг. она составляла 72,1, в Лесном – 72,6 года, в то время как по СССР – 69,2, иными словами, на 3 года меньше.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что в указанный период в закрытые города в основном приезжали молодые люди, не имевшие семьи, русские, по социальному происхождению принадлежащие к категориям рабочих, крестьян или служащих, в большинстве не состоявшие в КПСС/ВЛКСМ, получившие среднее профессиональное или высшее образование. В соответствии со временем получения образования жителей закрытых городов условно можно разделить на несколько групп. Первая группа – это люди, имевшие довоенное образование, богатый производственный опыт, приобретенный в результате активного участия в индустриализации страны, создании военно-промышленного комплекса. Они либо воевали в годы Великой Отечественной войны, либо работали в тылу на промышленных предприятиях. Вторая группа представлена в основном женщинами, получившими образование в годы войны. Третья группа объединяла специалистов, подготовленных специально для атомной отрасли в 1950-е гг. Поскольку отбор был направлен на поиск наиболее талантливых кадров, в ЗАТО концентрировались высококвалифицированные специалисты. Социально-профессиональная структура закрытых городов отличалась значительными показателями наличия высшего и среднего профессионального образования у населения, а также достаточно большим процентом группы инженерно-технических работников. В середине 1950-х гг. на 100

рабочих в среднем приходилось 29,2 ИТР, что превышало общероссийские показатели в два раза [19].

Годы рождения приезжавших в закрытый город в первое десятилетие в среднем приходились на 1910–1935 гг., во второе десятилетие – на 1935–1945 гг. Наибольшее количество жителей находилось в возрастной категории от 18 до 39 лет. Благоприятный средний возраст населения закладывал перспективу иметь хорошие человеческие ресурсы. Искусственное поддержание пропорционального количества взрослых холостых мужчин и незамужних женщин положительно влияло на развитие брачно-семейных отношений.

Несмотря на то, что тенденции процессов рождаемости/смертности и браков/разводов в ЗАТО соответствовали аналогичным общесоюзным и региональным процессам, имелись и специфические черты: высокий уровень рождаемости и естественного прироста населения, низкий уровень смертности, большая частота браков и меньшая – разводов, сравнительно большие средний размер семей и среднее количество детей на семью. Характерной особенностью также была большая средняя продолжительность жизни в сравнении с показателями по СССР.

Таким образом, в результате искусственного формирования населения в закрытых городах создавалась благоприятная социально-демографическая ситуация, по различным критериям превышающая социально-демографические условия, характерные для Урала в частности и страны в целом.

Литература и источники

1. Приведены современные названия.
2. Группа фондов научно-технической документации ПО «Маяк» (далее: ГФ НТД ПОМ). Ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 22-23.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее: ЦДООСО). Ф. 5459, оп. 1, д. 5, л. 97; Ф. 4458, оп. 1, д. 6, л. 26-30.
4. Группа фондов научно-технической документации комбината «Электрохимприбор» (далее: ГФ НТД ЭХП). Ф. 1, оп. 1-лд, д. 852 «а»-«е», д. 1843, 2490, 3296, 3865, 4501, 5133, 5852, 6702, 7400; ГФ НТД ПОМ. Ф. 1, оп. 1 «лс», д. 2; Ф. 1; оп. 1 «лк»; Д. 1-2, 5-8
5. ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование, современное официальное наименование закрытого города.
6. Областной государственный архив Челябинской области (далее: ОГАЧО). Ф. 1597, оп. 1, д. 3, л. 27; Оп. 2, д. 442, л. 67; Оп. 4, д. 1, л. 24; Ф. 2845, оп. 1, д. 1, л. 50; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 4, д. 23, л. 10; Д. 43, л. 7; ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 7.
7. ЦДООСО. Ф. 4458, оп. 1, д. 5, л. 12; Ф. 5459, оп. 12, д. 1, л. 53.

8. Архив городского отдела ЗАГС г. Лесного. Книга регистрации актов гражданского состояния, 1949–1953 гг., № 1-312; 1953–1969 гг., № 328-521.
9. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 55.
10. ГА г. Лесного. Ф. 1, оп. 1, д. 133, л. 40; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 73, д. 1200, л. 58; ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 62; Д. 130, л. 7.
11. Показатель жизненности населения отражает соотношение числа родившихся к числу умерших.
12. Население Урала. XX век. С. 13.
13. ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 73, д. 1200, л. 55.
14. ГА г. Озерска. Ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 6-7.
15. ЦДООСО. Ф. 5673, оп. 1, д. 90, л. 42; Д. 147, л. 39; ГА г. Лесного. Ф. 1, оп. 1; Д. 133, л. 27, 35.
16. ЦДООСО. Ф. 4458, оп. 1, д. 49, л. 61; ГА г. Новоуральска. Ф. 1, оп. 4, д. 36, л. 4; Оп. 73, д. 1200, л. 58; ОГАЧО. Ф. 1597, оп. 2, д. 567, л. 5-6.
17. Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Указ. соч. С. 20; Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Указ. соч. С.11; Новоселов В.С. Указ. соч. С. 252, 255.
18. Толстиков В.С. Указ. соч. С. 267.
19. ЦДООСО. Ф. 5673, оп. 1, д. 147, л. 14.

Е.Ю.Литвинец*

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1980-е ГОДЫ И ЕЕ ФАКТОРЫ

Период между переписями (1979–1989 гг.) характеризовался значительным, по сравнению с предыдущими десятилетиями, ростом численности населения Свердловской области и всего Уральского региона. На 17 января 1979 г. в области проживало 4453,5 тыс. чел. наличного населения, а на 12 января 1989 г. – 4716,8 тысяч. Постоянного населения насчитывалось, соответственно, 4454,5 и 4706,8 тыс. чел. [1].

Таким образом, налицо абсолютный прирост населения, имеющий положительную величину (263,3 тыс. чел. наличного населения и 252,3 тыс. – постоянного). Как свидетельствуют данные текущего учета, он происходил ежегодно [2]. Если сравнить этот прирост с аналогичными показателями предыдущих десятилетий, то будет видно, что динамика численности населения Свердловской области приняла более благополучный характер. Так, если за 1980–1989 гг. прирост составил 5%, то за 1970–1979 гг. увеличение было равно 3%. В 1959–1970 гг. численность жителей области выросла на 277,9 тыс. чел. (10,7%), а наибольших показателей прирост достигал в 1926–1939 гг. (52 %) и в 1939–1959 гг. (55,3%) [3]. Таким образом, приблизительно с конца 1950-х гг. происходит существенное замедление темпов прироста населения Свердловской области, а в 1980-е гг. мы наблюдаем некоторое их повышение.

В 1988 г. Свердловская область занимала 11-е место в РСФСР по темпам прироста населения [4]. Следовательно, в 1980-е гг. область незначительно отставала от среднегодовых темпов прироста жителей европейской части страны. Это можно рассматривать как положительную динамику, если проводить сравнение с предыдущими двумя десятилетиями, однако ежегодный прирост населения Свердловской области за 1926–1939 гг. был равен 4,5% (на 894 тыс. чел.), а за 1939–1959 гг. – 2,7%, что в пять раз превышало среднесоюзные темпы [5].

Региональная динамика населения складывается как результирующая различных соотношений естественного и миграционного приростов, причем последний становится решающим компонентом роста во все большем числе областей, в том числе и Свердловской

*Литвинец Елена Юрьевна (Екатеринбург) – аспирантка исторического факультета Уральского государственного университета.

области. Факторами, воздействующими на динамику численности населения областей, являются количество средств, вкладываемых в местную экономику, их перераспределение в пользу тех или иных районов страны, отработка месторождений полезных ископаемых, истощение лесных ресурсов и др. Более глобальные причины (демографический переход) лежат в основе повсеместных изменений в демографии СССР и его регионов.

Население РСФСР в 1960–1970-е гг. изменялось исключительно за счет естественного прироста, а сальдо миграции было отрицательным, однако в 1980-е гг. положительными были оба показателя: население росло и за счет превышения чисел родившихся над числами умерших, и за счет того, что в Российскую Федерацию стало приезжать больше людей, чем покидать ее [6]. И хотя наглядно в Свердловской области наблюдалась похожая динамика, в ее основе лежали другие причины. В частности, главной особенностью оттока населения была значительная эмиграция из села. За 1959–1979 гг. область потеряла 336 тыс. чел., причем отрицательный обмен населением у нее был со всеми экономическими районами СССР, за исключением Волго-Вятского. С 1983 г. сальдо миграции становится неустойчивым, но в целом положительным [7]. Значит, и оно, помимо естественного движения населения, начинает влиять на численность населения Свердловской области.

Однако определяющую роль в 1980-е гг. продолжал играть естественный прирост населения, который напрямую связан с уровнями рождаемости и смертности. Последние, в свою очередь зависят как от масштабных, всеобщих закономерностей, так и от временных, конъюнктурных тенденций, например, демографической политики государства. Мероприятия руководящей партии в 1980-е гг., направленные на укрепление демографических позиций страны, оказали существенное влияние на динамику численности населения Свердловской области, однако прежде всего, стоит обратить внимание на долговременную тенденцию, характерную для современного мира в целом. Речь идет о переходе от экстенсивного к интенсивному типу естественного движения населения, т.е. об эволюции от этапа высокой рождаемости и низкой смертности через этап высокой рождаемости и низкой смертности к этапу низкой рождаемости и низкой смертности. Такого рода процесс получил название «демографического перехода», который к концу 1980-х гг. был близок к завершению почти на большей части территории СССР [8].

В России, как и во всем цивилизованном мире, этот процесс предполагал переход к суженному режиму воспроизводства населения,

который уже не обеспечивает простое замещение поколений и, соответственно, рост численности населения за счет естественного прироста в длительной перспективе. Депопуляционные тенденции в РСФСР просматривались еще с 1960-х гг. Многочисленные социологические обследования показывают, что в 1960–1980-е гг. наблюдается переход от среднедетности к малодетности, что связано с длительным процессом изменений социальных функций семьи и ее места в системе социальных ценностей [9].

Характерно, что в 1980-е гг. происходило сглаживание различий в семейных отношениях между населением сельской и городской местности Свердловской области. Несмотря на значительную разницу в величинах естественного прироста города и села, их динамика в 1979–1989 гг. выглядит одинаковой [10]. Урбанизация села, рост культурного уровня сельских жителей сказываются на степени внутрисемейного ограничения рождаемости: все большее число семей становятся малодетными. И несмотря на то, что суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности Свердловской области в 1980-е гг. был на порядок выше аналогичного показателя в городе, обеспечивая тем самым простое воспроизводство поколений, согласно исследованиям А.И.Кузьмина, молодая сельская семья уже почти полностью (около 80%) была ориентирована на малодетность [11].

Естественный прирост сельского населения Свердловской области в 1980-е гг. был значительно ниже аналогичного показателя для горожан. В 1989 г., например, он составил 1,8 тыс. чел. (в городе – 11,5 тыс. чел.) [12]. Естественный прирост в сельской местности определялся следующими факторами:

- снижением интенсивности рождаемости, которая практически сравнивалась с интенсивностью рождаемости населения в городской местности;
- тенденцией роста смертности;
- деформацией возрастной структуры населения;
- оттоком населения основных репродуктивных и трудоспособных возрастов, а также лиц высокой квалификации.

Таким образом, Свердловская область в 1980-е гг. представляла собой одну из самых урбанизированных в РСФСР территорий. Доля городского населения, составлявшая в 1979 г. 85%, увеличилась за последующее десятилетие на 2,1%. Это соответствовало общей динамике РСФСР, хотя необходимо отметить, что здесь рост доли городского населения составил 4,3%. Что касается доли сельского населения, то отрыв Свердловской области даже от соседей по Уральскому региону и Урала в целом выглядит весьма значительным. Если

вклад сельчан в общую численность населения Урала в 1989 г. был равен 25,2%, что практически совпадало с аналогичным показателем по РСФСР, то в Свердловской области он составлял 12,9% [13].

Что касается внутриобластных различий в динамике численности населения, то здесь разнообразие данных о численности населения административно-территориальных единиц в большей степени объясняется внутриобластным движением населения, чем различиями в его естественном приросте. Основные демографические показатели (рождаемость, брачность, смертность) недостаточно дифференцированы по области, чтобы влиять на общую динамику прироста населения. Необходимо отметить, что для сельского населения Свердловской области характерен высокий удельный вес внутриобластных перемещений (свыше 60%), в то время как в городской местности – 50%. Рассматривая структуру миграции сельского населения, легко прийти к выводу: внутриобластное движение более характерно для сельских жителей, чем любой другой вид перемещения. При этом около двух третей всех пространственных перемещений осуществляется между городской и сельской местностью. Внутриобластные миграционные связи между городом и селом имеют своим следствием отток сельского населения в городскую местность, а половина из них – в областной центр [14].

Численность населения Свердловска составляла в 1979 г. 1211,2 тыс., а в 1989 г. – 1363,0 тыс. чел., причем еще с конца 1960-х гг. в общем приросте численности жителей города сокращался удельный вес мигрантов, в 1980 г. сравнявшийся с естественным приростом. В 1980-е гг. он продолжал уменьшаться, и, наконец, в 1991 г. сальдо миграции стало отрицательным, так же как и естественный прирост населения [15].

Данные по Свердловской области показывают демографическое благополучие ее центра на фоне других горсоветов. Рост населения Свердловска за межпереписной период составил 112,4%, тем самым по данному показателю он уступал только Верхней Пышме (116,3%), Сухому Логу (114,6%), Качканару (114,2%), Богдановичу (113,2%) и Режу. В то же время численность таких крупнейших городов области как Нижний Тагил, Каменск-Уральский и Серов выросла незначительно (109,5, 109,5 и 102,2% соответственно). Прирост населения Алапаевска, Кировграда, Кушвы, Ревды, Нижние Серги и еще 11 горсоветов вообще был отрицательным. В районах, где, разумеется, преобладает сельское население, положение было еще хуже: в 13 административно-территориальных единицах из двадцати численность населения сократилась [16]. И в том, и в другом случае данная

негативная тенденция была связана с оттоком сельского населения, и во многом прирост населения крупных центров области был отражением вышеупомянутого факта.

Литература и источники

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т.1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей. М., 1989. С. 33, 47; Численность и состав населения Свердловской области по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Свердловск, 1990. С. 8.
2. Свердловская область в цифрах. 1981–1985 годы: Стат. сб. Свердловск, 1987. С. 3; Свердловская область в цифрах. 1986–1990 годы: Стат. сб. Екатеринбург, 1991. С. 14.
3. Мокеров И.П., Каменная С.П., Матафонова Т.Л. Население Свердловской области. Екатеринбург, 1994. С. 4.
4. Показатели социального развития Свердловской области и ряда областей РСФСР за 1985–1988 гг. Свердловск, 1989. С. 6.
5. Капустин В.Г., Корнев И.Н. География Свердловской области. Екатеринбург, 1996. С. 136.
6. Медков В.М. Демография: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2002. С. 93.
7. Капустин В.Г., Корнев И.Н. Указ. соч. С. 138-139.
8. Население Советского Союза: 1922–1991 / Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. М., 1993. С.80.
9. Русина Ю.А. Структурные особенности процессов рождаемости и смертности в городах Среднего Урала в 1960–1985 гг. (на материалах актов гражданского состояния). Свердловск, 1991. С. 11.
10. Население Урала. XX век. История демографического развития / А.И.Кузьмин, А.Г.Оруджиева, Г.Е.Корнилов и др. Екатеринбург, 1996. С. 150-152.
11. Кузьмин А.И. Эволюция репродуктивного поведения сельской семьи // Социально-демографическое развитие уральского села: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1988. С. 51-57.
12. Население Урала. XX век. С. 150-152.
13. Показатели социального развития Свердловской области... С. 7.
14. Оруджиева А.Г. Миграция и трудовая мобильность работников сельского хозяйства на современном этапе // Социально-демографическое развитие уральского села: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1988. С. 83.
15. Мокеров И.П., Сулопаров Д.Г. Демографические процессы в Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее). Екатеринбург, 1996. С. 10-11.
16. Численность и состав населения Свердловской области... С. 9-15.

О.Л.Петрякова*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Анализ социально-демографических аспектов формирования и развития демографической ситуации в отдельных регионах позволяет выявить их особенности, которые необходимо учитывать в законодательной деятельности региональной власти в области социальной политики, в сфере социальной защиты населения, интересов семьи. Если учесть, что освоение минерально-сырьевой и топливно-энергетической базы Севера наряду с современным значением имеет и очень большую перспективу, то имеется весьма значимый экономический мотив к изучению региональных особенностей развития демографических процессов.

В понятие «Европейский Север» мы включаем ряд регионов европейской части России, вся территория которых официально относится к территориям Крайнего Севера или приравненных к ним. Это Республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный округ и Архангельская и Мурманская области. К сожалению, в анализ не попадает Пермская область из-за ее частичного отнесения к регионам Крайнего Севера и малой доступности статистических данных по отдельным районам.

До отмены крепостного права в 1861 г. основным населением Европейского Севера были все-таки малочисленные коренные народы, занимавшиеся традиционным природопользованием. Освоение Севера в этот длительный период времени шло очень медленно и носило очаговый характер. Прирост населения был практически нулевым, так как, несмотря на высокую рождаемость и большие семьи как русского населения, так и коренных народов, наблюдалась и высокая смертность из-за неблагоприятных факторов среды, отсутствия хотя бы минимальной врачебной помощи и общей примитивности хозяйства. Значительный всплеск миграций и соответственно увеличение населения заметны в конце XVII – начале XVIII вв., что связано со строительством флота в Архангельске и Карелии, лесозаготовками. Также в этот период наблюдается и активизация торговли

*Петрякова Ольга Леонидовна (Москва) – кандидат экономических наук, сотрудник Института системного анализа РАН.

с иностранными государствами, которая практически вся шла через Архангельск.

Интересен тот факт, что большая часть рассматриваемых регионов длительное время входила в состав одного субъекта – Архангельской губернии, которая до 1917 г. занимала огромную территорию (около 850 тыс. кв. км). А ее население в 1914 г. составляло 483 тыс. чел. (т.е. практически всего Европейского Севера).

В 1921 г. на Кольском полуострове в Александровском уезде Архангельской губернии была образована Мурманская область. В том же году организовали Карельскую трудовую коммуну (сейчас Республика Карелия), куда вошел Кемский уезд, принадлежавший Архангельской губернии. Тогда же, по постановлению ВЦИК, значительная часть Архангельской губернии была включена в состав Коми автономной области (сейчас Республика Коми). В 1929 г. был образован Северный край, в состав которого вошла и Архангельская область. В том же году в Северном крае был образован Ненецкий национальный округ (сейчас Ненецкий автономный округ). В конце 1936 г. Северный край был преобразован в Северную область (из ее состава выделилась Коми автономная область). В 1937 г. Северная область была разделена на Архангельскую и Вологодскую области. В состав Архангельской области, кроме территории бывшей Архангельской губернии (в границах 1926 г.), вошли также два бывших уезда Вологодской губернии и девять районов бывшей Северо-Двинской губернии. В 1940 г. из Архангельской области в состав Кировской области были переданы три района. В конце 1959 г. из Ненецкого национального округа в состав Коми АССР отошла небольшая территория (центр в поселке Хальмер-Ю).

После отмены крепостного права, а, в особенности, в период строительства железных дорог (конец XVIII в.) наблюдался значительный миграционный приток крестьянства из районов аграрного перенаселения (Центрального и Центрально-Черноземного регионов). Но суровые условия северных земель, малоприспособленные для ведения сельского хозяйства, вызывали низкую приживаемость мигрантов. Например, в 1910 г. выехало 60% мигрантов, поселившихся здесь в последнее десятилетие [1].

В советский период заселение Севера шло весьма интенсивно. Так, за период времени с 1926 до 1988 г. (начало массового выезда) оно увеличилось в 4,5 раза. Однако плотность его была по-прежнему невелика и составила 3,3 чел. на 1 кв. км (табл. 1). Основные места расселения как пришлого, так и аборигенного населения – вблизи

рек, на побережье морей, недалеко от железных дорог. Чем дальше к Северу и вглубь территории, тем реже население.

Таблица 1

Динамика численности (тыс. чел.) и плотности (чел. на кв. км) населения Европейского Севера РФ

Год	Республика Карелия		Республика Коми		Архангельская область		Ненецкий АО		Мурманская область	
	численность	плотность	численность	плотность	численность	плотность	численность	плотность	численность	плотность
1939	469	2.7	320	0.8	1169	2.0	35	0.2	291	2.0
1959	651	3.8	815	2.0	1267	5.2	37	0.2	568	3.9
1970	713	4.3	965	2.7	1401	2.4	39	0.2	799	5.5
1979	736	4.3	1119	2.7	1467	2.5	47	0.3	965	6.7
1989	791	4.6	1261	3.0	1570	2.7	55	0.3	1147	7.9
1995	789	4.6	1202	2.9	1535	2.6	49	0.3	1067	7.4
2000	766	4,4	1135	2,7	1460	2,5	46	0,3	983	6,8
2004	709	4,1	1005	2,4	1318	2,3	42	0,3	880	6,2

Источник: Демографический ежегодник РФ за 1995–2005 гг.

Существуют значительные различия в плотности заселения, численности населения и, как уже говорилось выше, истории заселения данных регионов. Так, наиболее плотно заселенными являются промышленно освоенная и сравнительно небольшая по размеру Мурманская область. На трассе железнодорожной магистрали Санкт-Петербург – Мурманск, в зоне Беломоро-Блатийского канала, а также на отдельных участках побережий Белого и Баренцева морей сформировались полосы сравнительного густого заселения. Западная часть Мурманской области – наиболее плотнозаселенный, урбанизированный район, а в восточной ее части заселение, наоборот носит очаговый характер. В остальных регионах, где промышленность развита относительно слабо, а возможности сельского хозяйства невелики, то и плотность населения колеблется от 2,7 чел. на 1 кв. км (Республика Коми) до 0,3 чел. на 1 кв. км в Ненецком автономном округе [2]. Здесь наиболее отчетливо выражен очаговый характер заселения, мелкие поселения разбросаны вдоль рек, а пространства между реками практически не заселены. Доля городского населения относительно высока, но оно сосредоточено в единичных крупных городах – Архангельске, Сыктывкаре, Воркуте.

Интенсивное вовлечение в народнохозяйственный оборот богатств Севера вызывало быстрый рост населения в районах нового освоения, в частности, более высокий рост населения, чем в целом по РСФСР. Так, например, в 1966–1979 гг. население рассматриваемого региона увеличилось на 33% против 8,7% по РСФСР, но ускоренный рост населения только в крайне слабой степени объяснялся есте-

ственным приростом и шел в основном за счет миграции (табл. 1) [3]. В 1930-х гг. началось освоение Кольского полуострова, строительство магниевно-алюминиевого комбината в Хибинах, после войны активно осваиваются нефтяные месторождения Республики Коми, в 1960–1970-х гг. – топливно-энергетические ресурсы Архангельской области. Строятся и увеличиваются военно-морские базы Архангельска, Северодвинска и Североморска в Мурманской области. Это вызывает резкий миграционный приток населения.

Радикальные социально-экономические преобразования в России и других странах СНГ повлекли за собой соответствующие изменения масштабов и направлений потоков миграции, а также обусловили появление ее новых форм: беженцы, вынужденная миграция, возвращение военнослужащих в связи с закрытием военных баз и объектов, миграции по экологическим причинам (здесь перечислены только миграционные факторы, характерные для Северного региона). Особенно тяжелое влияние промышленный спад оказал на Республику Коми, Архангельскую и Мурманскую области – наиболее индустриальные регионы, где была велика доля занятых в промышленности. Потери населения за 15 лет (с 1989 г.) составили соответственно 20,0, 16,1 и 23,1%.

Следует обратить внимание также и на темпы прироста населения (табл. 2), в некоторых областях за 20 лет с 1959–1979 гг. население увеличивается почти вдвое (Архангельская область). Именно неравномерное развитие и размещение производительных сил, ускоренное освоение богатейших месторождений угля, нефти и газа, продвижение лесозаготовок на север привели к резкому увеличению населения северных районов ранее практически безлюдных.

Наиболее бурный рост наблюдался в Республике Коми и Мурманской области, Ненецком автономном округе – они же и наиболее активно теряли свое население за последнее «кризисное» десятилетие. Бывшие мигранты всегда потенциально подвижнее, чем коренное население, никогда не менявшее место жительства. Наибольший отток произошел в самых северных, наименее климатически пригодных для проживания территориях, где в советский период население удерживалось высокими зарплатами и социальными льготами.

Столь резко снижение численности населения обусловлено взаимодействием двух факторов – отрицательного естественного прироста и резким оттоком населения. Для всех регионов (кроме Ненецкого автономного округа, где еще сохраняется незначительный естественный прирост), несмотря на некоторое увеличение рождаемости в последние годы, характерна естественная убыль населения (табл. 3). При-

чем процессы естественного движения сходны с общероссийскими: невысокая рождаемость (в большинстве регионов на общероссийском и средневропейском уровне от 15,8‰ в Ненецком автономном округе до 9,9‰ в Мурманской области) и очень высокой смертностью населения (от 14,0‰ в Мурманской области до 19,9‰ в Карелии).

Таблица 2

Динамика численности населения (тыс. чел.) и темпы роста населения регионов Европейского Севера РФ

Год	Республика Карелия		Республика Коми		Архангельская область		Ненецкий АО		Мурманская область	
	численность населения	темпы роста								
1939	469	–	320	–	1109	–	н/д	–	291	–
1959	651	139	815	254	1267	111	37	–	568	195
1970	713	110	965	118	1401	111	39	105	799	141
1979	736	103	1120	116	1467	105	47	121	965	121
1989	791	107	1260	113	1570	107	55	117	1147	118
1995	789	100	1202	95	1535	97,7	49	89	1067	93
2000	766	99	1135	0,99	1460	0,98	46	98	983	098
2004	709	93	1005	88	1318	90	42	91	880	90

Источник: Рассчитано по данным справочника «Регионы России за 1995–2005 гг.».

Таблица 3

Динамика коэффициента естественного прирост (убыли) населения регионов Европейского Севера РФ, ‰

Регион \ Год	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Ненецкий АО	Мурманская область
1990	3,1	6,0	3,7	9,7	1,8
1991	1,5	4,1	2,8	9,5	1,9
1992	-0,1	1,8	0,2	6,0	5,0
1993	-2,6	-1,3	-1,9	1,1	9,7
1994	-8,2	-3,5	-6,4	2,2	6,3
1995	7,8	-3,3	-5,9	1,4	6,7
1996	-8,0	-3,3	-5,6	0,0	8,0
1997	-7,9	-3,1	-5,8	2,5	5,4
1998	-7,6	-3,3	-5,9	3,0	5,0
1999	-7,2	-2,2	-7,0	1,8	5,8
2000	-7,5	-3,2	-7,1	2,0	6,2
2004	-9,7	-4,3	-7,9	1,4	6,5

Источник: Регионы России. Стат. сборник, 2000–2004.

Как видно из приведенной таблицы, естественная убыль населения началась в регионах с 1993 г., что связано с демографической структурой населения (в репродуктивный возраст вступило

относительно немногочисленное поколение), экономическими трудностями и миграционным оттоком населения (выезжает, в основном, население в репродуктивном возрасте). За исключением первого все факторы, обусловившие убыль населения, сохраняют свое значение и в настоящее время.

Массовая миграция началась, как уже отмечалось, в середине перестройки, с началом экономического кризиса. Сейчас весь регион является отдающим, что несет огромные экономические трудности, ибо вся экономика создавалась на основе притока населения.

Наибольший выезд населения с Севера приходился на 1994 г., однако интенсивная миграция из Архангельской области (в основном из Ненецкого района) продолжалась до 1997 г. (табл. 4). После экономического кризиса 1998 г. отток жителей опять наблюдался в 1999–2000 гг. В Мурманской области и сейчас самые высокие показатели оттока населения, что наряду с самой низкой рождаемостью создает наиболее проблематичную ситуацию среди всех рассматриваемых регионов.

Таблица 4

Динамика коэффициента миграционного прироста
(на 10 000 жителей)

Регион Год	Республика Карелия	Республика Коми	Архангель- ская область	Ненецкий АО	Мурманская область
1994	20	-194	-23	-346	-190
1998	-3	-92	-53	-88	-154
2000	16	-60	-42	-44	-100
2004	0,3	-57	-41	12	-77

Источник: Регионы России. Стат. сборник, М., 2001–2005.

После рассмотрения некоторых аспектов формирования населения за относительно большой промежуток времени, можно сказать, что нынешняя ситуация (сохраняющаяся практически неизменной последние 15 лет) прямо противоположна советскому периоду. В современных условиях в связи с большими финансовыми затратами на освоение Севера и нерентабельностью многих здешних предприятий, хрупкостью местной природы, по-видимому, все еще нет и долгое время не будет возможностей для возобновления и проведения политики, направленной на массивное привлечение трудовых ресурсов на Север. В то же время для проживающего там «необходимого» населения, которое не собирается уезжать, следует гораздо более активно, чем до сих пор внедрять программы социальной поддержки, нацеленные на повышение уровня жизни и адаптацию к нынешней

ситуации, в том числе и для малочисленных народов. Параллельно следует интенсивнее применять сезонные методы хозяйствования, в частности на летнее время создавать вахтовые поселки и использовать вахтовый метод организации производства в местах с наиболее экстремальным климатом как основной, так как он требует наименьших затрат и приносит меньше вреда природе и тесно связанным с ней коренным народам.

Литература и источники

1. Славин С.В. Советский Север. М.: Просвещение, 1980. С. 38.
2. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39, 244.
3. Андреева Е.Н., Петрякова О.Л., Фадеев А.И. Социо-экономические проблемы Печерского региона // Системные исследования Печорского моря. М.: ИО РАН, 2002.
4. Неотрадиционализм на Российском Севере. (Этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика) / Под ред. А.И. Пики и Б.Б. Прохорова. М., 1994.

Б.П.Дементьев*

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

К началу 2001 г. численность населения Российской Федерации составила около 145 млн. чел. С 1993 г. естественная убыль населения находится на стабильно высоком уровне (0,7-0,9 млн. чел. в год). За 1992–2000 гг. численность населения сократилась в 65 из 89 субъектов Российской Федерации. Естественный прирост населения в 2000 г. был отмечен лишь в 15 субъектах Российской Федерации, в число которых входят некоторые субъекты, расположенные в восточной части страны и на Северном Кавказе, а также Республика Калмыкия.

В 1999 г. превышение числа умерших над числом родившихся составило в целом по стране 930 тыс. чел., в 2000 г. – 958 тыс. чел. Депопуляция – устойчивое превышение числа умерших над числом родившихся – затронула в разной степени практически всю территорию Российской Федерации и почти все этнические группы.

Одной из причин депопуляции является низкая рождаемость. В 2000 г. родилось 1267 тыс. чел., что на 722 тыс. чел., или в 1,6 раза, меньше, чем в 1990 г. Снижение уровня рождаемости началось с конца 60-х гг. Современные параметры рождаемости в два раза меньше, чем требуется для замещения поколений: в среднем на одну женщину приходится 1,2 рождения при 2,15, необходимых для простого воспроизводства населения. В ряде регионов, расположенных в центральной части России, суммарный коэффициент рождаемости составляет около одного рождения на женщину.

Характер рождаемости в Российской Федерации определяется массовым распространением малодетности (1–2 ребенка), сближением параметров рождаемости городского и сельского населения, откладыванием рождения первого ребенка, ростом внебрачной рождаемости. По сравнению с 1990 г. количество зарегистрированных браков в 2000 г. снизилось почти на треть. Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брака, распространенность юридически не оформленных браков привела к тому, что в 2000 г. каждый четвертый ребенок родился вне брака.

Причиной депопуляции в Российской Федерации также является высокая смертность. В 2000 г. рост числа умерших отмечался в 78

*Дементьев Борис Петрович (Пермь) – доктор исторических наук, профессор историко-политологического факультета Пермского государственного университета.

субъектах Российской Федерации. Общая тенденция динамики смертности населения страны характеризуется сверхсмертностью людей трудоспособного возраста, среди которых около 80% составляют мужчины. Уровень смертности среди мужчин в четыре раза выше, чем уровень смертности среди женщин, и в два–четыре раза выше аналогичного показателя в развитых странах.

Стабильно высокими сохраняются показатели смертности от инфекционных и паразитарных болезней, в том числе от туберкулеза, болезней органов дыхания, системы кровообращения, несчастных случаев, отравлений и травм (включая отравления алкоголем и автотранспортные травмы), а также в результате убийств и самоубийств.

Состояние здоровья и уровень смертности населения отражаются на показателях ожидаемой продолжительности жизни населения страны, которая в настоящее время составляет 65,9 года (в 1992 г. – 68,8 года). Ожидаемая продолжительность жизни мужчин на 12 лет ниже, чем продолжительность жизни женщин. При сохранении имеющегося на сегодня уровня смертности населения из числа россиян, достигших в 2000 г. 16 лет, доживут до 60 лет лишь 58% мужчин.

Снижение рождаемости и сокращение доли детей в общей численности населения ведет к старению общества. В 1998 г. в стране впервые было зарегистрировано людей пенсионного возраста на 110 тыс. больше, чем детей и подростков в возрасте до 16 лет. На 1 января 2000 г. лиц пенсионного возраста было больше, чем детей на 1,1 млн. чел. В 41 субъекте Российской Федерации доля детей и подростков составляет менее пятой части населения.

Низкий уровень здоровья населения репродуктивного возраста, высокая распространенность аборт, а также патологические состояния в период беременности и родов обуславливают высокие показатели материнской (44,2 случая на 100 тыс. родившихся), перинатальной смертности, мертворождаемости (7,2 случая на 1000 родившихся).

Негативные явления в демографической и социальной сфере во многом связаны с ухудшением миграционной ситуации в стране. В 1990-е гг. внешняя миграция играла существенную роль, восполняя численность населения Российской Федерации, равную естественной убыли. Однако в последние годы устойчивое сокращение иммиграции в Россию из государств-участников Содружества Независимых Государств, а также из Латвии, Литвы и Эстонии привело к тому, что в 1995–1999 гг. миграционный прирост населения компенсировал естественную убыль населения только на 45%, а в 2000 г. – менее чем на

четверть. Вследствие изменения внутренних миграционных потоков в течение 1990-х гг. сокращалась численность населения северных и восточных регионов России. За 1992–1999 гг. районы Севера потеряли за счет миграционного оттока более 1 млн. чел., или 8,5% населения.

Серьезной проблемой с точки зрения национальных интересов Российской Федерации является эмиграция населения. Если до середины 1980-х гг. численность выезжающих на постоянное жительство за границу ежегодно составляла 3 тыс. чел., то в 1990 г. она превысила 100 тыс. чел. и в последующие годы удерживалась на этом уровне.

Анализ демографической ситуации свидетельствует о наличии в ряде регионов специфических проблем народонаселения, требующих особого подхода к их решению. Так, общее сокращение численности отдельных этнических групп, особенно коренных малочисленных народов, может привести к их полному исчезновению. Из 30 малочисленных народов Севера с 1995 г. сократилась численность в 21, наблюдается резкое снижение рождаемости, значительный рост смертности, средняя продолжительность жизни на 10–15 лет ниже, чем в среднем по Российской Федерации. В сельской местности Центральной России уменьшается численность населения, при этом увеличивается доля лиц старшего возраста.

Сформировавшиеся тенденции в области естественного и миграционного движения населения определяют дальнейшее сокращение его численности, а также старение населения. По прогнозам Государственного комитета Российской Федерации по статистике, население страны к 2016 г. сократится по сравнению с началом 2001 г. на 10,4 млн. чел., или на 7,2%, и составит 134,4 млн. чел., а численность лиц, выходящих за пределы трудоспособного возраста, почти в два раза превысит численность лиц, достигших 16 лет. Такое изменение возрастной структуры населения потребует большей эффективности функционирования учреждений социальной защиты населения, здравоохранения, соответствующих мер по обязательному социальному страхованию.

В ближайшие десятилетия уменьшение численности населения России будет продолжаться. Все имеющиеся прогнозы дают удручающую картину. Так, по прогнозу ООН, 2000 г. (вариант средней рождаемости), к 2050 г. население России сократится на 40 с лишним млн. чел. и составит примерно 104,3 млн. чел. Эта катастрофическая динамика населения страны является прямым следствием исключительно неблагоприятного характера основных демографических процессов: рождаемости и смертности.

Долговременные тенденции рождаемости лучше всего отслеживать с помощью данных о ее суммарном коэффициенте. Этот показатель уже в середине 1960-х гг. опустился ниже уровня простого воспроизводства. За последнюю треть прошлого века суммарный коэффициент рождаемости уменьшился практически в два раза, опустившись к 1999 г. до 1,17 рождения на 1 женщину репродуктивного возраста. Правда, в 2000 г. суммарный коэффициент рождаемости вновь несколько поднялся (до 1,21), что дало повод некоторым политикам и даже специалистам бурно возрадоваться и утверждать, что рождаемость в нашей стране стала повышаться.

В реальности же это – не более чем артефакт. Подобно тому, как после 1987 г. уровень рождаемости в нашей стране снижался в результате совместного действия долговременного изменения репродуктивного поведения и структурных факторов (причем эти причины действовали в одном направлении), так и в настоящее время подъем чисел рождений и суммарного коэффициента результирует совместное действие этих же причин. Только сейчас они действуют в противоположных направлениях: структурный фактор работает в сторону повышения показателей рождаемости, но долговременные глобальные причины ее снижения отнюдь не перестали действовать. И очень скоро (не позже, чем в 2005–2006 гг.) мы все будем свидетелями нового «обвального» падения рождаемости, которое, к удивлению очень многих, будет происходить на фоне роста уровня жизни и повышения благосостояния большинства населения.

Практически неизбежно уменьшение суммарного коэффициента рождаемости до величин, меньших 1, что будет означать преобладание бездетных семей, отказ большинства брачных пар от рождения хотя бы одного ребенка. С этим тезисом не готовы согласиться слишком многие, чаще всего по эмоциональным причинам, пусть и облакаемым порой в наукообразную форму, но тенденции изменения репродуктивного поведения населения нашей страны (да и всех развитых стран тоже) таковы, что вероятность наступления этой трагической для общества ситуации чрезвычайно высока.

И тогда для всех станет ясным то, что давно известно специалистам: российская семья близка к практически полному прекращению выполнения своей репродуктивной функции. И это лишний раз подтвердит, что падение рождаемости, демографический обвал в России – это явление, обусловленное не текущей социально-экономической и политической обстановкой в России, а нарастанием развала семьи как социального института, что неверно, и даже абсурдна мысль о том, что улучшение социально-экономической ситуа-

ции в России, повышение уровня жизни ее населения приведут к росту рождаемости. Если бы дело обстояло так, самые высокие уровни рождаемости наблюдались бы в странах с самым высоким уровнем жизни. Все знают, что это совершенно не так.

Динамика демографических процессов в России, особенно сочетание показателей рождаемости и смертности, является уникальным явлением, не имеющим аналогов в современном мире. Можно предположить, что происходящие в российском обществе глобальные демографические изменения принимают необратимый характер. Игнорирование федеральными органами власти демографических тенденций при разработке стратегии развития России создаст в уже недалеком будущем ряд социально-экономических проблем, связанных с соотношением спроса и предложения на рынке труда, с мобилизационным контингентом для российских Вооруженных сил, с соответствием образовательных потребностей и возможностей молодежи.

Литература и источники

1. Борисов В.А. Демография. М., 2004.
2. Бреева Е.Б. Основы демографии. М., 2004.
3. Бутов Т.Г. Демография. М., 2002.
4. Глушкова В.Г. Демография. М., 2004.
5. Зверева Н.В. Основы демографии. М., 2004.
6. Медков В.М. Основы демографии. М., 2003.
7. Рунова Т.Г. Демография. М., 2002.
8. Рыбкин О.Е. Демографическая ситуация: аналитический доклад. М., 2004.

А.К.Витязев*

ОБ УПРАВЛЕНИИ РОЖДАЕМОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

В последнее время в России одной из самых значимых социальных проблем стала депопуляция: с 1993 г. общая численность населения неуклонно снижается. В значительной мере данное явление обусловлено падением рождаемости на территории большинства регионов России, в том числе, на территории Республики Коми. Если в 1990 г. в республике рождаемость на 1000 человек населения составила 13,4, а численность населения 1264,9 тыс. чел., то в 2000 г. – соответственно 8,8 и 1134,5 тыс. Суммарный коэффициент рождаемости в 2000 г. опустился до отметки 1,153, что недостаточно для простого воспроизводства населения. Вышеуказанная демографическая проблема России и Республики Коми связана с перестройкой, с широкомасштабными социальными и экономическими преобразованиями, изменившими потребности, интересы и поведение граждан, ведь еще в 1959 г. суммарный коэффициент рождаемости в России составлял 2,63. Однако аналогичная демографическая проблема в развитых, европейских странах убеждает в обратном. И это обстоятельство позволяет думать о том, что корни проблемы находятся отнюдь не на поверхности, а глубоко скрыты в истории человечества, семьи, которая за это время превратилась из кровно-родственной в мононуклеарную.

Говоря о человеческой семье, необходимо отметить, что она – явление социальное, а не биологическое, хотя воспроизведение себе подобных в ней осуществляется не социальным, искусственным, а естественным, биологическим путем. Благодаря этому обстоятельству воспроизводство населения в цивилизованных обществах больше напоминает размножение, нежели то производство человека, о котором Ф.Энгельс писал, что оно – составная часть производства жизни, включающего в себя еще и производство средств существования.

Если производством человека в наше время ведают институты образования, здравоохранения и семьи, то производством средств существования – институт экономики. В отличие от производства средств существования, материальным, индустриальным производ-

* **Витязев Александр Клавдиевич** (Ухта) – кандидат социологических наук, преподаватель Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии.

ство человека называть не принято, хотя производят вышеупомянутые институты человека как рабочую силу – тот фактор общественного производства, что вместе с предметом труда и орудиями труда образует способ этого производства.

Факторы производства общественной, искусственной жизни отличаются от факторов производства естественной жизни, природы – наследственности, изменчивости и естественного отбора – составляющих противоположный первому способ.

Главное отличие способа производства естественной жизни от способа производства жизни искусственной состоит в том, что основой последнего является труд. Если живая природа воспроизводит себя и потребляет свои средства существования непосредственно, то вторая – природа, культура – воспроизводится посредством труда. Человек потребляет себя как рабочую силу в процессе труда, материального производства и воспроизводит себя путем потребления продуктов труда, искусственных средств существования. В результате он самосохраняется, удовлетворяет свою потребность в самосохранении, но не в сохранении рода как биологического вида. Свой биологический вид человек сохраняет не посредством труда, искусственного производства, а другим путем, при помощи естественного производства – воспроизведения. Единство социального производства человека (трудового воспитания и т.д.) и биологического воспроизведения человека раскрывает его биосоциальность, то, что он, с одной стороны, социальное животное, с другой – биологическое. Характерно то, что человек не рождается готовым к социальной жизни. Не готов он при рождении и к ведению биологически полноценной жизни. Подготовку к жизни он получает в семье, развивая жизнеспособность и трудоспособность – здоровье. Занимается уходом за детьми, воспитанием и образованием в примитивных, простых обществах первобытная, кровнородственная семья. В цивилизованных обществах часть функций мононуклеарной семьи берут на себя институты дошкольного воспитания, образования и здравоохранения. При движении общества в его истории от примитивного к цивилизованному не стояла на месте и семья. Она лишилась домохозяйства, отдала функцию образования, частично-воспитательную функцию, снизила свою функциональную активность в отношении продолжения человеческого рода как биологического вида и подошла к той черте, за которой общество начинает существовать без нее. Преобладание числа разводов над числом браков, вытеснение брака сожительством, снижение рождаемости, огромная армия беспризор-

ных и отказных детей, тех, что бросили родители – лишнее тому подтверждение.

Но не стоит искать причину кризиса семьи только в падении нравов. Не лучше ли предположить, что чем больше становится человек социальным животным, тем сильнее социально детерминируются его биологические потребности. Социальным же человек стал благодаря труду. Труд – это ответ человека на вызов природы. Если бы не труд, то, скорее всего, предок человека как биологический вид давно бы выродился под напором естественного отбора.

Полагая, что потребность в самосохранении человека социально детерминировалась и превратилась в потребность в средствах существования, создаваемых посредством труда, можно предположить, что и потребность в продолжении рода, в детях должна удовлетворяться посредством труда, что вынашивание беременности и уход за детьми в цивилизованном обществе должны квалифицироваться как труд. Как бы в подтверждение этой мысли у нас в России еще в XX в. появились случаи экстракорпорального оплодотворения и вынашивания беременности наемными суррогатными матерями. Считая, что эти факты появились неслучайно, можно процесс найма в репродуктивной сфере человека отнести к стихийным, объективным, самопроизвольным, независящим от сознания. Тем не менее, незаконность вышеобозначенных актов, то, что они официально не запрещены и не разрешены, еще не является доказательством их неосознанности.

Просто наше капиталистическое общество не знает, как реагировать на это явление, забыв, что его капитализм вырос в лоне старого способа производства из таких вот разрозненных, единичных случаев найма, из новых производственных отношений: из тех же корней.

В общем, говоря о том, что в репродуктивную, детородную сферу жизнедеятельности человеческого общества стали проникать производственные отношения, следует, наверное, решить, хорошо это или плохо. Естественно, оценки данного явления могут разойтись, ведь наше общество не однородно. Традиционалисты и моралисты «старого» толка, вероятно, будут выступать за запрет, загоняя репродуктивный найм в подполье, в криминал. Люди с передовыми взглядами могут увидеть в распространении производственных отношений на репродуктивную сферу выход из кризиса рождаемости, вызванного подавлением биологической потребности в сохранении рода, материнского инстинкта социально детерминированной потребнос-

тью в самосохранении как в создаваемых искусственным путем средствах существования; в труде.

Ведь, как можно думать, у животных в природе потребность в самосохранении связана с потребностью в продолжении рода обратно-пропорциональной зависимостью. При этом, чем выше потребность в самосохранении, тем ниже потребность в продолжении рода. Действие этой закономерности прослеживается на множестве примеров. Известно, что самки бросают своих детенышей на съедение при реальной угрозе их собственной гибели, чтобы выжить и дать новое потомство. Дело может дойти даже до убийства поколения новорожденных, если целому виду животных угрожает опасность вымирания.

Так аисты в засушливое лето выкидывают своих птенцов из гнезда. Известны случаи материнского детоубийства и людоедства при массовом голодании людей.

На основании вышеизложенных примеров можно заключить, что средства существования, в том числе, создаваемые искусственным путем играют ведущую роль в формировании условий сохранения жизни. Сознание же, будучи производным от бытия и ориентированным на бытие, меняется при изменении условий жизни соответствующим образом, ориентируя особей на адаптацию и выживание любым путем, каким бы зверским и изуверским он нам не казался. Так, в прошлом лишенная средств существования молодая мать, случалось, подбрасывала своего грудного ребенка богатой бездетной соседке, или умертвляла, если его некуда было деть, чтобы не умереть самой от голода. В наше время брошенных матерями детей воспитывает государство, пытаясь определить в благополучные семьи, что не дает приемным детям гарантии безопасности. Известны случаи убийства усыновленных детей. Связывая беспризорность, отказ от детей, детоубийство с отчуждением женщин, логично задаться вопросом, откуда берется это отчуждение от себе подобных в условиях государственной охраны детства и материнства. И если такое поведение женщин является биологическим, то можно ли его изменить социальными мерами, т.е. посредством социального управления или регулирования.

Отвечая на поставленные вопросы, можно, во-первых, сослаться на то, что в России направленные на повышение рождаемости правительственные меры не улучшают положения дел, во-вторых, что сужение медицинских показаний для прерывания беременности не останавливает женщин. Эти ссылки наводят на мысль, что репродуктивный процесс, если он не переведен из биологического в социаль-

ный, подвержен одной только естественной саморегуляции. Для социального управления необходимо превращение репродуктивного процесса из биологического в социальный, что сопряжено с установлением в этой сфере социально-трудовых отношений. Труд же в наше время носит наемную, товарно-денежную, отчужденную форму. При такой форме продукты труда не принадлежат производителю. Законодательное закрепление наемного материнства в России позволит по-новому осветить явление и понятие материнства как такового, отделить генетическое, кровное родство от социального. Кроме того, выделение материнского труда шире раскроет представление о разделении труда. Благодаря ему эволюция, разделение труда могут иметь схематическую картину, в которой труд как базис производства сферы социальной жизни подразделен на труд, затрачиваемый на производство средств существования и человека. Если первое деление труда на скотоводство и земледелие, второе его деление, обусловленное возникновением ремесел и третье, благодаря которому появились финансы связать с развитием производства средств существования, то возникновение образования, здравоохранения и дошкольного воспитания, деление труда на эти виды можно отнести к развитию производства человека. И таким образом можно понять, что реальное включение в область производства человека репродуктивных отношений как разновидности труда по вынашиванию беременности и уходу за детьми позволяет завершить схематическое изображение системы производства социальной жизни и разделения труда. В свою очередь, завершенность данной модели социального воспроизводства позволяет видеть взаимосвязанность всех ее структурно-функциональных частей, то, что демографический кризис, вызванный катастрофическим падением рождаемости ведет к экономическому и системному социальному кризису, выход из которого временно находят политические и государственные деятели развитых, европейских стран и России в привлечении иностранной рабочей силы из густонаселенных развивающихся стран. Межэтнические и религиозные конфликты – ближайшие следствия данной практики. Отдаленные последствия просчитать куда сложнее. И дело даже не в том, что со временем представителей белой расы можно будет заносить в красную книгу вымирающих подвидов такого биологического вида как человек, дело в другом. Важно понять, представителями какой бы расы и нации не являлись индивиды высокоцивилизованного общества, депопуляция и снижение рождаемости им будут обеспечены, если они вовремя не поймут, что вынашивание беременности и уход за детьми – это труд. Итогом упрямства и непонимания может

стать цивилизационный порог развития, перейти который ни одно консервативное в отношении детородного производства общество не сможет. Не нужны будут полеты на Марс и заселение необитаемых планет людьми. Не стоит будет бояться «тунгусских метеоритов» и других подобных катаклизмов и катастроф. Общество для выживания станет неизбежно катиться «назад в природу», к кровно-родственным и общинным отношениям.

В общем, чтобы сохранить семьи, управлять их детородным производством необходимо оплачивать женщинам вынашивание беременности и уход за детьми как наемный труд. В противном случае демографический кризис перерастет в национальный, минуя экономический и политический. Национальный институт встанет на защиту такого национального вопроса как воспроизводство коренного населения. Для достижения этой цели ему придется если не срастись с государством, то захватить государственную машину. Никакого расизма, фашизма, национализма при этом не возникнет, так как на повестке дня будет вопрос национальной безопасности. Запугивание же населения красно-коричневой угрозой потеряет всякий смысл при появлении у него страха, вызванного процессом собственного вырожждения.

Конечно, вышеприведенное рассуждение не согласуется с идеями глобализма. Но если уж говорить о глобализме как космополитизме и конце национальной истории, национальных институтов, логично связать национальную тему с другими, с ней сосуществующими. То есть, снимая с повестки дня национальный вопрос, национальное самосознание, национальные предрассудки, необходимо решать также расовую, религиозную, классовую проблемы. Есть смысл тогда формировать модель мирового самосознания как духовной культуры глобального общества, которая не способна существовать без мировой материальной культуры как предметного сознания этого общества.

История СССР и Евросоюза раскрывает чрезвычайную сложность процесса объединения народов с разными расово-биологическими и национально-социальными фенотипами, эволюционными и историческими особенностями. Диалектика же общего – особенного изучена еще недостаточно полно для того, чтобы смело, без оглядки шагнуть в глобализм будущего.

Если эволюция не смогла создать у людей ни единого биологического фенотипа, ни универсальной расы, то сможет ли история сформировать универсальную нацию и единый социальный фенотип человека.

Не мучая себя бесплодными вопросами, следует сказать лишь то, что если не сегодня, то завтра россиянам предстоит решать вполне конкретную проблему повышения рождаемости, которая не поддается воздействию мер социального регулирования. Поэтому в качестве эксперимента, можно предложить ввести в Республике Коми механизм социального управления рождаемостью, ее качеством и количеством, основанный на добровольном заключении трудового договора между правительством республики и вступающими в брак молодыми женщинами по поводу соблюдения ими оздоровительных условий – зачатия, вынашивания беременности и ухода за детьми. Данный добровольный договор «О ведении здорового образа жизни» будет способствовать оздоровлению населения в целом и формированию профессии «мать».

В.Л.Ушакова*

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ОКРУГА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ**

Изменения в социально-экономической жизни страны, произошедшие в 90-е гг. XX в., в значительной мере повлияли на динамику, направления и масштабы миграционных потоков населения Дальневосточного федерального округа и, самое главное, мотивацию миграционного поведения. Естественные потери демографического потенциала в этот период усиливались значительным миграционным оттоком. Здесь не только стал снижаться уровень заселенности, но еще более интенсивно сокращается доля в населении России (1989 г. – 5,4%, 1997 г. – 5,0%, 2002 г. – 4,6%). Массовый выезд населения в активном трудоспособном возрасте не только ухудшает демографическую структуру, разрушает трудовой потенциал, адаптированный к суровым природным условиям, но и создает проблемы с реализацией крупных инвестиционных проектов.

За период с 1989 по 2003 г. численность населения Дальневосточного федерального округа сократилась на 1306,9 тыс. чел. (16,5%). Это самый высокий показатель среди федеральных округов. Основной причиной сокращения численности населения стали отсутствие эффективной демографической политики, что вызвало диспропорцию в развитии демографических структур, разбалансированность отдельных элементов демографического и трудового потенциала, планирование которого не подкреплялось мерами и ресурсами, обеспечивающими дополнительный рост и развитие социальной структуры региона.

По данным Госкомстата РФ, с 2000 по 2015 г. ожидается сокращение численности населения ДВФО еще на 1192,8 тыс. чел. или на 16,6%. Темпы снижения, которые прогнозируются постоянными в течение всего этого периода, составят в среднем 1,1% за год. После 2005 г. в стране начнется естественная убыль трудоспособного населения, которая по подсчетам демографов составит 14% (по ДВФО – 23%) за последующее десятилетие.

*Ушакова Валентина Леонидовна (Владивосток) – научный сотрудник лаборатории региональных проблем расселения Тихоокеанского института географии ДВО РАН.

В случае улучшения социально-экономической обстановки в стране главным лимитирующим фактором развития экономики в течение ряда лет будут трудовые ресурсы. По статистическим расчетам, доля лиц в трудоспособном возрасте к концу 2015 г. в регионе будет меньше, чем в 2000 г. на 968,7 тыс. чел., контингент в возрасте моложе трудоспособного сократится на 139,1 тыс. чел., одновременно увеличится на 424,6 тыс. чел. категория населения в возрасте старше трудоспособного. Естественно, в такой ситуации коэффициент демографической нагрузки возрастет до 652 чел. в 2015 г. А, главное, дальнейшее постарение населения становится первостепенной проблемой национальной безопасности, поскольку выступает в качестве потенциальной угрозы будущего развития поколений.

В настоящее время часть районов, в недавнем прошлом активно привлекавших население, превратились в зону его устойчивого оттока. Это Республика Саха (Якутия), Магаданская, Камчатская, Сахалинская области, Корякский и Чукотский автономные округа. Северные территории региона занимают площадь 5163,2 тыс. кв. км (83,1% территории ДВФО). В то же время они наименее освоены, имеют низкую плотность населения – от 0,1 чел. / кв. км в Чукотском и Корякском автономных округах до 6,7 чел. / кв. км в Сахалинской области (Дальний Восток – 1,1 чел. / кв. км, РФ – 8,4 чел./ кв. км). Самые слабозаселенные из них – Чукотский автономный округ, Магаданская и Камчатская области.

Неблагоприятное сочетание природно-климатических условий с малообжитостью – одно из препятствий для создания постоянного населения. На протяжении всего периода освоения северных территорий в основу политики формирования населения и трудовых ресурсов были положены хозяйственные интересы. Несмотря на имеющееся на севере постоянное население, собственной демографической базы для обеспечения отраслей хозяйства трудовыми ресурсами здесь недостаточно. Как правило, существование поселений было связано с обработкой месторождений, с использованием и исчерпанием сырьевой базы хозяйственной деятельности. Это способствовало не только высокой подвижности формирующегося здесь населения, но и мобильности создаваемой расселенческой структуры, предполагающей создание и последующее исчезновение не только мелких, но и более крупных поселений. Многолетний интенсивный приток существенно влиял на демографическую ситуацию. Здесь высок удельный вес жителей в трудоспособном возрасте: в Магаданской области и Чукотском автономном округе на долю этого возраста приходится 70,8% всего населения, в Камчатской области – 69,3% (ДВФО – 65,6, РФ –

62,4%); удельный вес лиц пенсионного возраста колеблется в пределах 6,8 – 15,0% (ДВФО – 15,5, РФ – 20,3%).

Для переходного периода характерно старение населения – об этом свидетельствует рост доли средних и старших возрастных групп, а также снижение доли детей и подростков в возрасте до 15 лет в общей его численности. Произошедшие преобразования в структуре населения привели к изменениям демографической нагрузки на его экономически активную часть. Наиболее активно этот процесс идет в Магаданской и Камчатской областях.

Характеризуя отдельные аспекты демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе, необходимо отметить, что несмотря на молодой состав населения северных территорий, здесь наметилась негативная тенденция в воспроизводстве населения – снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего простое воспроизводство.

Процесс вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов северных территорий сопровождался интенсивным притоком населения в эти районы. С конца 1980-х гг. миграционные процессы потеряли устойчивость. Положительное сальдо, которое было характерно для Магаданской и Сахалинской областей, Чукотского и Корякского автономных округов, с 1989 г. стало отрицательным. В 1991–1992 гг., после распада СССР, резко усилилось миграционное движение населения, сальдо стало отрицательным по всей северной территории и составило минус 118 тыс. чел. Вторая волна значительного миграционного оттока наблюдалась в 1994 г., она была вызвана более глубоким социально-экономическим кризисом на этих территориях. По данным Госкомстата РФ, число выбывших в 1994 г. в другие регионы России превысило встречный поток в Чукотском автономном округе в 6,4 раза, в Магаданской области – в 5,6 раза, в Камчатской и Сахалинской областях – в 3,8 раза. С уменьшением потоков мигрантов, начиная с 1995 г., отрицательное сальдо сократилось (в 1993 г. оно составило минус 48,6 тыс. чел., в 1997 г. – минус 24 тыс., в 2000 г. – минус 25,0 тыс., в 2003 г. – минус 17,1 тыс. чел.).

Северные территории Дальнего Востока – территории с одновременно миграционной и естественной убылью населения. Причем миграционные потери в несколько раз превышают естественную убыль населения (в Камчатской, Магаданской областях – в 19-27 раз, в Сахалинской области – в 4,9 раза). Таким образом, север интенсивно перераспределяет за свои пределы значительную часть населения.

С 1990 по 2002 г. северные районы Дальнего Востока потеряли за счет миграционного оттока 565,6 тыс. чел. По интенсивности

убыли населения особенно выделяется Магаданская область, где численность населения сократилась в 2,1 раза, и Чукотский автономный округ – в 1,9 раза. Быстрое сокращение численности населения отмечается в Камчатской и Сахалинской областях.

При общем сокращении объемов миграционных потоков (с 1993 по 2003 г. – в 1,6 раза) значительно уменьшилась миграция из стран ближнего зарубежья. В настоящее время северные районы, за исключением Чукотского автономного округа, имеют отрицательное сальдо миграции со странами СНГ (–133, 2003 г.). Основная доля миграционного прироста населения севера в 1990-е гг. формируется в результате переселений из Украины, Казахстана, Азербайджана. Мигранты из этих республик составляют 88,1% общего числа прибывших на север с ближнего зарубежья. На протяжении последних лет сохраняется отток населения (имеющий тенденцию к снижению) в Беларусь. В перспективе тенденция сокращения миграционного притока из стран ближнего зарубежья может приобрести устойчивый характер.

Сократился объем прибытий и выбытий в миграционных потоках из районов РФ. Поэтому в обмене населением с ними северные территории имеют отрицательное сальдо. Самый большой отток наблюдается в Центральный, Северо-Кавказский, Центрально-Черноземный, Поволжский районы.

Миграция населения с севера Дальнего Востока – закономерное явление, обусловленное особенностями освоения территории в советский период, требовавшими больших бюджетных средств и избыточного населения. Переход к рыночным отношениям резко изменил ситуацию. Отток населения северных территорий вызван структурной перестройкой экономики региона, отсутствием гарантий и компенсаций для проживающих там жителей России, резким снижением уровня жизни по сравнению с другими экономическими районами.

Проблемы экономического развития севера Дальнего Востока связаны с резким ростом цен на сырье и продукцию, значительным повышением энерготарифов и транспортных тарифов, неплатежами, остановкой предприятий. В промышленном производстве, по сравнению с дореформенным периодом, произошел и продолжается спад. Тяжелой остается ситуация в строительстве, что связано с крайне низкими объемами инвестиций. Крайне напряженным остается финансовое положение предприятий. Удельный вес убыточных предприятий увеличился в Камчатской области с 21,7% в 1992 г. до 49% в 2003 г. (в промышленности – до 44,6%), в Магаданской области – с 36,5% до 49% (в промышленности – до 58,8%), Республике Саха – с

23,4% до 57% (в промышленности – до 57,7%, Чукотском автономном округе – с 39,6% до 51,6% (в промышленности – до 66,7%). Такая ситуация складывается вследствие неудовлетворительного финансирования федеральных целевых программ из федерального бюджета, отсутствия средств у предприятия, ухудшения их финансового состояния, практически полного прекращения жилищного и культурно-бытового строительства за счет местных бюджетов из-за их дефицитности, а также невозможности увеличить жилищное строительство за счет населения в результате продолжающегося снижения его реальных доходов.

Оттоку населения способствует высокий уровень зарегистрированной безработицы, значительно превосходящий общероссийские (1,8%) и дальневосточные (2,8%) показатели. На Сахалине уровень безработицы составляет 2,5%, в Магаданской области – 4,3%, Чукотском автономном округе – 2,1%, Камчатской области – 4,2%. Содержание безработных в северных условиях обходится государству значительно дороже, чем в других регионах России.

Уровень жизни во многом определяется состоянием инфраструктуры социальной сферы. В 2002 г. по сравнению с 1990 г. ввод в эксплуатацию жилья на севере уменьшился: в Магаданской области – в 65 раз, Камчатской – в 5,4 раза, Сахалинской – в 4 раза. В отраслевой структуре инвестиций самую низкую долю жилищного строительства среди регионов Дальнего Востока имеет Магаданская область (2,1%) и Корякский автономный округ (0,1%). На долю жилищного строительства Сахалинской области приходится 16,6%, Камчатской области – 15,1%, Чукотского автономного округа – 10,5%. Самую высокую обеспеченность жильем среди районов севера имеют Чукотский автономный округ (21,7 кв.м.), Магаданская область (20,3 кв.м. на 1 жителя). Снижается ввод в эксплуатацию общеобразовательных школ, детских дошкольных учреждений, больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений.

Низкие показатели здоровья населения имеют прямую связь с экстремальностью природных условий. Неблагоприятная ситуация усугубляется еще тем, что на север прибывает население, зачастую не подготовленное к проживанию в таких условиях.

Несмотря на более высокую заработную плату на севере, по сравнению со средней заработной платой по РФ, соотношение стоимости набора из основных продуктов питания свидетельствует, что покупательная способность здесь значительно ниже средней по стране. Удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляет от 20,4% до 34,8% (при 20,6% по РФ).

Наличие огромных и разнообразных природных ресурсов значительно повышает роль северных территорий в решении государственных проблем. Дальнейшее развитие экономики предусматривает более широкое освоение ресурсов Севера. Это, в свою очередь, потребует дополнительных трудовых ресурсов, что в условиях структурной перестройки экономики невозможно без социально-демографической стратегии, закладывающей основы устойчивого развития данных территорий. В сложившейся ситуации освоение ресурсов надо продолжать, применяя новые технологии и новую технику, но используя при этом меньший трудовой потенциал. Следует определить необходимую численность проживающих на Севере и выработать новые подходы к привлечению сюда трудовых ресурсов. Необходимо омоложение населения за счет переселения лиц пенсионного возраста в другие регионы и притока трудоспособных специалистов (в отдельных случаях и вахтовым методом). Экономически это выгодно, если учесть повышенные затраты на развитие и содержание социальной инфраструктуры на Севере и уменьшение демографической нагрузки на местное трудоспособное население.

Оказать действенное влияние на изменение миграционной ситуации на Дальнем Востоке России может только принципиально новая с учетом происходящего оттока населения концепция социально-экономического развития этого региона. Северяне нуждаются в социальных гарантиях и усилении мер по социальной защите. Суровые условия проживания должны компенсироваться более высоким уровнем жизни, иначе северные территории обречены на интенсивный миграционный отток населения.

Сохранение и дальнейшее формирование постоянного русскоязычного населения в важных в геополитическом отношении районах Дальнего Востока – одна из основных задач миграционной политики РФ на данном этапе. Дальний Восток – весьма перспективный регион с точки зрения сырьевых запасов для развития промышленности и экономического сотрудничества со странами АТР. Необходима государственная политика его приоритетного заселения, что важно как в стратегическом, так и в экономическом плане. Такая политика позволит укрепить позиции России в АТР и обеспечить ускоренное демографическое и экономическое развитие российского Дальнего Востока.

Ю.П.Шабаев*

**ПЕРЕПИСЬ-2002 КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНЫХ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН В КОМИ
И «ФИННО-УГОРСКИХ» РЕГИОНАХ РОССИИ**

Результаты переписи 2002 г. в Коми оказались довольно неожиданными для многих, в том числе и для экспертов. Так, известный специалист в области демографии, заведующий отделом социальных проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН В.В.Фаузер, узнав, что, согласно данным переписи, население Республики Коми составляет всего 1018,7 тыс. чел. заявил, что перепись проведена некачественно [1]. Дело в том, что, по данным текущей статистики Госкомстата Республики Коми (РК), население республики на начало 2002 г. составляло 1 млн. 117 тыс. чел. и, следовательно, за несколько месяцев произошло его уменьшение на 100 тыс. чел. Специалисты Госкомстата республики, в свою очередь, заявили, что просто недооценивали масштабы миграции за пределы республики, которая имела место в последние годы, а также численность лиц, формально зарегистрированных как жители республики (последнее обстоятельство связано с тем, что многие жители северных городов, выезжая в другие регионы страны на жительство, сохраняют регистрацию по прежнему месту жительства, чтобы иметь право на правительственные компенсации для переселенцев). Численность населения республики, по данным переписи населения 1989 г., составляла 1 млн. 261 тыс. чел., и, значит, за межпереписной период оно сократилось на четверть миллиона. При этом городское население в 2002 г. составило только 81,2% к уровню 1989 г., а сельское – 82,3%, т.е. если прежде стабильно сокращалось только сельское население, то теперь процесс уменьшения численности затронул и городское население, сокращение которого происходило опережающими темпами. К другим

*Шабаев Юрий Петрович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Область научных интересов – этносоциология и этнополитология, изучение современных этнических процессов у финно-угорских народов России, анализ проблем, связанных с влиянием этничности на политические процессы. Автор более 160 работ, среди которых монографии «Современные коми» (Екатеринбург, 1996, в соавт.), «Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке». (М., 1998), «Семья: надежды и проблемы» (Сыктывкар, 1989) и др.

качественным изменениям в структуре населения республики относятся заметные сдвиги в половозрастном составе.

В результате того, что, начиная с 1950-х гг., происходил бурный рост добывающих отраслей промышленности республики, потребность в рабочей силе удовлетворялась в основном за счет внешних мигрантов, среди которых велика была доля молодых, неженатых мужчин. Весь послевоенный период доля мужчин в Коми превышала долю женщин и, к примеру, в 1989 г. мужчины составляли 50,6%, а женщины 49,4% населения. Перепись показала, что Республика Коми становится «женской» республикой, ибо доля женщин в населении и стала заметно превосходить долю мужчин: 52,1% против 47,9%. Происходит и существенное старение населения республики, ибо доля возрастной группы старше трудоспособного возраста выросла с 9,9% в 1989 г. (5,9% – в 1959 г., 7,7% – в 1979 г.) до 14,1% в 2002 г., а средний возраст населения возрос за указанный период с 30,2 лет до 35,0 лет (на селе с 31,3 до 36,4 лет) [2].

Вслед за первыми сомнениями по поводу результатов и качества переписи появились и другие, которые привели к серьезным скандалам и разбирательствам. Громкий скандал разгорелся между администрацией города Печора и Госкомстатом республики. Руководство города на основе анализа данных паспортно-визовой службы заявило, что численность населения в Печоре занижена переписчиками на 20 тыс. чел. и результатом этой «грубой ошибки» будет существенное сокращение финансовой помощи городу и соответственно серьезные проблемы с финансированием социальных программ. В течение нескольких месяцев специалисты Госкомстата доказывали, что они физически не могли занижить численность населения на такую большую цифру и с превеликим трудом отстаивали свою правоту.

Очевидно, что перепись не была проведена идеально, и на это указывают многие специалисты, в том числе об этом же упоминалось и в наших предшествующих статьях, посвященных анализу самого хода переписной кампании в Республике Коми и первым ее итогам [3].

Тем не менее, несмотря на определенные сомнения, итоги переписи вполне согласуются с особенностями этнокультурных и этнодемографических процессов, которые фиксировались нами на протяжении последних полутора десятилетий в Республике Коми. Прежде всего это касается того, что мы не разделяли оптимизма деятелей национального движения и некоторых специалистов относительно так называемого «национального возрождения» и считали, что явления аккультурации и ассимиляции, характерные для этнического

развития коми этноса во второй половине XX столетия, являются совершенно естественными и их, скорее всего, не удастся ослабить или тем более предотвратить различными мерами культурно-административного порядка.

Очевидно, что демографический и культурный потенциал двух основных взаимодействующих этносов на территории республики (русских и коми) несопоставим и это решающее обстоятельство будет и впредь определять ход этнодемографического и этнокультурного развития. Тесное взаимодействие между двумя основными этническими группами населения республики и стирание неких достаточно условных культурных границ неизбежно потому, что оба этноса принадлежат к одному типу культуры – восточноправославному. Между ними не только не существует каких-то заметных культурных барьеров, но на протяжении нескольких столетий поддерживались интенсивные контакты и многосторонние связи. Не случайно, что основная доля межнациональных браков в республике приходится на коми-русские браки.

Конечно, нельзя не признать, что некоторый кратковременный эффект суверенизации и подъем национального движения, усиление внимания к национальной культуре и языку коми на массовое сознание представителей титульного этноса оказали. И это было неизбежно, ибо культурные предпочтения достаточно подвижны. Эффект «этнического возрождения» сказался, в частности, на том, что в первой половине 1990-х гг. молодые люди из одноплеменных коми или из смешанных в этническом отношении семей стали чаще выбирать для себя национальность «коми» и реже, чем прежде, идентифицировать себя с доминантным большинством. В результате, согласно данным микропереписи населения 1994 г., доля коми возросла в РК с 23,3% в 1989 г. до 26,3% [4]. Ожидалось, что итоговые данные очередной переписи населения покажут дальнейший рост доли коми в населении республики.

Оснований надеяться на это было несколько. Во-первых, в 1990-е гг. начался массовый исход из республики населения северных городов и районов. Это было связано с кризисом в угольной отрасли, закрытием целого ряда шахт и сопутствующих производств в Печорском угольном бассейне, резким падением объемов нефтедобычи, общим ухудшением положения северян. Север перестал быть привлекательным в экономическом отношении, и это спровоцировало массовую миграцию жителей за пределы циркумполярной зоны. Более благоприятная ситуация сложилась на Тюменском севере, где экономический кризис не был столь глубоким и затяжным, но Европейский

Север России и многие другие северные территории страны стали стремительно терять население. С 1989 по 2002 г. Мурманская область потеряла 23% своего населения, Ненецкий автономный округ – 24%, Республика Коми – 18,6%. При этом общее сокращение численности населения России составило всего 2,3% [5].

Ежегодные миграционные потери в 1990-е гг. были весьма значительными, и превышение числа выбывших над вновь прибывшими в РК составляло от трех до двенадцати тысяч человек, при средних потерях около десяти тысяч. При этом за пределы республики выезжали представители нетитульного населения, а часть коми, проживавших за пределами республики, наоборот, в эти годы предпочла вернуться в Республику Коми, и сальдо миграции применительно к коми было положительным на протяжении всего указанного периода [6].

Наиболее значительные потери понесли северные города республики, где доля коми в населении была невелика. Как следствие, произошло заметное изменение в размещении населения РК. Так, население Воркуты сократилось с 218,5 тыс. в 1989 г. до 134,1 тыс. в 2002 г., Инты – соответственно с 71,2 тыс. до 46,5 тыс. Печоры – с 94,6 тыс. до 66,3 тыс., Усинска – с 69,8 тыс. до 52,9 тыс., Вуктыла – с 28,4 тыс. до 18,4 тыс., Сосногорска – с 62,6 тыс. до 52,6 тыс., Ухты – со 141,9 тыс. до 127,5 тыс. чел. При этом, если численность населения столицы республики Сыктывкара составила 104,6% к уровню 1989 г., то население Воркуты – 61,4%, Инты – 65,3%*. В результате усиленной миграции населения северных городов за пределы РК почти во всех этих городах, за исключением Воркуты, доля коми повысилась и теперь колеблется в пределах 10-15% (в Воркуте она снизилась с 2,2% до 1,9%). Только в Сыктывкаре, несмотря на то, что город находится в центре основной этнической территории коми и сюда активно мигрируют переселенцы из коми сел, доля представителей титульного этноса снизилась заметно: с 33,6% до 30,6%.

Во-вторых, половина коми населения республики проживает в сельской местности, и они составляют там более 50% населения, а рождаемость на селе традиционно была более высокой, нежели в городах.

В-третьих, в последние годы коми национальное движение смогло стать довольно заметной политической силой в республике, и его деятельность способствовала не только принятию целого ряда прави-

*Приводятся данные о населении не собственно городских поселений, а населении территорий, подчиненных горсоветам (Воркутинскому, Интинскому, Ухтинскому и т.д.).

тельствственных решений, направленных на сохранение и развитие языка и культуры коми, повышению их статуса, но и в определенной мере повысило престиж коми культуры и значимость идентификации с титульным этносом.

Но все эти факторы не могли решающим образом изменить характер межэтнического взаимодействия, а, кроме того, два последних после 2000 г. практически перестали оказывать сколько-нибудь заметное воздействие на демографические процессы. Это было связано с тем, что глубокий аграрный кризис привел к серьезному изменению демографической ситуации на селе, и уровень рождаемости в городах с 1996 г. стал превышать уровень рождаемости в сельской местности. Изменились также общественные настроения, и молодежь из числа представителей титульного этноса вновь стала предпочитать идентификацию с доминантным большинством отождествлению со своей этнической средой. Это явление было совершенно четко зафиксировано и нами, и другими исследователями [7].

Поэтому вполне логичными оказались результаты переписи, которые показали, что доля коми в населении РК вновь уменьшилась и составила 25,2%. Впрочем, Республика Коми наряду с Ханты-Мансийским автономным округом оказалась в числе двух национально-государственных образований финно-угорских народов, в которых доля титульного населения возросла в сравнении с 1989 г. В Карелии, Удмуртии, Коми-Пермяцком автономном округе, Республике Марий Эл, Мордовии доля титульных этносов в населении сократилась, хотя и не слишком значительно.

В 1989 г. на территории России проживало 336 тыс. коми, а в 2002 г. их общая численность на территории страны составила 293,4 тыс. чел., т.е. численность этноса сократилась на 13%. За исключением хантов, манси и саамов все другие финно-угорские народы РФ также понесли существенные потери: численность марийцев уменьшилась на территории РФ на 40 тыс. чел. (снижение на 6,2%), коми-пермяков – на 22 тыс. (снижение на 15,0%), удмуртов – на 78 тыс. (снижение на 10,9%), карел – на 32 тыс. (снижение на 25,6%), мордвы – на 230 тыс. (снижение на 21,4%), вепсов – на 4,2 тыс. чел. (снижение на 34,5%). Таким образом, темпы снижения численности коми выше, чем у марийцев или удмуртов, но ниже, чем у других названных финно-угорских народов.

Именно факт снижения численности финно-угорских народов стал основанием для того, чтобы на прошедшем в августе 2004 г. в Таллине IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов было заявлено о кризисном состоянии финно-угорских народов, о неэффек-

тивной национальной политике, проводимой федеральными и региональными властями в отношении данных народов. Автор пленарного доклада «Молодежь – наше будущее» венгерский языковед Янош Пустаи утверждал, что российские власти стремятся к «языковой гомогенизации государства», к «искоренению национальных меньшинств» и их «фольклоризации» [8]. Конечно, кризисные явления в демографическом развитии финно-угорских народов, в том числе и коми, очевидны, но объяснять их политическими установками российских властей было бы явным упрощением. Реальная картина много сложнее, и анализ демографической ситуации, складывающейся на территории проживания коми и других финно-угорских народов, это подтверждает.

Из 293406 коми, которые проживают на территории Российской Федерации, 256464 живут непосредственно в Республике Коми, что составляет 87,4% всей численности этноса. Из этого следует, что, как и прежде, уровень диаспоризации коми этноса остается одним из самых низких среди других финно-угорских народов, а это объективно создает более благоприятные условия для его демографического воспроизводства.

География расселения коми в пределах Российской Федерации остается прежней: наиболее значительные диаспорные группы имеют место в Архангельской области (5745 чел.), где основная часть коми сосредоточена в административно подчиненной области Ненецком автономном округе (4510 чел.). В НАО коми являются третьей по численности этнической группой населения после русских и ненцев и составляют на сегодняшний день 11% населения.

Следующей группой являются Тюменская группа коми, численность которой составляет ныне 10555 чел. В состав этой группы входит локальная группа обских коми, со второй половины XIX в. сформировавшаяся на территории нынешнего Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа и на севере Ханты-Мансийского автономного округа (села Березово, Саранпауль, Казым), а также дисперсно расселенные коми, которые исторически проживают в Салехарде и в новых городских поселениях Тюменского севера.

Третья значительная диаспорная группа коми продолжает сохраняться в Мурманской области, куда еще в середине XIX в. мигрировали коми-ижемцы со своими стадами оленей. Ныне численность группы составляет 2177 человек. Численный состав трех вышеназванных групп изменился незначительно (кроме группы в Архангельской области), что свидетельствует о стабильном характере их этно-

культурного и этнодемографического воспроизводства, который был отмечен исследователями и ранее [9].

Вторым важным фактором, способствующим расширенному демографическому воспроизводству, является половозрастная структура этноса. Из всех российских финно-угорских народов оптимальной можно признать только ситуацию, которая имеет место среди хантов, манси и саамов, ибо у них соответственно 33,8, 32,8 и 24,4% в возрастной структуре этноса приходится на лиц в возрасте моложе трудоспособного при достаточно благоприятном соотношении полов. У всех других финно-угорских народов демографическая пирамида имеет нарушенные пропорции. К примеру, у вепсов доля населения, моложе трудоспособного возраста, составляет только 7,1%, у мордвы – 10,5, у коми-пермяков – 10,2, у удмуртов – 15,6, у марийцев – 19,0%. Коми на этой шкале занимают некое среднее положение, поскольку доля лиц, моложе трудоспособного возраста в составе этноса, равна 16,7% (в целом по республике доля данной возрастной группы составляет 17,8%).

Соотношение полов у коми в трудоспособном возрасте таково, что женщины заметно преобладают над мужчинами: численность коми мужчин в данном возрасте составляет 89299 чел., а женщин – 99298, в возрасте старше трудоспособного женщины почти втрое преобладают над мужчинами (15162 против 40674). Столь значительной половой диспропорции в активном брачном возрасте нет ни у одного другого финно-угорского народа России, за исключением хантов и манси. Следствием этого может стать лишь активный поиск брачных партнеров среди других этнических групп населения республики, что будет характерно прежде всего для женщин. Это только усилит процессы ассимиляции среди коми. При этом на демографические факторы будут накладываться социокультурные факторы и, прежде всего, характер этнокультурных ориентаций молодежи. Эти ориентации характеризуются усиливающимся стремлением молодежи к смене своей этнической принадлежности, на что указывалось уже выше. Так, во время проведения в Коми в 1997 г. исследования по программе «Этнополитические воззрения молодежи. Формирование и функционирование», выяснилось, что пятая часть городских подростков (возраст 16-17 лет), у которых оба родителя коми, называют себя русскими.

Смене этнического самосознания предшествуют, как правило, процессы аккультурации и языковой ассимиляции. Эти процессы приобрели весьма значительные масштабы практически среди всех финно-угорских народов. Результаты микропереписи населения

1994 г., к примеру, показали, что произошли коренные изменения в языковой практике представителей этих народов. Так, среди коми русским языком на работе пользуются 716 из каждой 1000 представителей титульного этноса, проживающих на территории РК, в учебном заведении таковых 735, но самое главное, что в семье пользуются русским языком 568 из каждой тысячи коми. Среди городских коми эти показатели еще более впечатляющи и свидетельствуют о практически полном переходе на русский язык молодого поколения, многие представители которого просто не владеют языком родителей. Русским языком, согласно данным микропереписи, пользуются в семье 957 вепсов из каждой 1000, 825 карел из каждой 1000 проживающих в Карелии, и соответственно 966 манси и 864 ханта, 382 мордвина, 363 марийца, 350 удмуртов и 381 коми-пермяк из каждой тысячи, проживающих на территории своих национальных республик или округов [11].

Таким образом, русский язык становится сегодня основным (или одним из основных) средством общения для представителей финно-угорских народов в основных сферах общения, а с учетом его полного доминирования во всех средствах массовой информации для коми языка нет никаких других возможностей, кроме как оставаться языком межличностного общения в сугубо однонациональной коми среде.

Перепись населения 2002 г. только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится все более масштабной. Так, данные переписи показали, что 27,5% коми, проживающих в Республике Коми, называют своим родным языком русский язык, коми – 62,5%. Языковая ассимиляция стала заметным явлением в этнокультурных процессах со второй половины 1950-х гг., когда коми превратились в национальное меньшинство на территории республики и этнодемографическая ситуация коренным образом поменялась не в пользу титульного населения. При этом темпы ассимиляции нарастают: в 1959 г. 93,8% коми республики еще называли родным языком коми язык, в 1970 г. доля таковых составляла 86,7%, в 1979 г. – 80,0%, в 1989 г. – 74,3% [12].

Полезно отметить, что данные нашего массового опроса, проведенного в 2004 г. в рамках исследовательского проекта «Я и мой народ», очень близки к данным переписи-2002. По нашим данным, 66,2% коми назвали родным язык своей национальности. При этом на селе 86,5% респондентов, принадлежащих к титульному этносу (по самоопределению), назвали коми своим родным языком, а в городе только 44,3% (55,7% родным назвали русский).

Критики национальной политики Российской Федерации, которые излагали свои взгляды на Всемирном финно-угорском конгрессе в Таллине, усматривают тесную связь между языковой ассимиляцией и сокращением численности финно-угорских народов. Конечно, такую связь нельзя отрицать и языковая практика оказывает воздействие на этническое самосознание, но далеко не решающее, свидетельств тому достаточно и они хорошо известны. Один тот факт, что люди совершенно не владеющие языком (в городе таких, по данным нашего опроса, 29,3%, на селе – 2,3%) называют себя коми, доказывает, что не язык, а самосознание оказывают решающее воздействие на этническую идентификацию. Более того, сами результаты переписи-2002 показывают, что прямой зависимости между языковой ассимиляцией и демографическими процессами не существует.

Дело в том, что среди финно-угорских и самодийских народов очень высокий прирост численности наблюдался за межпереписной период у хантов, манси, саамов и европейских ненцев. При этом европейские ненцы еще в конце XIX в. в большинстве своем владели русским языком, а ныне он полностью доминирует во всех сферах общения [13], саамы ныне также в большинстве своем утратили родной язык и считают таковым русский [14], языковая ассимиляция у хантов и манси идет не менее интенсивно, чем у других финно-угорских народов России. На наш взгляд, разница в характере этнокультурного и этнодемографического развития финно-угорских народов России объясняется целым комплексом факторов, но существенное значение в последние годы приобретает фактор символической ценности этничности и реальной практической пользы для каждого конкретного представителя данного этноса его отождествления с народом, к которому принадлежали его предки.

О том, что этническая идентификация в современном мире приобретает характер гибкого позиционирования личности в меняющихся социальных условиях, свидетельствует не только отечественный опыт, но и зарубежный. В частности, после того, как в 1971 г. конгресс США принял Акт по разрешению земельных требований коренных жителей Аляски (ANCSA), многие из тех, кто прежде не хотел признавать себя коренными аляскинцами, пожелали заявить о своей аляскинской идентичности [15]. Аналогичные явления наблюдаются в Испании, когда при переезде, к примеру, из Андалузии в более процветающую Каталонию, переселенцы не только воспринимают язык и обычаи края, но начинают отождествлять себя не со своим прежним этническим окружением, а с доминантным населением провинции, и их дети считают себя уже каталонцами [16]. В современной

России нечто подобное имеет место в отношении саамов, хантов и манси, а потому эти народы приобретают своеобразный «иммунитет» против ассимиляции, ибо значимость их этнической принадлежности возрастает и становится реальной ценностью. Роль языка в этих процессах вторична или вообще малозначима.

Тем не менее, в Коми, как и во многих других финно-угорских республиках, продолжаются активные дискуссии о путях и методах развития коми языка и его общественных функциях, и они не утихают, что продемонстрировали прошедший в начале 2004 г. VIII съезд коми народа и ежегодные городские и районные конференции коми народа.

Прежде в качестве основной причины падения интереса к коми языку называли недостаточный престиж языка титульного этноса, слабое внимание к нему со стороны республиканского министерства образования, отсутствие целенаправленной политики по развитию языка и его внедрению во все сферы жизни местного территориального сообщества.

С начала 1990-х гг. ситуация в этом отношении в Коми кардинально изменилась и здесь, пожалуй, созданы самые благоприятные условия для повышения престижа языка, по его развитию, нормированию, внедрению в общественную практику. Ни в одном другом регионе РФ, где проживает финно-угорское население, такой ситуации нет.

Ранее, чем в других национальных регионах, в Коми был принят закон о государственных языках. Его утвердил весной 1992 г. еще Верховный Совет Коми ССР. Согласно данному законодательному акту, государственными языками на территории республики объявлялись русский и коми. При этом закон не остался сугубо декларативным документом. С целью его практической реализации была утверждена специальная программа совершенствования и развития коми языка, а затем и аналогичная программа по русскому языку.

Согласно закону о языках, все названия улиц, официальных учреждений и предприятий приводятся на двух языках, республиканские законодательные акты и правительственные решения публикуются также на коми и русском языках в специальных правительственных изданиях, при Министерстве культуры учреждена и работает термино-орфографическая комиссия, которая контролирует ход реализации закона о языках, разрабатывает меры по расширению использования коми языка в различных сферах и его нормированию. Программа совершенствования и развития коми языка как государственного предполагала поэтапное введение обучения коми языку в

школах республики с тем, чтобы в конечном итоге сделать изучение коми языка обязательным. На сегодняшний день из 521 школы Республики Коми язык изучают в 392. Это 75%. А в пяти районах республики (Сыктывдинском, Сысольском, Усть-Вымском, Удорском, Ижемском) все 100% общеобразовательных учреждений уже перешли на изучение коми языка. Указом Главы Республики Коми от 13 июня 2001 г. утвержден национально-региональный компонент государственных образовательных стандартов, согласно которому коми язык и коми литература являются самостоятельными учебными предметами [17].

По количеству изданий на языке титульного этноса Республика Коми опережает все другие «финно-угорские регионы» России, передачи на коми языке занимают значительное место в сетке вещания местных теле- и радиоканалов, хотя время вещания по ряду причин и сокращается. Национальные средства массовой информации, книгоиздание на коми языке и другие культурные сферы являются предметом постоянного внимания как республиканского правительства, так и коми национального движения.

Тем не менее, интерес к коми языку падает и об этом можно судить хотя бы по тиражам газет и журналов на коми языке, которые неуклонно сокращаются. Данные массового опроса населения, проведенного в 2004 г. в рамках реализации исследовательского проекта «Я и мой народ» этнографами Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, показали, что языковая компетенция коми и особенно городских коми, продолжает снижаться.

Что касается общей этнической ситуации в республике, то на первый взгляд она принципиально не меняется уже на протяжении нескольких десятилетий, ибо численно доминирующими этническими группами являются одни и те же группы, а их доля в общем составе населения меняется не слишком существенным образом (табл. 1).

Однако изменения не кардинальные, но весьма существенные имели место. Если прежде сокращение доли украинцев, белорусов, немцев происходило за счет их ассимиляции, то в последнее десятилетие решающим фактором стала внешняя миграция. Доля татар также менялась исключительно благодаря миграции, хотя к началу 1990-х гг. и среди татар в Коми стали усиливаться ассимиляционные тенденции [18].

Перепись 2002 г. показала, что прекратился численный рост практически всех этнических групп населения, которые прежде численно доминировали, но доля коми и русских выросла, а доля всех остальных групп сократилась. Правда доля коми с учетом внешней

Таблица 1

Численность населения наиболее многочисленных национальностей
по данным переписей населения

Национальность	Численность населения					В процентах к итогу				
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Все население	815037	964802	1110361	1250847	1018674	100	100	100	100	100
Коми	245357	276178	280798	291542	256464	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2
Русские	395975	512203	629523	721780	607021	48,6	63,1	56,7	57,7	59,6
Украинцы	81415	82955	94154	104170	62115	10,9	8,6	8,5	8,3	6,1
Татары	8689	11906	17836	25980	15680	1,0	1,2	1,6	2,1	1,5
Белорусы	22622	24706	24763	26730	15212	2,8	2,6	2,2	2,1	1,5
Немцы	19805	14647	13339	12866	9246	2,4	1,5	1,2	1,0	0,9
Чуваши	3493	6567	8545	11253	7529	0,4	0,7	0,8	0,9	0,7
Другие националь- ности	37681	35640	41403	56512	39707	4,6	3,7	3,7	4,5	3,9

миграции должна была вырасти еще более значительно, однако, этого не произошло из-за усиливающихся ассимиляционных процессов.

Наиболее значительный рост численности среди других этнических групп населения был зафиксирован у азербайджанцев, численность которых в Коми выросла на 50%. Более того, можно говорить о некоторой «культурной гомогенизации» группы, которую в сводных статистических данных именуют «другие национальности». Если прежде ее состав был довольно мозаичным, то ныне это преимущественно представители народов, исповедующих ислам. В совокупности представители этих народов составили 3% населения Коми. При этом выявилась очевидная тенденция к росту доли названной группы в общем составе населения республики. Следствием начавшегося процесса станет этнокультурная диверсификация региона. Названная тенденция проявилась не только в Коми, но и в других северных регионах, где отмечен высокий уровень среднедушевых доходов, имеется значительное количество высокооплачиваемых свободных рабочих мест, и которые отличаются динамичным развитием и значительным ресурсным потенциалом.

В 2003 г. ВРП на душу населения, к примеру, в ЯНАО составил 765,2 тыс. руб., а в 2007 г. он должен возрасти до 1 млн. 296,6 руб. на душу населения. В то же время в Ингушетии ВРП сократится с 8,4 тыс. до 8,3 тыс. с 2003 по 2007 гг., согласно прогнозам. Это значит, что разрыв между лидером и аутсайдером возрастет с 90 до 156 раз. В группу лидеров по ВРП входят Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ненецкий, Таймырский округа, Мурманская область, Республика Коми и некоторые другие северные регионы, а к аутсайдерам относятся все северокавказские республики с мусульманским населением [19], где к тому же велика безработица, серьезная криминогенная ситуация, нестабильная социально-политическая обстановка. Очевидно, что динамично развивающиеся северные регионы со стабильной социально-политической ситуацией и высоким уровнем жизни неизбежно будут притягивать население из крайне неблагополучных (но обладающих значительным демографическим потенциалом) южных регионов страны и этнический состав населения в этих северных регионах будет меняться. Пока эта тенденция только обозначилась, но обозначилась достаточно очевидно. С позиций социальной инженерии эта тенденция дает в руки политиков уникальный шанс для стимулирования процесса гражданской консолидации и формирования прочной общероссийской идентичности, поскольку более тесное взаимодействие представителей разных конфессий, этносов и культур в регионах активного притока мигрантов неиз-

бежно. Продуманное использование намечающихся процессов в решении внутривластных проблем позволит преодолеть глубоко укоренившуюся в сознании населения большинства российских регионов «кавказофобию», «сотрет» условную границу между жителями Кавказа и глубинной России.

Есть и другие не менее значимые социальные и политические последствия миграции населения Кавказа в северные регионы России. Во-первых, эти регионы смогут использовать демографические ресурсы северокавказского региона для улучшения «демографического качества» своего населения, во-вторых, миграция в благополучные в социально-экономическом и криминогенном отношении субъекты РФ из регионов Северного Кавказа позволит ослабить глубокий кризис, который переживает данный регион в целом. Другого пути ослабления кризиса, по всей вероятности, нет, поскольку в нынешней ситуации развитие этого региона невозможно, ибо любые проекты развития требуют стабильности. В серьезной оценке нуждается и другая значимая тенденция, которую выявили результаты переписи. Это касается еще только намечающегося процесса деурбанизации финно-угорских этносов, в том числе и коми.

Конечно, реальные масштабы этого процесса сможет показать только следующая перепись или масштабные сравнительные социологические исследования в финно-угорских регионах, но общий вектор развития можно угадать уже сегодня. Так, в Коми с 1930-х по конец 1950-х гг. произошел резкий рост городского населения среди коми, а в последующие десятилетия шло последовательное увеличение доли горожан в социальной структуре этноса: в 1970 г. городские коми ставили 33,1% всех коми республики, в 1979 г. – 41,7%, в 1989 г. – 46,8%. Казалось, что превращение коми в городской этнос есть устойчивая тенденция, но усиливающиеся процессы ассимиляции среди коми горожан неизбежно должны были прервать рост доли горожан среди коми, ибо ассимиляция стала опережать механический рост числа городских коми за счет мигрантов из села.

Перепись 2002 г. уже зафиксировала снижение доли городских коми до 46,2%. Очевидно, это еще не очень заметное снижение доли, но оно сопровождалось и весьма существенным снижением абсолютной численности коми горожан: со 136412 в 1989 г. до 118541 в 2002 г. Иными словами, численность городских коми в РК сократилась за межпереписной период на 13%, хотя из-за общего сокращения численности горожан доля коми в составе городского населения возросла с 14,4% до 15,5%. В отличие от остального городского населения республики, коми горожане не очень активно мигрируют

за пределы Коми республики. Следовательно, основная часть потерь городского коми населения приходится на потери от ассимиляции. Если же рассмотреть коми население РФ в целом, то и здесь наблюдается вполне ощутимое сокращение как абсолютной численности коми горожан, так и сокращение их доли в общей численности этноса: с 48,7% в 1989 г. до 47,5% – в 2002 г. Аналогичная картина наблюдается и в демографическом развитии других крупнейших финно-угорских народов России. Переписи 1970, 1979, 1989 гг. фиксировали неуклонное увеличение абсолютной численности горожан в составе этих народов, увеличение их доли в социальной структуре данных этносов и одновременно сокращение и абсолютной численности, и доли сельского населения в их составе [20].

Перепись 2002 г. показала, что абсолютная численность горожан очень значительно выросла только у саамов (на 61,8%), у манси (на 56,6%) и хантов (на 49,5%), а у остальных финно-угорских народов она сократилась и в ряде случаев очень значительно. Помимо этого, произошло и сокращение доли горожан в общем составе большинства крупных финно-угорских народов. У мордвы доля горожан в социальной структуре этноса понизилась в 52,2 в 1989 г. до 49,2% в 2002 г.: у удмуртов соответственно с 48,1 до 46,6%; у карел – с 61,2 до 55,9%; у коми-пермяков – с 39,8 до 38,8%. Только у марийцев доля горожан за указанный период выросла с 40,7 до 42,3%. Это в значительной мере можно объяснить тем, что в предшествующие десятилетия нарастание доли горожан у марийцев шло более быстрыми темпами, чем у других народов: в 1979 г. по сравнению с предыдущей переписью численность марийцев-горожан возросла на 60,9%, в 1989 г. по сравнению с 1979 г. она выросла еще на 45,4%. Тем самым демографический потенциал городских марийцев был достаточен для того, чтобы сдерживать ассимиляционные процессы, ибо их значительная часть являлась горожанами в первом поколении, т.е. этничность поддерживалась их социальным происхождением. У более урбанизированных этносов в составе городских общин доля сельских мигрантов меньше, а значит и выше потери от ассимиляции, ибо уже второе поколение горожан в значительной мере является деэтнизированным, как показывают результаты исследований. В Коми городская часть титульного этноса ныне в значительной мере формируется за счет самовоспроизводства, поскольку миграция из села в город хоть и сохраняется, но масштабы ее незначительные и существенно влиять на демографические процессы она не может. По этой причине темпы ассимиляции городских коми возрастают, ибо демографический потенциал городских коми существенно уступает демо-

графическому потенциалу доминантного большинства, а культурные ориентации молодого поколения все отчетливее смещаются именно в сторону доминирующей культуры.

Сельская же часть титульного населения республики оставалась стабильной и составляла примерно половину всего сельского населения РК на протяжении нескольких последних десятилетий. В 1970 г. сельские коми составляли 50,3% от всех коми республики, в 1979 г. – 50,5%, в 1989 г. – 50,6%. Но, согласно данным переписи 2002 г., доля коми в общем составе сельского населения возросла весьма заметно и составила 54,7%. Таким образом, в составе сельского населения коми начинают все более ощутимо доминировать, и тем самым условия для демографического воспроизводства сельских коми становятся более благоприятными. Дополнительным подтверждением этому служит и тот факт, что в шести из 11 сельских коми районов доля коми возросла по сравнению с предыдущей переписью населения и только в трех уменьшилась, при этом существенно уменьшилась лишь в одном районе, где сложилась особая социальная ситуация (Удорский район, откуда выехали болгарские лесозаготовители, на место которых прибыли мигранты из-за пределов республики).

Но условия для воспроизводства этноса не сводятся только к соотношению этнических групп и внутригрупповым демографическим пропорциям, они в значительной мере определяются общей социально-экономической ситуацией на селе. А эта ситуация уже свыше десяти лет определяется как крайне неблагоприятная. Более того, есть все основания говорить о глубоком аграрном кризисе, который переживает коми село. Этот кризис имеет место и в других регионах России, ибо не созданы условия для коренной структурной перестройки аграрной сферы, не стимулируются эффективные собственники. Но на севере, где экономические условия для аграрного бизнеса гораздо менее благоприятны, кризис проявляется еще масштабнее.

Сложное социально-экономическое положение коми села уже не раз становилось предметом специального рассмотрения активистов национального движения «Коми войтыр». Ежегодные конференции коми народа, которые проводятся осенью во всех городах и районах республики, в 2004 г. вновь основное внимание уделили именно этой проблеме. Обобщая итоги этих конференций, лидер движения Валерий Марков отметил следующее: «Сельчане оказались «на обочине» и всех преобразований последних лет. Были обделены и при разделе земли по паям. У многих даже нет никаких документов о праве собственности на землю. Наверное, понадобятся десятки лет и смена поколений, чтобы пришло серьезное осознание того, что изменить

жизнь к лучшему сельчане смогут, лишь полагаясь на себя и свои силы. Реальность показывает, что многие села в ближайшее время захиреют, а может, даже исчезнут. Хотя этого можно было избежать. Еще в 1993–1994 гг. в республике намечалось принятие комплексной программы по развитию каждого населенного пункта. Но программа осталась неразработанной» [21]. Тем не менее, настоятельная необходимость разработки и принятия комплексной программы развития села остается, и она при нынешней этнодемографической и этнокультурной ситуации в республике должна быть стержнем региональной национальной политики в отношении титульного этноса. Собственно, то же самое можно сказать и о других регионах проживания финно-угорских народов.

Таблица 2

Численность городского и сельского населения в составе крупнейших финно-угорских народов РФ по результатам переписей

Финно-угорские народы	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
<i>Мордва</i>				
город	393326	469918	560054	483098
село	784166	641157	512885	494283
<i>Марийцы</i>				
город	111925	180123	261921	256094
село	469157	419514	381777	348204
<i>Коми</i>				
город	112513	140205	163823	139416
село	202834	179873	172486	153990
<i>Удмурты</i>				
город	212721	280872	344158	296976
село	465672	404846	370675	339930
<i>Карелы</i>				
город	61720	72078	76505	52205
село	79428	61104	48416	41139
<i>Коми-пермяки</i>				
город	33424	46053	58656	48658
село	116820	99940	88613	76577

Особая актуальность разработки и скорейшей реализации эффективной программы развития аграрной подсистемы республиканского хозяйственного комплекса диктуется не только тем, что в условиях наметившегося процесса деурбанизации коми этноса, его сельская часть превращается в важнейший ресурс поддержания и сохранения этничности, «страховой фонд этноса», но и потому, что сельское население в настоящее время находится в состоянии социальной дезорга-

низации и социальной дезориентации. Об этом свидетельствует не только крах прежних производственных систем, снижение уровня жизни, но и сугубо демографические показатели. Так, уровень смертности на селе превышает среднереспубликанские показатели в 1,1-1,3 раза, при этом особенно высок уровень смертности в сельских районах с преобладанием коми населения – Прилузском и Корткеросском, в Ижемском и Сысольском районах вообще наблюдается сверхсмертность трудоспособных мужчин, их доля среди умерших превышает 80%. Основной причиной высокой смертности являются болезни системы кровообращения (43-56% умерших). Очень высок на селе уровень смертности от неестественных причин, и среди умерших в трудоспособном возрасте такие причины занимают первое место. Более половины трудоспособных мужчин умирают от алкогольного отравления, убийств и самоубийств. В Корткеросском районе эти причины смерти среди женщин трудоспособного возраста даже превышают аналогичный показатель среди мужчин (55%). Более четверти всех смертей от неестественных причин на селе – самоубийства [22].

Но наиболее очевидно доказывает тезис о том, что социально-экономическое развитие села воздействует кардинальным образом на общий прогресс этноса, ситуация, которая имеет место на территории проживания коми-пермяков. Объективно коми-пермяки находятся в самом благоприятном положении в сравнении с другими финно-угорскими народами России. Они на территории собственного национально-государственного образования – Коми-Пермяцкого округа – составляют абсолютное большинство населения – 59%. При этом округ не является высокоурбанизированной территорией, ибо только 30% его населения проживает в городских поселениях, а приток внешних мигрантов сюда крайне незначителен.

Тем не менее, процессы деэтнизации и социальной деградации достигли здесь крайней остроты и округ можно считать зоной социальной катастрофы. Перепись 2002 г. зафиксировала, как уже указано выше, что общая численность коми-пермяков сократилась на 25 тысяч человек по сравнению с переписью 1989 года, но очевидно, что в ближайшие годы численность этноса будет сокращаться еще более активными темпами. Об этом свидетельствует целый комплекс факторов. В частности коэффициент естественного прироста в Коми-Пермяцком округе ниже, чем во всех остальных финно-угорских регионах России (-10,2 в 2003 г.), коэффициент брачности самый низкий (4,1) и примерно вдвое ниже среднего показателя по России (7,6), коэффициент младенческой смертности, наоборот, самый

высокий (19,7 в 2003 г.). Соотношение полов крайне неблагоприятное, а семейные отношения переживают глубокий кризис, чему причиной служит пьянство, которое охватывает все более широкие слои населения. Практически все аграрные предприятия обанкротились, и значительная часть сельского населения лишена источников дохода. Падение производства в округа продолжается, и он существует лишь за счет дотаций из федерального бюджета.

При этом, по данным исследования «Я и мой народ», которое параллельно проводилось и в КПАО, ориентации населения полностью смещены в сторону русского языка и культуры. Русский язык назвали родным 52,2% горожан и 28,2% сельских жителей, при том, что в городе не владеют коми-пермяцким языком 2,8% респондентов, а на селе –1,3%. В гражданской идентификации также абсолютно доминируют ориентации на российскую идентичность. Почти никто ни в городе, ни на селе не назвал себя гражданином округа, абсолютное большинство заявило, что считает себя либо только россиянами, либо гражданами России и округа одновременно. Пока не будет преодолен глубочайший социально-экономический кризис в округе, изменений в культурных и социальных ориентациях не произойдет и даже невозможна некая стабилизация ситуации.

В таких условиях очевидно, что необходима социальная реабилитация сельского населения, ибо без нее село не может стать тем «страховым фондом» этноса, которым оно объективно должно быть в новых социальных реалиях. Реабилитация же возможна лишь при условии обеспечения сельских жителей необходимым комплексом социальных услуг, включая медицинские, образовательные, культурные, которые ныне либо крайне низкого качества, либо вовсе отсутствуют. Но важнейшим условием реабилитации станет формирование эффективных производственных структур, конкурентноспособных и рыночноориентированных. Именно они позволят повысить доходы населения, увеличат поступления в местные бюджеты и дадут возможность развиваться соответствующим социальным службам.

Третьим значимым и масштабным явлением, который со всей очевидностью выявила перепись населения 2002 г., и которое не наблюдалось прежде, является этническая фрагментация финно-угорских этносов, возрождение старых этнонимов и стремление, по выражению Бенедикта Андерсона, к «переопределению» категорий идентичности [23]. Этот процесс затронул все крупные финно-угорские этносы России: удмуртов, мордву, марийцев и коми. В разных регионах России у этого процесса есть свои особенности и начался он в разное время, но именно перепись-2002 стала реальным

свидетельством того, что процесс этот не только идет, но и продолжает углубляться.

Начало этому процессу положило стремление бесермян выделиться в самостоятельную этническую общность. После переписи населения 1926 г. их учитывали вместе с удмуртами, хотя названная перепись и зафиксировала довольно значительную численность группы – более 10 тыс. чел. То же самое имело место и в отношении язьвинских коми-пермяков. Их тоже учитывали как отдельную этническую общность только в переписи 1926 г. И численность данной группы была примерно равной бесермянам. В 1990-е гг. стали предприниматься попытки возрождения культурной специфики и локального самосознания и бесермян, и язьвинских коми-пермяков. На территории проживания бесермян было создано «Общество бесермянского народа», которое поставило своей целью возрождение бесермян как отдельного этноса, в Глазове был организован национально-исторический центр бесермян, в 1992 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета Удмуртской Республики «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», которое предоставляло бесермянам, проживающим на территории республики, статус отдельной народности [24].

В 2000 г. бесермяне были включены в Перечень коренных малочисленных народов, утвержденный Правительством РФ. В результате переписи 2002 г. зафиксировала 3122 бесермянина. У язьвинских коми-пермяков, которые в прошлом, как и бесермяне, заметно отличались от окрестного населения, национальных организаций не возникло, но меры по возрождению их культурного своеобразия были предприняты. Однако эти меры не дали заметного результата и в результате только два-три десятка человек в ходе переписи назвали себя язьвинцами, что, впрочем, не стало препятствием для того, чтобы власти Пермской области официально обратились в Правительство РФ с ходатайством предоставить статус коренного малочисленного народа язьвинским коми-пермякам.

Между тем, ситуация с бесермянами и язьвинцами есть лишь побочное явление в общем процессе этнической фрагментации финно-угров. Самое значительное проявление этого процесса – это все более углубляющееся деление мордвы на эрзя и мокшу. Причем национал-радикалы в мордовском национальном движении настаивают, что «мордва – это миф» [25], что существуют два самостоятельных этноса эрзя и мокша. На этой основе мордовское движение с середины 1990-х гг. фактически раскололось на мокшанское и эрзянское. Уже микроперепись населения 1994 г. показала, что этот раскол начинает

сказываться и на этническом самосознании мордвы, поскольку значительная часть тех, кого интервьюировали переписчики, использовали для определения своей этнической принадлежности субэтнические этнонимы «эрзя» и «мокша». Специалисты, правда, отметили, что работа переписчиков при фиксации этнической принадлежности респондентов строилась методически неверно. Но, тем не менее, перепись 2002 г. показала, что на территории Мордовии только чуть более половины мордвы (55%) использовали общеэтнический этноним, а остальные вновь воспользовались субэтническими определителями. Менее масштабно субэтническая фрагментация проявилась в Марий Эл, но и здесь десятки тысяч назвали себя не марийцами вообще, а горными марийцами или луговыми.

В Коми, где прежде специалисты выделяли семь основных этнографических групп, процессы этнической консолидации на протяжении XX столетия протекал очень интенсивно и к последней его четверти практически завершился, что нашло свое отражение в укреплении общеэтнического и утрате прежнего локального самосознания [26]. Однако к началу XXI столетия наметился кризис общекومی идентичности, который был отчасти спровоцирован самой этнической элитой. Созданное в 1989 г. коми национальное движение уже к 1991 г. окончательно оформилось политически и идеологически в начале этого года был проведен I съезд коми народа, который избрал Комитет возрождения коми народа, возглавивший политическую деятельность движения. На съезде были приняты различные документы, которые не только обосновали цели и задачи движения, но и концептуально оформили его идеологию [27].

Уже в следующем году были приняты республиканские законы «О государственных языках», «О статусе съезда коми народа». Влияние национального движения на властные структуры, на принимаемые ими политические решения существенно возросло, что нашло отражение и в росте символической ценности этнической идентификации с титульным этносом республики. Но реальных перемен к лучшему в положении значительной части этноса не произошло, а коми село вообще оказалось в глубоком и затяжном кризисе, который продолжается и ныне, о чем сказано выше. Рыночные реформы разрушили прежнюю систему хозяйства, но новых эффективных производственных систем на месте прежних не возникло.

Кризис в аграрной сфере был дополнен резким падением объемов производства в лесопромышленном комплексе республики, в котором занята большая часть сельского трудоспособного населения. В результате произошло существенное снижение уровня жизни сель-

ского населения, и ныне средние доходы селян примерно втрое ниже доходов городских жителей. Уровень безработицы на селе также существенно выше средних показателей по республике, а с учетом скрытой безработицы его можно рассматривать как критический. Практическая деятельность коми национального движения, однако, не была ориентирована на решение местных проблем, разработку конкретных инициатив, поддержку практических проектов в экономической и социальной сфере, которые бы способствовали реальным переменам на селе.

Кроме того, в самой идеологии движения, равно как и в идеологических конструкциях других национальных движений финно-угорских народов, не предлагалось моделей социально-экономического развития республики и не выстраивался некий новый образ этноса, к которому следует стремиться, не выделялись общие ценности и символы, не подчеркивалось значение внутриэтнической консолидации.

В результате, переживающие глубокий кризис сельские районы и их население, все более осознающее себя как социальную периферию, как зону слабо интегрированную в общереспубликанский хозяйственный комплекс, в республиканское территориальное сообщество [28], а также в общее культурное пространство коми этноса, стали искать собственные пути социального и экономического оздоровления. Осознание себя локальными сообществами, превалирование местных интересов и конкретных практических нужд над общеэтническими лозунгами и декларациями привело к усилению локальных идеологий и рекультивации старых локальных этнонимов, усилению их значения. Возникшие в начале 1990-х гг. региональные национальные организации коми народа, которые использовали в своих названиях наименования прежних этнографических групп коми, поначалу действовали как подразделения общекоми движения и не позиционировали себя как организации, преследующие собственные цели и имеющие собственное видение путей решения местных проблем. Не было у них и каких-либо специфических идейных позиций.

Кризис общекоми движения, который все более ощутимо стал проявляться со второй половины 1990-х гг., привел к тому, что некоторые региональные организации активно стали заниматься поисками собственных идеологических ориентиров и постепенно дистанцировались от движения в целом.

Глубокий аграрный кризис и поиски на местах путей выхода из него, вместе с кризисом коми национального движения привели к

рождению идеи возродить этнографические группы коми этноса или, скорее, возродить этнонимы и сделать их политической и юридической реальностью, для чего, по мысли активистов национального движения, на местах следовало не только актуализировать локальное этническое самосознание коми, но и добиваться признания за этнографическими группами статуса коренных малочисленных народов.

Наиболее последовательны и активны в этом отношении оказались активисты ассоциации «Изьватас», которая объединяет в своих рядах северных коми – коми-ижемцев, имеющих особенно заметные диалектные отличия от других групп коми этноса, отличающихся в хозяйственном и культурном плане и довольно изолированных территориально. На наш взгляд, ижемцев следует рассматривать скорее не как этнографическую группу коми, а как субэтнос.

Еще в XIX в. группы ижемских оленеводов переселились на Нижнюю Обь, Кольский полуостров, а еще ранее – в низовья Печоры, где сохраняются и ныне. Поэтому отделения ассоциации «Изьватас» существуют не только внутри республики, но и в Нарьян-Маре, в Мурманской области и в Ямало-Ненецком округе. Именно кольские коми, а точнее активисты местного отделения ассоциации «Изьватас» из села Ловозеро перед переписью 2002 г. выступили с инициативой призвать всех ижемцев во время переписи указывать в графе «национальность» этноним «коми-ижемец» или «изьватас». Затем эту инициативу поддержал Совет ассоциации, а после переписи и власти Ижемского района РК заявили о поддержке идеи получения ижемцами официального статуса коренного малочисленного народа Севера.

Призыв ижемских активистов имел серьезный успех, ибо в ходе переписи более 16 тыс. коми назвали себя коми-ижемцами. Причем этот этноним оказался востребован не только сельским коми населением, сохраняющим диалектные и культурные особенности группы, но и горожанами, среди которых полторы тысячи использовали этноним «ижемец». Более всего склонны были себя идентифицировать ижемцами жители Ижемского района Коми и представители кольской группы коми, а на Нижней Оби и в Ненецком округе призыв ижемских активистов остался практически незамеченным. В НАО, к примеру, только один человек в ходе переписи назвал себя «коми-ижемцем». В Ижемском районе, где население, по данным переписи 2002 г., составляет 21511 чел. (коми составляют 90% населения района), коми-ижемцами назвали себя 11401 чел., а всего в РК – 12689.

В июне 2003 г. состоялся V съезд ассоциации «Изьватас», во время которого было подтверждена текущая цель организации – добиваться

от властей РФ включения ижемцев в перечень коренных малочисленных народов. Стремление ижемцев к получению искомого статуса имеет сугубо практическую направленность. Во-первых, они хотят защитить свои «родовые угодья» от вторжения нефтяных компаний, во-вторых, они хотят добиться от нефтяников солидных компенсаций, которые дадут стимул развитию депрессивного района и позволят поднять уровень жизни населения.

Но ижемские инициативы не находят понимания и поддержки у руководства республики и у руководства коми национального движения. В частности, Мария Кузьбожева, в то время – министр культуры и национальной политики Коми, в интервью газете «Зырянская жизнь» по этому поводу заявила следующее: «Коми-ижемцы утверждают, что они не коми. Тем самым они отрицают всю историю коми народа. Тем самым они отделяются, обособляются от других коми, которые имея какие-то этнические, языковые особенности, все-таки являются частями одного немногочисленного, но коренного народа Севера – коми, коми-зырян. Намерение получить особый статус, для того, чтобы попасть под государственный протекционизм, унижительно для коми народа. И юридически ижемцы тоже не могут претендовать на этот статус. Упомянутый государственный протекционизм осуществляется в отношении народов, коренных малочисленных народов. А не каких-то иных малых этнических групп. По моей оценке, нет юридических оснований считать, что коми-ижемцы особенный народ» [29].

Тем не менее, ижемцы продолжают настаивать на своем и в конце 2004 г. их ассоциация стала полноправным членом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ). В результате происходит политическое дистанцирование движения ижемцев от общекоми движения «Коми войтыр» и итогом этого процесса может стать создание некой новой культурной дистанции между основной массой коми и теми, кто называет себя «коми-ижемцами».

Сегодня этническое самосознание ижемцев представляет из себя сложную иерархию идентичностей, в которой все еще важное значение имеет общекоми идентичность. Но культурные ориентации подвижны и вполне вероятно, что вскоре локальное самосознание может оказаться более значимым, чем общенациональное. В любом случае, очевидно, что культурная эволюция группы ижемских коми, в том числе и изменения в их этническом самосознании, требуют дополнительного изучения, равно как и проблема этнической фрагментации финно-угорских народов в целом.

Накануне переписи не только ижемцы, но и представители другой этнографической группы коми – удорцев заговорили о том, что им необходимо вернуть исторический этноним «удораса». Но большого успеха призывы местных сторонников переопределения идентичностей у коми населения Удорского района республики не нашли.

Анализ показателей рождаемости, смертности, естественного прироста у коми показывает, что их демографическое развитие носит проблемный характер и есть основания даже говорить о демографическом кризисе. Демографы Коми научного центра отмечают, что на протяжении 1990-х гг. уровень смертности у коми превышает уровень смертности у русского населения республики: в 1989 г. коэффициент смертности у русских был равен 5,9 на 1000 населения, у коми – 10,7; в 1995 г. соответственно 10,3 и 17,1, в 1999 г. 9,3 и 13,9 смертей на 1000 населения. Уровень рождаемости у коми и русских женщин длительное время заметно различался в пользу представительниц титульного населения, но ныне эта разница стала минимальной, а младенческая смертность среди коми выше [30].

В целом уровень смертности в республике стабильно превышает рождаемость и естественный прирост населения отрицательный. Средний размер семьи, уровень брачности и разводимости, образовательный уровень и социально-профессиональная структура населения у доминирующих этнических групп сегодня различаются не очень существенно.

То есть те процессы, которые характерны для коми, в равной мере свойственны и другим этническим группам населения. Более того, проблемы низкой рождаемости, постепенного старения населения, ухудшения основных демографических показателей являются актуальными сегодня не только для российских финно-угорских народов, но и для их западных родственников, проживающих в Финляндии, Эстонии и Венгрии, где социально-экономическая ситуация в целом более благоприятна, условия жизни населения более комфортны. Специалисты уже не раз заявляли о кризисной демографической ситуации в указанных странах и о неясных перспективах ее улучшения. За исключением Финляндии, где отмечается очень небольшой естественный прирост населения, в Эстонии и Венгрии он имеет отрицательную величину на протяжении всех последних лет [31].

Только за одно последнее десятилетие венгры потеряли 3–4% своей численности, а по темпам старения населения Венгрия, которая является по существу моноэтнической страной, опережает всех своих соседей. В этих условиях многие специалисты признают, «что из миграции, являющейся частью демографической проблемы, можно

извлечь пользу для страны, поскольку она сможет на несколько десятилетий отодвинуть экономические проблемы, вытекающие из старения населения, за счет вливания представителей молодого поколения зарубежных венгров» [32]. У финно-угров России нет такого демографического ресурса, как у венгров, ибо их диаспорные группы сегодня нельзя привлечь на основную этническую территорию данных народов, поскольку большинство финно-угорских национально-государственных образований – это регионы с относительно низким уровнем социально-экономического развития и невысоким уровнем жизни населения.

Что же касается общей ситуации, которая имеет место на территориях проживания финно-угорских народов России, то в отношении тенденций их этнокультурного и этнодемографического развития продолжает оставаться актуальным заключение, сделанное известным финским исследователем Сеппо Лаллукка: «Восточно-финским народам присущи как ассимиляционные, так и плюралистические ценности и стремления. Так, с одной стороны, большое число их представителей более или менее сознательно восприняли обрусение как свою цель, т.е. они желают абсорбироваться в большое общество, хотят, чтобы к ним относились просто как к индивидам. Устремленная таким образом на ассимиляцию группа людей хочет быть полностью воспринятой доминирующей группой с последующим слиянием в большое общество. С другой стороны, имели и продолжают иметь место и стремления к этническому возрождению» [33]. Однако возможности и условия для «этнического возрождения» становятся все менее благоприятными по целому ряду причин, главными из которых являются социально-экономические и в первую очередь глубокий аграрный кризис. Это требует решения в первую очередь не языковых или культурных проблем в этническом развитии, на чем нередко настаивают представители гуманитарной интеллигенции и некоторые эксперты, а социальных и экономических задач.

Литература и источники

1. Молодежь Севера, 2003. 23 мая.
2. Численность, возрастно-половой состав, состояние в браке, уровень образования населения. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Республика Коми. Ч. 1. Сыктывкар, 2004.
3. Шабаев Ю.П. Республика Коми // На пути к переписи. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003; Шабаев Ю.П. Перепись в Республике Коми: проблемы и издержки // Этнография переписи-2002. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.
4. Финно-угорские регионы России. Стат. сб. Сыктывкар, 1999. С. 9.

5. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003.
6. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 107-109.
7. Шабаев Ю.П. Особенности этнического самосознания коми и коми-пермяков // Congressus nonus internatinalis Fenno-ugristarum 7.-13.8. Part III. Tartu, 2000; Попова Л. К вопросу об этнической самоидентификации // Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000.
8. Информационный центр финно-угорских народов // <http://www.finugog.ru/news.sob.html>
9. Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991.
10. Финно-угорский мир. Стат. сб. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2004. С. 11.
11. Финно-угорские регионы России. Стат. сб. Сыктывкар, 1999. С. 10.
12. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996. С. 74.
13. Рокина В.В. Ненецкий язык: быть или забыть? По итогам «круглого стола» // Материалы научно-практической конференции «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа». Нарьян-Мар, 2003. С. 132-135.
14. Лукьянченко Т.В. Государственная политика и традиционная культура саамов. Проблемы возрождения // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С.116.
15. Пуллар Гордон Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске // Участи коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. Сборник материалов Международного круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы» 12-13 марта 2003 г., Москва. М., 2003. С. 75-94.
16. Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные проблемы на постсоветской территории. СПб., 2001. С.19.
17. Республика, 2004. 5 февр.
18. Рогачев М.Б. Татары в Республике Коми // Российский этнограф. Альманах. М., 1993.
19. Владимиров А. Страна контрастов // Итоги, 2004. 21 сент. № 38 (432).
20. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С.11-5.
21. Республика, 2005. 14 янв.
22. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С.73-74.
23. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 180-188.
24. Шкляев Г.К.Бесермяне. Опыт этностатистического исследования // О бесермянах. Сборник статей. Ижевск, 1997. С.118.

25. Мокшин Н.Ф. Целостность России – наш главный приоритет//Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секции исторических и педагогических наук). Саранск, 2000. С. 14.
26. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
27. Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы. Т. I. М., 1994.
28. Шабаев Ю.П. Территориальное сообщество и этнические воззрения населения Коми // Социологические исследования, 2004. № 11. С. 75-83.
29. Зырянская жизнь, 2004. 9 авг.
30. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.
31. Финно-угорский мир. Стат. сб. Сыктывкар, 2004. С.13.
32. Сабо Ф., Бортаньи А. Morbus hungaricus, или Демографический кризис в Венгрии // Социологические исследования, 2004. № 11. С. 61.
33. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. С. 304.

Публикация осуществлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.</i> Влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Коми края (конец XV–XVI вв.)	3
<i>Прокопенко С.А.</i> Обычная и катастрофическая смертность в Западной Европе XVI–XVII веках	14
<i>Мацук М.А.</i> Государственная политика как фактор демографических изменений на Европейском Севере и в Приуралье (XVII век)	26
<i>Гришкина М.В.</i> Материалы Ландратской переписи 1716–1717 гг. как источник по истории Удмуртии первой четверти XVIII в.	35
<i>Васина Т.А.</i> Демографические процессы в Ижевском заводе в исследовании И.И.Андржеевского	47
<i>Аргудяева Ю.В.</i> Этнодемографическая история восточнославянского сельского населения на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.)	51
<i>Кортаев В.И.</i> Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы	61
<i>Безносова Н.П.</i> Естественное движение населения Коми АССР в 1945–1959 годах	71
<i>Мотревич В. П.</i> Сельскохозяйственное переселение на Урал в 1940-е – 1950-е годы	98
<i>Мельникова Н.В.</i> Закрытые города Урала: своеобразие социально-демографических процессов (конец 1940-х – 1960-е гг.)	105
<i>Литвинец Е.Ю.</i> Динамика численности населения Свердловской области в 1980-е годы и ее факторы	114
<i>Петрякова О.Л.</i> Некоторые аспекты истории формирования населения на Европейском Севере Российской Федерации.	119
<i>Дементьев Б.П.</i> Современная демографическая ситуация и перспективы ее развития	126
<i>Витязев А.К.</i> Об управлении рождаемостью в Республике Коми.	131
<i>Ушакова В.Л.</i> Миграционные процессы северных районов Дальневосточного федерального округа в условиях современных социально-экономических реформ	138
<i>Шабает Ю.П.</i> Перепись-2002 как индикатор социальных и этнокультурных перемен в Коми и «финно-угорских» регионах России	144